

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2015
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Субаев Р.Р. (Москва). Балканская модернизация 1878–1914 годов: цели и результаты 3
- Королёв Г.А. (Киев). Украинская революция 1917–1921 годов: европейское измерение и реализация национального проекта 17
- Филатова Н.М. (Москва). Создание Царства Польского в 1815 году в отражении официальной польской культуры 28

СООБЩЕНИЯ

- Гусев Н.С. (Москва). Первая Балканская война и русское общество 43
- Забара В.В. (Запорожье). Динамика внутривосточного развития Боснии и Герцеговины (1995–2012) 51
- Виноградова Л.Н. (Москва). Глаза и зрение в народной магии и мифологических верованиях 59

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Лаптева Л.П. (Москва). Виктор Иванович Григорович (1815–1879). К 200-летию со дня рождения 65
- Чуркина И.В., Ненашева З.С. (Москва). К истории публикации наследия М.Ф. Раевского 75
- Батурич А.П. (Санкт-Петербург). Владимир Александрович Якубский – ученый, педагог, человек (1924–2013) 87
- Кэндзёра С.Э. (Казань). Комиссия историков России и Польши в конце XX – начале XXI века: сохранение традиций и новые горизонты 92

ПУБЛИКАЦИИ

- Ганин А.В. (Москва). «Петлюровская армия ... представляется достаточно боеспособной». Украина 1919 года глазами денкинских генштабистов 98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Белов М.В. Р. Ј. Поповић. Аврам Петронијевић: 1791–1852.....	116
Кокунина Л.К. В.Ђ. Крестић. Срби у Угарској 1790–1918.....	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Поляков Д.К. Международная научная конференция «Взрыв и культура: славянский мир»	121
---	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Григория Львовича Арша	125
---------------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2015
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2015

© 2015 г. Р.Р. СУБАЕВ

БАЛКАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ 1878–1914 годов: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье освещаются вопросы «европейского периода» истории балканских стран 1878–1914 гг. В эти годы ими были предприняты попытки масштабной модернизации всех сторон своей экономической и политической жизни. Несмотря на ряд впечатляющих достижений, в целом модернизация оказалась несостоятельной. Вместо современных европейских государств на Балканах сформировались государства «военно-фискального типа», политика которых стала существенным фактором развязывания Балканских войн и последующего европейского конфликта.

The article highlights the scope of issues related to the «European period» in the history of Balkan countries in 1878–1914. During this period, they made enormous efforts to modernise all sides of their economic and political life. In spite of some spectacular achievements, modernisation in general was rather a failure. Instead of modern European states, states of «military-fiscal type» came into being in the Balkan. Their policy became an important factor in the break-out of the Balkan wars and European conflict which would follow them.

Ключевые слова: модернизация, Балканы в системе мирохозяйственных связей, взаимоотношения ветвей власти, милитаризм.

Keywords: modernization, Balkans in the system of global economic network, relations between the branches of power, militarism

Исторический период развития балканских государств 1878–1914 гг. – принципиально новый период балканской истории, период ее, собственно, Новой истории. Его начало традиционно относят к решениям Берлинского конгресса, признавшего суверенитет большинства стран региона и предоставившего политическую самостоятельность Болгарии. Но проблема суверенитета не является основной в оценке данного периода в целом. Не менее важна иная его характеристика – «европеизация» истории Балкан начиная с 1878 г.¹

«Европеизация» балканских стран как изменение самого хода их исторического развития могла быть осуществлена ими только через масштабную модернизацию всех сторон и аспектов их экономической, социальной и политической жизни. И отечественная, и западная балканистика согласны с тем, что именно «модернизация» как явление и процесс образует собой основное содержание нового периода балканской истории 1878–1914 гг. [2; 3. Р. 20]. Суть же самой модернизации

Субаев Рашид Рашатович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145а.

¹ В преамбуле Берлинского трактата от 1/13 июля 1878 г. говорилось, что державы желают «разрешить, в смысле европейского строя, [...] вопросы, возбужденные на Востоке событиями последних лет» [1. С. 181].

состоит в переходе балканских стран из социокультурной системы «Восток» в систему «Запад», в выходе из-под влияния институтов Османской империи (светских и теократических) и ориентации на ее локальный рынок и во вступлении их в систему мирохозяйственных связей, формируемых развитыми странами Запада (применительно к Балканам XIX в. преимущественно европейскими), а также в перестройке их государственно-политической системы по европейскому типу. Кратко задачу модернизации балканских государств можно сформулировать как «возвращение в Европу».

Хотя критерии модернизации как исторического явления различаются у разных авторов, в основных оценках большинство их солидарно. Это переход к экономике, основанной на индустрии, а не на сельском хозяйстве, и связанная с этим миграция населения из сельской местности в города; в политическом – формирование институтов, осуществляющих гораздо более эффективное управление общественными ресурсами: людскими, материальными, финансовыми, нежели в предмодернистскую эпоху; в идеологическом – приверженность, главным образом, идеям секуляризации, либерализма и демократии.

Главные особенности балканской модернизации – это ее обременение грузом прошлого, во-первых, и создание в ее ходе предпосылок к очередному этапу застойно-кризисного развития, во-вторых. При всей исторической важности периода 1878–1914 гг. он во многом был для балканских стран периодом переходным. Его хронологические границы не могут быть четко очерчены, с одной стороны, решениями Берлинского конгресса 1878 г., с другой – Балканскими войнами 1912–1913 гг. и началом Первой мировой войны². Историческое содержание данного периода размыто, причем «размыто в обе стороны».

Эта размытость социально-экономических и социально-политических процессов за рамки хронологических границ периода представляет собой одну из важнейших характеристик Новой балканской истории. Неразрывная связь качественно нового периода истории с периодом прошлым и завершение модернизационных тенденций в последующий межвоенный период в виде очередной стагнации, позволяет говорить о явно выраженной цикличности в истории Балкан³. Политические аспекты рассматриваемых проблем получили дополнительную актуальность после распада Восточного блока и повторного вхождения балканских стран в европейскую систему, сопровождаемого как новыми, так и унаследованными от прошлого проблемами и противоречиями, связанными с рассматриваемым ниже синдромом системной исторической отсталости. Незавершенная же (или несостоявшаяся) модернизация 1878–1914 гг. предопределила дальнейшее пребывание балканских стран на периферии исторического развития, хотя и в новой, по сравнению с османским периодом, категории отсталости.

Синдром отсталости или «внеевропейскости» имел свои глубокие корни еще в доосманском периоде балканской истории⁴. Те особенности организации балканских обществ, которые им пришлось преодолевать в период своего «возвращения в Европу», были во многом обусловлены спецификой православного социокультурного контекста и фискально-административной практики, унаследованной османами от Византии. Получившая в среде историков-балканистов признание «османская матрица» наложила на уже имевшиеся глубокие отличия балканского

² Первая мировая война, особенно в ее начальной стадии, не имела еще такого решающего значения для изменения судеб региона, как предшествовавшие ей Балканские войны. Окончательные изменения принесли Версальская система 1919–1921 гг. и особенно события и соглашения 1923 г. об обмене населением.

³ О цикличности истории Балкан в принципе см., например [4. С. 19].

⁴ Систематизацию взглядов на причины балканской «неевропейскости» см. [5]. Православно-византийский феномен сам С. Совардс затрагивает формально, не вскрывая его существенных характеристик: «мощная утонченная цивилизация на юге».

общества от европейского, придав ему то неповторимое своеобразие, которое и позволяет говорить об особом цивилизационном субварианте региона Балкан⁵.

Балканские политические элиты всегда видели свои государства неотъемлемой частью Европы, лишь временно отрезанной османским завоеванием от того пути прогресса, по которому ушла далеко вперед Западная Европа. Ощущение цивилизационной сопричастности судеб Европы и Балкан, которое не смогло разрушить османское завоевание и включение балканских народов в систему исламской Османской империи и в социокультурную модель ближневосточной цивилизации, с оттенком превосходства именуемой европейцами «Востоком», никогда не покидало образованные слои балканских обществ (сначала греков, а позже молдаво-валахов и славян)⁶. Обретение политической независимости придало этому ощущению новый импульс.

После установления на Балканах «Берлинской системы» появилась надежда, что балканские страны быстро вернуться на свой прежний естественный, т.е. европейский путь развития. Ими были приняты амбициозные программы модернизации, которые, как вскоре выяснилось, значительно превосходили их более чем скромные возможности. «В течение всего периода наблюдался широкий и отчасти принимающий сюрреалистические формы разрыв между экономической реальностью и заоблачными планами модернизации, обсуждаемыми в узких кругах элит, в министерских кабинетах, парламентах и в обществе в целом» [8. Р. 20].

Возвращение балканских стран в Европу не было ни естественным, ни легким. В Европе новых «бедных родственников» мало кто ждал с распростертыми объятиями. Более того, едва освободившись от гнета Османской империи, новые независимые балканские страны сразу же сделались объектом военно-политической экспансии и экономического давления со стороны теперь уже единовременных христианских империй: Австро-Венгрии и России.

Балканские элиты понимали, что только быстрая модернизация и европеизация позволят им избежать новой формы зависимости и отстоять свой только что обретенный суверенитет. В дополнение к выбору вектора развития – «в Европу» – другой важной характеристикой стратегии модернизации была проблема определенных темпов этого развития. Принятая стратегия ускорения исторического развития балканских стран получила впоследствии наименование концепции «догоняющего развития» по отношению к западным странам. В его основе лежала задача преодоления исторической отсталости, выпавшей на долю балканского региона в период «османских темных веков».

Новый период балканской истории придал новое видение и самой проблеме отсталости. Переход балканских стран к «европейскому» этапу развития создал предпосылки преодоления ими отсталости в цивилизационном плане. После перехода их на новое историческое время, выхода из системы «Восток» и вхождения (при всех оговорках) в социокультурную систему «Запад» проблема отсталости стала проблемой отставания балканских стран лишь в темпах социально-экономического развития в рамках типологически однородной с Западом модели, вместо прежней проблемы «исторической обреченности» – системной исторической отсталости, обусловленной долгим нахождением в рамках принципиально иного типа цивилизации. Возвращение в Европу предопределило и самое возможность избрания балканскими элитами стратегии «догоняющего развития».

Очевидный рост ключевого для оценки развития государства показателя – уровня валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в балканских странах в 1878–1914 гг. стал следствием в общем достаточно успешной интеграции балканских экономик в развивающуюся мировую экономику кануна Первой мировой войны. Однако эта интеграция не привела к запуску процессов струк-

⁵ Об «османской матрице» см. [6. С. 279–291].

⁶ Об «ориентализме» см. [7].

турной перестройки экономики, особенно к ее индустриализации, которая одна могла явиться предпосылкой сближения уровней развития балканских и европейских стран. В сохранившейся аграрной экономике не произошло также и аграрной революции, и перехода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Политические институты, являясь слепком со своих европейских аналогов по форме, по сути, функционировали по совсем другим законам и правилам, формируемым на основе специфических балканских традиций и представлений.

Консервация социальной структуры, основанной на мелком крестьянском землевладении, привела к сохранению и укреплению архаичных форм ведения хозяйства по типу модернизированного «азиатского способа производства», в котором главным хозяйствующим субъектом, противостоящим массе мелких аграрных производителей, являлось государство. Рост государственной бюрократии приобрел невиданные для Западной Европы масштабы. В специфических правовых условиях, существовавших в балканских странах, она стала не просто социально-профессиональным слоем, но и носителем определенных черт сословной исключительности, находясь в особых отношениях с политическими институтами, с одной стороны, и массой деполитизированного, угнетаемого государством населения, с другой.

Укрепление института монархии⁷ и переплетение между собой высшей бюрократии, армейской и предпринимательской верхушки привело к формированию коррумпированной социальной группы, поддерживающей монархию и, в свою очередь, зависящей от нее же и противостоящей основной массе населения. Данный социальный феномен имел гораздо более ярко выраженные «восточные» черты, нежели тот западный образец общества, к достижению которого стремились балканские элиты. С учетом конфессиональных особенностей «рецидива ориентализма» (православие) до некоторой степени можно говорить о некой «византизации» балканских государств. Эти тенденции, которые не стоит преувеличивать, но которые, одновременно, невозможно и отрицать, переплетаясь с процессами модернизации, придавали историческому развитию балканских стран крайне непоследовательный, внутренне противоречивый характер. Кроме того, «ориентализация» балканских обществ проходила на фоне ускоренной «вестернизации» османского общества после восстановления конституционного режима в 1908 г. Эти встречные тенденции у разных субъектов: носителей «идей прогресса», с одной стороны, и традиций «восточного варварства», с другой, привносили в историю Балкан элемент парадокса. Накануне Балканских войн социокультурный порог между балканскими странами и Османской империей в принципе не был выше, чем между ними же и развитыми европейскими странами⁸. Гравитационное поле «ориентализма» со стороны все еще достаточно сильной Османской империи, находившейся под боком, весь рассматриваемый период оказывалось сильнее притяжения созвездия отдаленных планет европейской системы.

Проблема системной отсталости, обрекающей государства на консервацию в зоне мировой экономической периферии, была впервые поставлена в 1962 г. в работе А. Гершенкрона. Несмотря на не строго научный характер, работа сразу получила статус классической [9]. Хотя точка зрения автора в разное время подвергалась критике с самых разных позиций [10; 11. Р. 45–50, 57], ни одна работа, посвященная экономике Балкан конца XIX в., не может обойтись без упоминания его имени. Вслед за Гершенкроном постулат «предопределенной отсталости» был выдвинут венгерскими авторами И. Берендой и Дж. Ранки, болгарско-американским автором К. Блэком, американскими специалистами по Балканам и Восточной Европе Дж. Лэмпом, Д. Гудом, Д. Широ и многими другими [12]. Все они

⁷ К концу рассматриваемого периода все балканские монархи, бывшие ранее просто князьями, стали королями, а болгарский князь – так и царем (т.е. императором, «цезарем»).

⁸ Разумеется, речь в данном случае идет о наиболее развитых европейских регионах Османской империи.

относили балканские страны к периферии Европы на тех основаниях, что в них не произошло перехода к новому этапу развития по типу промышленных или аграрных революций. В течение всего периода 1878–1914 гг. аграрный сектор Балкан развивался экстенсивно. Именно застой производительности труда, несмотря на отмечаемый статистикой рост главной ориентированной на экспорт отрасли экономики – сельского хозяйства, не позволил балканским странам осуществить идею «наверстывающего развития».

Согласно выводам большинства авторов школы экономической истории, по основным показателям экономического развития разрыв между странами Западной Европы и балканского региона в период 1878–1914 гг. не только не сократился, но, напротив, – увеличился. Концепция «догоняющего развития» потерпела неудачу. Но есть и противоположная точка зрения. Кто прав, и на каких основаниях делаются подобные выводы? Обратимся к экономической статистике сравнительных показателей Балкан и Европы.

В положительной оценке достижений своих стран лидируют сами балканские авторы, которые пытаются «европеизировать» их в историографии в большей степени, чем это произошло в реальной действительности 1878–1914 гг. [13]. Так, сербский автор С. Маркович полагает, что интенсивный рост сербской экономики в десятилетие перед Первой мировой войной сократил расхождение относительных показателей Сербии и стран Западной Европы по сравнению с предшествующим периодом [13. Р. 98–99].

Оптимистичную для Балкан оценку итогов периода 1878–1914 гг. дали в свое время американские авторы Дж. Лэмп и М. Джексон. Согласно их расчетам, сравнительный уровень валового национального продукта (ВНП) на душу населения в странах Центральной и Западной Европы и в балканских странах в канун Первой мировой войны различался гораздо меньше, чем разрыв этого показателя между развитыми и развивающимися странами в 80-е годы XX в. (т.е. во время написания исследования).

Согласно расчетам Лэмпа, в 1911 г. доля ВНП на душу населения была: в Румынии – свыше 300 франков, в Сербии – свыше 250 франков, в Болгарии – почти 250 франков. Эти цифры Лэмп сравнивает с аналогичными данными по Австро-Венгрии: свыше 400 франков для Венгрии; 700–800 франков для Чехии, а также с самой высокоразвитой в индустриальном плане Германией – почти 1000 франков [14. Р. 160]. Показатели балканских стран, приводимые Лэмпом, корреспондируют с аналогичными показателями, рассчитанными М. Паларетом на 1910 г.: для Сербии – 266 франков и для Болгарии – 307 франков [15. Р. 323].

Сравнивая эти цифры с данными за 1907 г. для Османской империи – 150 франков, Лэмп делает кажущийся очевидным вывод, что экономика балканских стран развивались гораздо эффективнее, чем экономика их бывшего сюзерена [16. Р. 195]. Между тем в отношении Османской империи следовало бы принять в расчет совершенно несопоставимый уровень развития азиатских провинций по сравнению с европейскими – Македонией.

Общий вывод Лэмпа состоит в том, что балканские страны периода 1878–1914 гг. проделали огромный путь развития в конце XIX – начале XX в. и вплотную приблизились к уровню развитых европейских государств. Для этого им пришлось увеличить уровень своего национального продукта на душу населения «в несколько раз». По мнению Лэмпа, это разительно отличалось от уровней развития европейских стран и наименее развитых стран третьего мира, где разрыв составлял от 10 до 50 раз [14. Р. 161].

В свое время никто из историков не обратил внимания на тот факт, что Лэмп и Джексон оперировали итоговыми (за 1911 г.), но не приводили исходных (за 1878 г.) данных, сравнивая не уровни развития балканских стран начала и конца периода, а типы развитых и развивающихся стран разных эпох и регионов. Их весьма оптимистичная оценка приобрела характер тезиса, не требующего даль-

нейших доказательств, и в течение двух десятилетий конца XX в. стала «гулять» по страницам специальных работ на балканские темы, пока в начале 2000-х годов ряд новых исследований школы экономической истории не поставил данный тезис под сомнение. Тем не менее, или, наоборот, в силу этого, разброс мнений, высказанных в ходе дальнейшей дискуссии, остается весьма значительным.

Д. Гуд и Т. Ма являются наиболее убежденными сторонниками «конвергенции». Они полагают, что темпы роста ВВП на душу населения в балканских странах были почти такими же или даже несколько выше, чем в странах Западной Европы⁹. Для Болгарии и Сербии авторы указывают средний темп прироста ВВП на душу населения 1,3; для Румынии – в 1,4; в то время как средний показатель для Западной Европы они считают равным 1,2 [17. Р. 113. Table 1]. Позже выводы Гуда и Ма применительно к Болгарии были оспорены М. Ивановым и А. Тузом как основанные на спорных источниках, излишне усложненной методике анализа и чрезмерном использовании приблизительных данных [18. Р. 674–677].

Исследования Иванова и Туза, а также М. Паларета показывают, что рост доходов на душу населения в Юго-Восточной Европе в десятилетия перед Первой мировой войной действительно имел место, но при таких низких темпах, которые никак не могли сблизить этот показатель на Балканах и в странах Западной Европы [15. Р. 366–367].

Эти данные подтверждают высказанную ранее аналогичную точку зрения видного голландского историка-экономиста П. Байроха, который в расчетах темпов среднегодового прироста ВВП на душу населения для всех европейских стран за 1860–1914 гг. получил показатель 1,0 (в том числе 1,2 для Франции и 1,4 для Германии), в то время как для Сербии и Болгарии – 0,5; для Греции – 0,69 и для Румынии – 0,86 [19. Р. 286, 297].

Исследование С. Бабанасиса, построенное на основе методики Байроха, также приводит к выводам в пользу «дивергенции». Согласно им, в 1850 г. доля ВВП на душу населения в разных балканских странах составляла от 67% до 78% средне-европейского показателя. Шестьдесят лет спустя, в 1913 г. эти цифры упали до 49–63% (в Болгарии – 49%, в Сербии – 53%, в Греции – 60%, в Румынии – 63%). Темпы развития с середины XIX в. в Европе оказались значительно выше, чем на Балканах. «Это означает, что в период между 1850 г. и 1913 г. разрыв в развитии между странами Юго-Восточной Европы и развитыми европейскими странами увеличился. Следовательно, балканские страны оказались пойманными в ловушку европейской периферии» [20. Р. 27–28].

Весьма интересные взгляды на проблему и выводы из ее анализа демонстрируют два автора «пессимистического направления» оценки достижений балканских стран: М. Паларет и Х. Зундхаузен. Коротко, их точка зрения состоит в том, что экономическое развитие балканских стран (особенно Болгарии и Сербии, которые и являются основным объектом анализа) в период после обретения независимости 1878–1914 гг. значительно деградировало по сравнению с периодом османского господства [15; 21]. Эти выводы произвели фурор в научном сообществе. Позже критический разбор источников и методики авторов показал их уязвимость, особенно Паларета, однако и сейчас эти работы продолжают сохранять значительное влияние на изучение проблем балканских экономик. Хотя провокационная, если не эпатажная, книга Паларета и принесла ему мировую известность, в научном плане гораздо более весомым является его более ранний труд, написанный на основе его докторской диссертации [22].

Главной проблемой на пути однозначного решения вопроса о результатах развития балканских стран в период 1878–1914 гг. является отсутствие достоверных

⁹ Я полагаю, что расхождениями между ВВП и ВВП применительно к Балканам 1878–1914 гг. можно пренебречь, учитывая крайне низкий уровень вывоза капитала в производственной форме в этот период.

статистических данных. В связи с этим, целое направление экономической истории занимается их искусственной реконструкцией. Видный британский экономист А. Мэдисон предложил свою методику построения динамических рядов, основанную на приведении издержек различных факторов производства и цен на предметы потребления, относящихся к разным временным периодам и разным странам, к единой базе, рассчитанной на основе паритета покупательной способности валюты, выраженной в условных статистических единицах – так называемых долларах Гири – Хамиса или международных долларах. Данный инструмент, хотя и не получил всеобщего признания, тем не менее активно применяется в прикладных исследованиях, в том числе инициируемых международными организациями. Данные по Балканам рассматриваемого периода и в этом случае полны лакун, но все же определенную картину, основанную на единых принципах анализа, представить по данным Мэдисона можно.

Поскольку, по моему мнению, корректнее соотносить показатели стран, соответствующих друг другу по масштабам территории и населения, нежели «малых» и «больших» стран, сопоставление будет осуществлено на двух уровнях. Сравнивая показатель уровня ВВП на душу населения балканских стран (Румыния, Сербия, Болгария и Греция) с группой четырех малых высокоразвитых стран Западной Европы (Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Дания) и группой великих держав (Великобритания, Германия, Франция, Италия) по состоянию на 1870, 1900 и 1913 г., мы видим следующую картину.

Средний уровень ВВП на душу населения в малых европейских странах в 1870 г. превосходил аналогичный показатель балканских стран в 2,94 раза, а тот же уровень ВВП в великих державах превосходил их в 2,59 раза. В 1900 г. показатель в малых европейских странах превосходил балканский в 2,86 раза, а тот же показатель в великих державах – в 2,48 раза. Наконец, в 1913 г. показатель в малых европейских странах превосходил балканский в 2,78 раза, а в великих державах – в 2,47 раза¹⁰.

Формально, мы получили результаты, противоречащие выводам сторонников «дивергенции» (Бабанасиса и др.). Но расхождения такого рода следует отнести на счет особенностей методики Мэдисона по составлению баз данных (в частности, показатели для конкретных стран рассчитывались им по разным наборам продуктов, исходя из доступности данных, и на базе их постоянных границ без учета исторических изменений). К счастью, сейчас оказалось возможным осуществить переоценку данных Мэдисона на основе прикладного исследования С. Бродберри и А. Клейна. Оставаясь в русле методики Байроха и Мэдисона, авторы значительно повысили широту охвата и качество отбора и обработки статистического материала. Согласно результатам их исследования, искомые соотношения выглядят следующим образом.

Средний уровень ВВП на душу населения в малых европейских странах в 1870 г. превосходил аналогичный показатель балканских стран в 2,59 раза, а тот же уровень ВВП в великих державах – в 2,52 раза. В 1890 г. этот показатель в малых европейских странах превосходил балканский в 3,17 раза, а в великих державах – в 2,55 раза. Наконец, в 1913 г. средний уровень ВВП на душу населения в малых европейских странах превосходил балканский в 3,13 раза, а в великих державах – в 2,68 раза¹¹.

Подводя итоги дискуссии, М. Копсидис делает такой дипломатичный вывод: «Даже если в регионе и не наблюдалось долгосрочного снижения реальных доходов на душу населения, все равно имеются весомые аргументы в пользу того, что все большее расхождение между западноевропейским “ядром” и юго-восточной “периферией” было главной характеристикой экономического роста [...] в тече-

¹⁰ Рассчитано на основе данных [23].

¹¹ Рассчитано на основе данных [24. P. 20. Table 3].

ние торговой экспансии эпохи «первой глобализации» в период до 1914 г.» [8. Р. 3].

Таким образом, мы накопили достаточный объем статистических данных и историографических выводов, позволяющих со всей определенностью констатировать неудачные результаты балканской модернизации 1878–1914 гг. и в экономическом, и в социальном плане. Невзирая на большие затраты ресурсов: труда и капитала, извлекаемых из нещадно эксплуатируемого новым государством крестьянства (степень эксплуатации в разы, если не на порядок превосходила таковую в османский период), преодолеть отставание от развитых европейских стран балканским элитам не удалось. В социальном плане произошла консервация архаичных структур мелкой крестьянской земельной собственности, а несостоявшаяся индустриализация не создала урбанистский слой. Все это являлось одновременно и предпосылками сохранения, и проявлением той «системной отсталости», свойственной странам европейской и мировой хозяйственной периферии.

Попытаемся все же определить реальное место балканских стран в системе мирохозяйственных связей на 1910 г., за который есть сводные статистические данные, реконструированные видным югославским экономистом И. Вински.

Методика Вински в принципе подобна методике Мэдисона с той лишь разницей, что Мэдисон приводил данные к паритету «международных долларов»

Таблица 1¹²

Страна	ВВП (млн «междунар. долл.» 1975 г.)	Население (млн чел.)	ВВП на душу населения	Индекс (весь мир = 100)
Румыния	3407	12,10	281	58
Сербия	4109	12,78	322	67
Болгария	1344	4,65	289	60
Греция	1766	5,32	332	69
Бельгия	12 295	7,73	1590	299
Нидерланды	7264	5,90	1231	255
Швейцария	5394	3,73	1446	300
Дания	3623	2,91	1245	258
Швеция	7468	5,50	1357	282
Норвегия	2369	2,30	1030	214
Испания	9211	19,80	465	96
Португалия	2033	5,88	346	72
Великобритания	67 434	41,71	1617	335
Франция	58 299	40,32	1446	300
США	213 797	92,41	2314	480
Канада	12 667	7,22	1754	364
Бразилия	4011	25,38	158	33
Мексика	5034	14,16	355	74
Аргентина	7322	6,60	655	136
Чили	1980	3,33	595	123
Уругвай	830	1,07	776	161
Индия	43 048	301,01	144	30
Индонезия	5974	44,70	133	28
Индокитай	4770	16,40	290	60

¹² Источник: [25. Р. 182–199]. Не приводятся данные по Германии из-за сложности пересчета данных ФРГ, ГДР и части Польши, данные по Бельгии указаны И. Вински вместе с Люксембургом, в данные по Индии включены данные по Пакистану и Бангладеш (Британская Индия, 1910).

1990 г., а Вински – 1975 г. Погрешности Вински тоже вытекают из применения аппроксимированного подхода к обработке данных, свойственного Мэдисону. В расчетах показателей балканских стран за 1910 г. Вински явно пользовался данными (ВВП и население) в пределах их будущих границ после 1918 г. Так, очевидно, что в показатели Румынии включена Трансильвания, Сербии – Хорватия, Словения и др., Греции – Македония. Все же ценность наглядности и сопоставимости данных Вински намного превосходит их недостатки. Для удобства восприятия приведем их по избранным странам в табличной форме (табл. 1).

Данные таблицы позволяют сделать некоторые выводы общего характера о реальном месте балканских стран в мировой экономике начала XX в.

Во-первых, мы видим колоссальный разрыв (более чем в четыре раза) от показателей группы малых развитых стран Западной Европы. Примерно такой же разрыв отделяет балканские страны от скандинавских стран и еще больший (более чем в пять раз) – от крупных развитых стран Западной Европы и Северной Америки.

Во-вторых, балканские страны более чем в два раза отставали по совокупному индексу от стран «белого конуса» – трех стран Южной Америки: Аргентины, Чили и Уругвая, большинство населения которых составляли иммигранты из Европы, и были близки по своим показателям к крупным «туземным» странам региона: Бразилии и Мексике¹³.

В-третьих, страны Балканского полуострова, конечно, не находились на уровне развития крупных колоний европейских государств, но они вполне соответствовали уровню стран другой европейской периферии – Пиренейскому полуострову: Испании и Португалии, с которыми у них было много общего в социально-экономической структуре.

Общий же вывод из оценки достижений балканских стран за период 1878–1914 гг. состоит в следующем – они действительно остались на периферии мирового развития.

К концу рассматриваемого периода накануне Балканских войн модернизационные процессы в балканских странах утратили свое воплощение в виде идеи продвижения по пути прогресса. Можно говорить о том, что балканские элиты заблудились на непростом пути модернизации. Единое видение задач «европеизации» своих стран расщепилось. Часть процессов, в основном технократического характера: в сфере экономики, финансов и особенно военного строительства продолжали свое развитие. Другие, главным образом, в политическом, правовом и социальном аспектах, не просто затормозились, – в известном смысле они обратились вспять.

К концу рассматриваемого периода все без исключения балканские страны приобрели явные признаки государств «военно-фискального типа», свойственного странам Западной Европы предшествующего исторического этапа конца XVII–XVIII вв. Гипертрофированная роль этого типа государства, не очень ощущаемая в сфере политического контроля, была, однако, очень чувствительной в социально-экономическом плане – в создании мощной структуры фиска, системы формирования государственных доходов, путем налоговых изъятий и инструментов государственного долга. Целью этих финансовых рычагов было создание в таких государствах, как Франция, Англия, Пруссия, Австрия, Россия, Испания, Сардиния – армии и флота в масштабах, невиданных в Европе со времен Тридцатилетней войны, когда финансирование армии было проблемой самой армии. Тогда война «кормила сама себя» на основе разорения территорий, на которых

¹³ В случае Бразилии, как и Индии, в расчет должна быть принята избыточная численность населения, «сседающая» удельную величину ВВП, – явление, свойственное и балканским странам, но в меньших масштабах. Численность же населения Индокитая на 1910 г. представляется мне явно заниженной.

велись боевые действия (система реквизиций, возрожденная Наполеоном в начале XIX в.)¹⁴.

В этом любопытном феномене воспроизводства прошлой модели развития, с опозданием на целый исторический такт, проявилось взаимодействие на Балканах начала XX в. категорий «модернизация» и «отсталость». Изменение целей модернизации на фоне очевидных, но далеко не окончательных результатов построения государств европейского типа, переключило ее задачи с внутренней политики на внешнюю, с развития на агрессию, – с целью раздела сначала Европейской Турции, а затем и передела всей Юго-Восточной Европы. Произошло переосмысление понятий цели и средств. Отныне целью модернизации стала подготовка к войне, а «европеизации» (как результата модернизации) – степень готовности эту войну развязать и выиграть.

Исследование проблем балканской модернизации приводит к выводу о том, что в течение периода 1878–1914 гг. балканскими элитами были опробованы два типа ее финансирования. Было бы, однако, неправомерно говорить о существовании некоего порога, водораздела, между этими двумя стратегиями: 1) вхождением в мировое хозяйство на основе экспорта сельскохозяйственных продуктов; и 2) выступлением в роли нетто-импортеров капитала за счет осуществления в международных финансовых центрах крупных займов под гарантии иностранных правительств. Первые иностранные займы были заключены балканскими странами на достаточно ранней стадии своего независимого развития (главным образом, на цели железнодорожного строительства), а активное наращивание экспорта производилось до самого конца рассматриваемого периода. Все же рубеж, с которого можно говорить о принципиальном изменении подхода к дальнейшему проведению модернизации, определяется динамикой одного из основных макроэкономических показателей – объемом государственного долга. Этот фактор для балканских стран имел особое значение как для стран развивающихся, приобретающих при этом черты военно-фискальных государств.

Новое в экономической жизни балканских стран после перехода к стратегии привлечения займов заключалось в следующем. Эти заимствования многократно возросли в масштабах и приобрели многоцелевой характер. Одним из основных направлений их использования стало покрытие бюджетного дефицита, возникающего из-за неуклонно повышающихся военных расходов (в форме кредитов казначейства военным министерствам в рамках «экстраординарных бюджетов»), а главным, особенно в последние предвоенные годы – оплата прямых заказов современных систем вооружения фирмам-производителям стран-кредиторов (табл. 2).

Таблица 2¹⁵

Показатели балканских стран на 1912–1914 гг.

Страна	Объем внешнего государственного долга на начало 1914 г. (млн. фр.)	Использование займов 1878–1914 гг. на производственные цели (%)	Доля бюджетных расходов на обслуживание займов (%)	Доля военных расходов в бюджете (%)
Румыния	1800	35	20	15
Болгария	1350	21	22	22
Сербия	1150	30	30	23
Греция	1250	26	42	16

¹⁴ О государстве «военно-фискального типа» см. [26].

¹⁵ Рассчитано на основе данных: [27. Р. 241, 264, 274, 285, 289; 28. Р. 50, 133, 327; 29. Р. 420; 30. Р. 489; 31. С. 469; 32. С. 62]. Военные расходы Болгарии были гораздо выше за счет практики военных кредитов; доля использования займов на производственные цели в Румынии исчислена Х. Фейсом «приблизительно».

В историографии долгие годы после истечения рассматриваемого периода не затихала дискуссия, чем были иностранные займы для этих стран – благом или злом. Мировые финансовые кризисы последних десятилетий, казалось бы, должны были придать новые импульсы и новые измерения указанной дискуссии, но появления крупных специальных работ на эти темы до сих пор не отмечалось.

Рассматривая проблему внешнего долга, проиллюстрированную впечатляющими таблицами расхождений между номинальными суммами займов и реальными поступлениями в казначейства стран-заемщиков¹⁶, а также астрономическими суммами, причитающимися к погашению (основной долг с процентами), следует иметь в виду два важных момента. Во-первых, исторический опыт подавляющего большинства стран свидетельствует, что огромные суммы внешних заимствований никогда не бывают погашены в полном объеме. Они либо конвертируются, либо реструктурируются, либо кассируются. Во-вторых, итоговая оценка результатов заимствований зависит от целей и эффективности их использования. При условии использования средств займов на производительные цели и того, что рентабельность профинансированных ими проектов превышает эффективную процентную ставку привлечения, займы оказываются экономическим благом, рычагом подъема экономики на новый уровень развития. И здесь балканские правительства и элиты в целом оказались далеко не на высоте.

В отношении заимствований балканских стран кроме проблемы производительного использования средств займов существует еще одна проблема, не уступающая по важности предыдущей. Это проблема иностранного контроля над состоянием финансов стран-должников и участия представителей стран-кредиторов в управлении ими. Марксистская историография всех стран единогласно провозглашает подобную практику зримым проявлением утраты странами-должниками национального суверенитета, попадания их в зависимость от международного капитала, подчинения их чужой политической воле¹⁷. Действительно, проблема внешней задолженности в начале XX в. и особенно накануне Первой мировой войны оказывалась тесно связанной с проблемой формирования военно-политических союзов и с оказанием на отдельные страны (причем не только должников, но и кредиторов!) политического и дипломатического давления в этом направлении.

Применительно к балканским странам проблема внешнего финансового контроля имела, однако, еще один важный аспект. Речь идет о коррупции, вернее о ее реальных масштабах в экономической жизни общества. На Балканах она была несоизмеримо выше, чем в развитых странах и в России. Введение иностранного контроля над финансами балканских стран оказывалось весьма эффективным средством ее пресечения. Более того, сами результаты деятельности международных финансовых контролеров в балканских странах в конце XIX – начале XX в. оказались настолько действенными и важными по отложенным последствиям, что эта проблема заслуживает отдельного тщательного исследования. Речь могла бы идти о самой способности балканских стран начать Балканские или вступить в Первую мировую войны при условии отсутствия подобного контроля. Впервые эту проблему весьма осторожно затронул Х. Фейс в 1930 г. в книге «Европа – мировой банкир», но как можно предположить, не решился идти дальше по мрачному лабиринту раскрывающихся перед ним выводов [27. Р. 268, 284, 292]¹⁸.

¹⁶ За минусом дисконтов, удержанных в свою пользу организаторами займов. Так называемая цена займа или эмиссии.

¹⁷ См., например, [31. С. 472].

¹⁸ Остроту проблемы иностранного контроля в указанном аспекте, поистине достойном отношений Фауста и Мефистофеля, Фейс притупляет постановкой проблемы кредитования балканских стран иностранным капиталом вообще, считая ее, однако, «подливанием горячего в бивачные котлы враждующих государств» [27. Р. 268].

Иностранному контролю подлежали главным образом источники государственных доходов, передаваемые в обеспечение своевременных платежей по заключенным займам. Как правило, это были наиболее стабильные, предсказуемые и хорошо просчитываемые денежные потоки: доходы таможен (экспортные и импортные пошлины), доходы от отдельных видов налогов и сборов, доходы государственных монополий (производство и/или продажа табака, соли, керосина и пр.), а также доходы государственных железных дорог. Данные доходы не являлись прямыми источниками платежей по займам, которые осуществлялись в рамках обычных бюджетных расходных статей. Однако иностранный контроль являлся надежной гарантией того, что данные доходы будут получены бюджетом в полном объеме (т.е. не будут разворованы в их значительной части на местах и в центре) и послужат источником выплат кредиторам. Только в случае дефолта по какому-либо займу поступления по заложенным видам доходов должны были непосредственно поступать в кассы кредиторов, минуя бюджет. Такой механизм управления финансами несостоятельного должника на Балканах был введен только один раз – в 1898 г. в Греции. В Болгарии и Сербии кредиторами применялись гораздо более мягкие формы контроля – в форме аудита и рекомендаций.

К числу немногих бесспорных проявлений успеха модернизации 1878–1914 гг. можно отнести изменение роли и места балканских государств в системе международных отношений. В начале периода – они все еще парии на задворках европейской цивилизации; в середине – реальные оппоненты великих держав в геополитическом переустройстве региона (Крит 1897 г.; Мюрцштег 1903 г.; Босния–Герцеговина 1908–1909 гг.); в конце – объекты торга и вовлечения в блоковую стратегию великих держав. В какой мере это можно считать достижением балканских государств, а в какой воздействием держав противостоящих лагерей – вопрос, не получивший до сих пор однозначного ответа. Обе группы актеров всемирной драмы стоили друг друга, и пьеса, разыгрываемая на европейских подмостках, в своей балканской мизансцене с начала 10-х годов XX в. все больше утрачивала характер веселой «балканской оперетты», развлекающей беззаботную публику бравурными ритмами Оффенбаха, Легара и Кальмана, и все более приближалась к зловеющим чертам драм Софокла, Еврипида и Шекспира с их неотвратимой логикой сползания к катастрофе. Опереточные «субретки» все чаще навязывали «героям-любовникам» параллельную линию интриги, втягивая их в конфликты раньше, чем тем было бы это угодно, а «господа» взяли за правило подкупать и вооружать своих «слуг», не отдавая себе до конца отчета в необратимых последствиях утраты инициативы в отношении выбора момента наступления рокового «судного дня».

Уже к началу 1910-х годов главными признаками модернизации балканских стран и мерилom ее успехов стали не показатели их экономического роста, не число современных предприятий, единиц оборудования и мощность применяемых энергетических агрегатов, а численность мобилизуемых штыков и количество батарей скорострельных орудий. Игра в «саморазвитие малых стран», в построение «балканских Бельгий и Швейцарий» была окончена. Модернизация, наконец, обрела свой смысл и цель – в войне. Болгария, вместо «Балканской Бельгии» в начале периода, в конце его с гордостью называла себя «Балканской Пруссией». Сербия от «Балканской Швейцарии» быстро эволюционировала к «Балканскому Пьемонту». Греция развивалась зигзагообразно: от увлечения идеями малого, но развитого национального государства до новых рывков к возрождению «Новой Византии».

Отказ от построения «Балканской Бельгии» был и сознательным выбором элит, и объективным следствием. Ибо масштабы экономических потенциалов этих стран были несопоставимы, включая удельный вес военных компонентов. «Вечно нейтральная» Бельгия с военным бюджетом в 11% государственных расходов потратила в 1906 г. сумму в 60 млн. франков только на реконструкцию фор-

тов Антверпена, что в абсолютных цифрах равнялось общему военному бюджету 1911 г. двух таких стран как Болгария и Греция, открыто готовящихся к войне [33. С. 268; 30. Р. 489]. При этом общие объемы военных расходов, включая обслуживание внешних займов, значительная часть которых, особенно в последние предвоенные годы, тоже была потрачена на военные цели, составляла до 50% всех государственных бюджетных расходов (ординарных и чрезвычайных) [27–32].

Став европейскими государствами, балканские страны оказались европейскими государствами позавчерашнего дня. Отсталость проявлялась во всем, являясь фоном отдельных проявлений «модерности». Уже Балканские войны были войной, ведущейся отсталыми странами с применением современных средств. Вступая в Первую мировую войну, балканские элиты тоже обрекали свои народы на роль пушечного мяса, оснащенного чужим, импортированным, современным вооружением. Европейскими, в полном смысле этого слова, балканские страны стали только после 1918 г., оплатив кровью своих народов вступление в Европу. Европейская война сделала их европейскими странами. Послевоенное политическое устройство Европы уже в значительно большей степени, чем довоенное основывалось на европейском статусе балканских государств.

То, что итогом периода 1878–1914 гг. стала мировая война, логическим образом вытекает из перерождения смысла и целей балканской модернизации. Подняв в ходе ее проведения свой статус до уровня игроков, с которыми стали вынуждены считаться организаторы «большой игры», балканские правящие круги приняли самое активное участие в выборе способа и времени ее начала. До сих пор остается открытым вопрос о значении Сараевского убийства – поводом ли к войне или одной из ее причин явилось это событие? [34]. Ясно одно – крах долгой сорокалетней истории «первой глобализации» 1873–1914 гг. и *Belle Époque* в истории Европы, казалось бы, сулящей миру долгий период процветания, открытости и гуманизма, произошел не без влияния сильнейшего толчка, полученного из европейской периферии, так и не сумевшей модернизоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
2. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004.
3. Diverse Paths to Modernity in Southeastern Europe. Essays in National Development // Contributions to the Study of World History, № 20. New York; Westport (CT); London, 1991.
4. *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3.
5. *Sowards S.W.* Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History, Lecture 2: “Asia begins at the Landstrasse:” Comparing Eastern European and European histories // URL=<http://staff.lib.msu.edu/sowards/Balkan/lecture2.html>.
6. *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010.
7. *Said E.* Orientalism. New York, 1979.
8. *Kopsidis M.* Missed Opportunity or Inevitable Failure? The Search for Industrialization in Southeast Europe 1879–1914 // Economic history Working European Studies. Paper № 19. Halle, 2012.
9. *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge (MA), 1962.
10. *Поткина И.В.* Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Олегина И.Н.* Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л., 1989.
11. Patterns of European Industrialisation: The Nineteenth Century. London, 1991.
12. *Berend I., Ranki G.* The European periphery and industrialisation 1780–1914. Cambridge, 1982; *Black C.E.* The Dynamics of Modernisation. A Study in Comparative History. New York; London, 1966; *Lampe J.R.* Varieties of unsuccessful industrialisation: The Balkan states before 1914 // The Journal of Economic History. 1975. Vol. 35; *Good D.F.* The Economic Lag of Central and Eastern Europe: Evidence from the Late Nineteenth-Century Habsburg Empire // Working Paper in Austrian Studies 93–7, Minnesota, 1993. December; The Origins of Backwardness in Eastern Europe. Economics and Politics from the Middle Ages until the Early Twentieth Century. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1989.

13. *Markovich S.G.* The Polytical and Economic Haritage of modern Serbia: Two centuries of convergence or divergence between Serbia and Western Europa? // Challenges to new Democracies in the Balkans. Belgrade, 2004; *Berov L.* The Bulgarian Economy during the Balkan Wars; *Ionesku M.E.* Romania's Economy and the National Military System, 1900–1914; *Djordjević.* Serbian Society, 1903–1914 // East Central European Society and the Balkan Wars. NewYork, 1987.
14. *Lampe J., Jackson M.* Balkan Economic History, 1550–1950. From Imperial Borderlands to Developing nations. Bloomington (IN), 1982.
15. *Palairot M.* The Balkan Economies c. 1800–1914: Evolution Without Development. Cambridge, 1997.
16. *Lampe J.* The Bulgarian Economy in the Twentieth Century. New York, 1986.
17. *Good D.F., Ma T.* The economic growth of Central and Eastern Europe in comparative perspective, 1870–1989 // European Rewiew of Economic History. 1999. Vol. 3. № 2.
18. *Ivanov M., Tooz A.* Convergence or decline on Europe's Southeastern Periphery? Agriculture, Population, and GNP in Bulgaria, 1892–1945 // Journal of Economic History. 2007. Vol. 67. № 3.
19. *Bairoch P.* Europe's Gross National Product: 1800–1875 // Journal of European Economic History. 1976. Vol. 5. № 2.
20. *Babanassis S.* Long-Term Economic Development Trends in South-Eastern Europe, 1850–2003 // South Eastern Europe Journal of Economics. Vol. 1. Fall 2003.
21. *Sundhausen H.* Historische Statistik Serbiens 1834–1914. München, 1989; *Sundhausen H.* Die verpaßte Agrarrevolution. Aspekte der Entwicklungblockade in den Balkanländern vor 1945 // Industrialisierung und gesellschaftlicher Wandel in Südosteuropa. München, 1989.
22. *Palairot M.R.* The Influence of Commerce on the changing structure of Serbia's Peasant Economy, 1860–1912. Edinburgh, 1976.
23. *Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics, OECD. Paris, 2003.
24. *Broadberry S., Klein A.* Aggregate and per capita GDP in Europe, 1870–2000: Continental, Regional and National data with changing boundaries, 27 October 2011, European Commission's 7th Framework for Research, Collaborative Project HI-POD (File: EuroGDP2). Krakow, 2011.
25. *Vinski I.* Kretanje društvenog proizvoda svijeta od 1910. do 1975. godine. Zagreb. 1978.
26. The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe. Essays in honor of P.G.M. Dickson. Farnham, 2009; *Brewer J.* The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. London, 1989.
27. *Feis H.* Europe: The World's Banker: 1870–1914. New Haven, 1930.
28. *Dertilis P.B.* Le Problème de la Dette publique des Etats Balkaniques. Athènes, 1936.
29. *Cioriceanu G.D.* La Roumanie économique et ses rapports avec l'étranger de 1860 à 1915. Paris, 1928.
30. *Popoff K.* La Bulgarie Économique. Sofia, 1920.
31. *Тодорова Ц.* Дипломатическа история на вьншните заеми на България 1888–1912. София, 1971.
32. *Милич Д.* Чуждестранният капитал в Сърбия до Първата световна война // Исторически преглед. София, 1965. Кн. 4.
33. *Киреев Н.И.* История Западной Европы в начале XX века. М., 1920.
34. *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Л., 1930.

© 2015 г. Г.А. КОРОЛЁВ

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 годов: ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В статье описывается концепция Украинской революции 1917–1921 гг. в европейском сравнительно-историческом контексте. Также анализируется формирование колониальных мифов и идеологии украинского национального движения. Сделан вывод, что Украинская революция была войной за независимость и освободительным движением, что характерно для «малых» наций в Центральной и Восточной Европе.

The article describes the concept of the Ukrainian revolution of 1917–1921 in the European context. The formation of political myths and ideology of the Ukrainian national movement is also analysed. It is concluded that the Ukrainian revolution was a war for independence and liberation movement, which was typical of «small» nations in Central and Eastern Europe.

Ключевые слова: Украинская революция, Европейское измерение, национальное движение, концепция.

Keywords: Ukrainian revolution, European dimension, national movement, concept

В 1977 г. в Институте истории Академии наук Украинской ССР опубликован очередной пятый том «Історії Української РСР» с названием «Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920)» под редакцией академика Н.И. Супруненко [1]. В этой книге концепция «Великого Октября на Украине» расширена за счет включения революционных событий на Западной Украине в общероссийский революционный процесс. По сути такой славянофильский дискурс в марксистском понимании, который использовали авторы, отвечал тогдашней парадигме «триединого русского народа». Тем самым, авторы тома обосновывали историческую закономерность присоединения Западной Украины в 1939 г. после подписания пакта Молотова – Риббентропа. Однако, суть такого приема в этнографическом детерминизме, когда воображаемое большинство определенного народа на каких-либо землях делало их его национальными территориями.

Юбилейная годовщина «Великого Октября» не осталась без внимания украинских эмиграционных историков, которые представили свою оценку событий 60-летней давности на Украине. В 1977 г. Украинский исследовательский институт Гарвардского университета издал сборник статей «The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution» под редакцией профессора Т. Гунчака [2]. Предисловие было написано Р. Пайпсом, который в то время считался крупнейшим специалистом в США по истории российской революции 1917 г. В этой работе коллектив

Королёв Геннадий Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАНУ, г. Киев.

авторов предложил рассматривать историю украинской революции как самостоятельное явление, независимое от российских революционных процессов.

Однако такая интеллектуальная конкуренция между советскими и американскими историками превратилась в идеологическое противостояние. Этот важный нюанс отметил в рецензии на гарвардский сборник американский историк украинского происхождения Р. Шпорлюк, назвав его «не исследованием революции» [3]. Он раскритиковал предложенный авторами метод описания, подвергая сомнению господствующие интерпретации революционных событий на Украине. Вывод Шпорлюка предельно ясен: отметив наличие определенного идеологического подтекста, он указал на методологическую схожесть концепции диаспоры «Визвольні змагання 1917–1921/1923 гг.» и парадигмы «Великого Октября и гражданской войны на Украине 1917–1920 гг.». Как альтернативу он рассматривал в качестве новой точки отчета Украинской революции 1914 год¹. Затем, опираясь на концепции нациостроительства, которые стали тогда популярными в европейской и американской историографии, Шпорлюк предложил использовать понятие нации как инструмент для анализа характера Украинской революции. Он считал, что если для Российской империи Первая мировая война стала началом социальной революции, то для украинцев и других народов Центральной и Восточной Европы – это было начало национальной революции [5].

Под влиянием перестройки и гласности в конце 80-х годов XX ст. видный историк, директор Института истории Украины Академии наук Украинской ССР Ю.Ю. Кондуфор, рассматривая исторический процесс на основе двух революционных альтернатив – социализма или капитализма, – обратился к истории Центральной рады [6. Д. 81. Л. 4], подчеркивая ее роль в революции [6. Д. 84. Л. 6]. Поэтому в статье о «Великом Октябре на Украине» он, оценивая Центральную раду как антисоциалистическую и антисоветскую, избегает формулировки «контрреволюционная» [7. С. 19].

Призывы к объективному изучению Украинской революции появились в начале 1990-х годов. В статье «До вивчення національно-визвольного руху на Україні в 1917 році» Ю. Гамрецкий призвал начать изучать «белые пятна» в истории Украинской революции, которая стала заложником нарастающего негатива по отношению к национальному движению, особенно в середине 1950-х – середине 1980-х годов [8].

Два десятилетия после распада СССР понадобилось украинским историкам, чтобы окончательно представить концепцию Украинской революции с позиции национального нарратива. В 2011 г. и 2012 г. поочередно вышли две книги фундаментального исследования истории Украинской революции 1917–1921 гг. под редакцией В. Смолия и В. Верстюка [9]. Следует подчеркнуть, что авторы сумели пересмотреть многие интерпретации 1990-х годов, сформированные под влиянием диаспорной историографии.

Изложенные историографические оценки Украинской революции отображают развитие различных точек зрения на нее под влиянием разных идеологических установок. Цель этой статьи заключается в попытке проанализировать основные историографические представления об Украинской революции и подходы к ее хронологии; рассмотреть колониальные мифы в восприятии национальных деятелей; сравнить разные варианты реализации украинского национального проекта под влиянием революции.

Историографическая дискуссия о хронологических границах Украинской революции началась сразу после ее окончания. Тогда активные участники тех событий, исходя из определенных политических мотивов и личных убеждений, обосновывали свое понимание временных рамок революции. В. Винниченко

¹ В современной украинской историографии взгляды Шпорлюка по поводу новой хронологии и интерпретации Украинской революции проанализировал Я. Грицак [4].

утверждал, что в январе 1919 г. революционный потенциал уже исчерпал себя, что очевидно, было связано с его последующей отставкой как главы Директории Украинской народной республики (УНР) в начале февраля 1919 г. Генеральный секретарь межнациональных дел (1917), член делегации УНР на Парижской мирной конференции А. Шульгин считал переход войск УНР за реку Збруч в ноябре 1920 г. политическим поражением, после которого начался новый этап национальной борьбы, связанный с эмиграцией [10. С. 20]. Экс-глава Рады народных министров УНР И. Мазепа датой окончания революции считал 1921 г. [11]. Эти примеры свидетельствуют о том, что современники революции придавали особое значение именно конечной дате, что позволяло им избегать нападков со стороны оппонентов, но началом Украинской революции они считали 1917 г., связывая ее с российскими революционными процессами. В итоге, вопрос хронологии в историографическом плане стал идеологическим инструментом, свидетельствующим о принадлежности историка к определенному политическому или историографическому лагерю.

Западноукраинские национальные деятели в вопросе хронологии придерживались иных подходов. И. Кедрин писал, что «нечего замалчивать существующую у нас, в Галиции, тенденцию обесценивать всю Украинскую революцию на Надднепрянщине и подчеркивать ее хаос, своеволие и развал, замалчивать конструктивизм украинского освободительного сдвига, как будто его совсем не было» [12. Л. 54]. Таким образом, галичане связывали начало революции с событиями октября 1918 г. в Габсбургской империи [13]. Как известно, 16 октября император Карл I издал манифест о федеративном переустройстве государства, пытаясь таким способом удовлетворить национальные требования народов монархии. «Империя, над которой никогда не заходит солнце», начала быстро клониться к закату. 1 ноября 1918 г. после восстания во Львове была провозглашена Западноукраинская народная республика (ЗУНР). Датой окончания революции единодушно признается 1923 г., когда Совет послов государств Антанты принял решение о передаче Восточной Галиции в состав возрожденной Польши.

Датировка начала Украинской революции 1914 годом является попыткой объяснить ее причины в рамках концепций нациотворений [14]. Этот год отмечен мощным всплеском активности украинского движения. 9 марта во Львове начался процесс против галицких русофилов (С. Бендасюка, М. Сандовича, И. Гудымы и В. Колдры), которые выступили за отделение Галиции от Австро-Венгрии. Суд был инспирирован польской администрацией края. Современники вспоминали, что такие судебные разбирательства свидетельствовали о «грехах государственной политики» Габсбургской империи против народа и самой державы [15. С. 699–700]. Подогревание антироссийских настроений в Восточной Галиции было политическим способом консолидации галицийского населения. С началом Первой мировой войны австро-венгерская власть инициировала формирование нескольких зависимых политических структур, которые вели активную работу по дискредитации империи Романовых и идей панславянского единства. 1 августа 1914 г. во Львове была создана Главная Украинская рада², которая призвала решить «украинский вопрос», обвиняя Россию в угнетении украинского народа [15. С. 721]. Однако, главным, по сути, революционным сдвигом стало создание по призыву Рады отрядов украинских сечевых стрельцов, которые стали национальным военным формированием. Их можно в полной мере сравнить с бригадами польских легионеров под командованием Ю. Пилсудского в составе австро-венгерских войск [3. Р. 268], а также с чехословацкими легионами, воевавшими на стороне государств Антанты.

² Главная Украинская рада 5 мая 1915 г. в Вене была реорганизована в Общую Украинскую раду.

Большинство историков датируют завершение национальной революции на Украине 1921 годом, когда «Второй зимний поход» Армии УНР под командованием генерала-хорунжего Ю. Тютюныка стал последней попыткой поднять общеукраинское антибольшевистское восстание [9. Кн. 2]. Существует и другая, более весомая, причина – это подписание Рижского договора 18 марта 1921 г. [16. S. 301]. Крестьянские восстания, деятельность еще существовавших дипломатических представительств УНР и ЗУНР по разрешению «украинского вопроса» на уровне правительственных кругов государств-победителей – аргументы сторонников датировки завершения революции 1922 и 1923 годом (см. [17]).

Таким образом, вопрос о хронологических рамках Украинской революции отражает мировоззренческое противостояние как среди деятелей революции, так и среди исследователей, при этом представители различных направлений последних часто используют одни и те же аргументы.

Деятели и современники Украинской революции, как российской, так и габсбургской частей Украины были колониальными (субальтерными) интеллектуалами. Они считали, что консолидации украинского народа способствовали притеснения и ассимиляторская политика со стороны обеих империй, и что субъектом истории была именно империя, а нация – лишь пассивный объект. В своих трудах и риторике они представляли нацию как суть исторического процесса. Идеология украинского освободительного движения основывалась на нескольких мифологемах о России, Габсбургской империи и украинцах.

Угнетение украинцев со стороны империи (так считали деятели революции) влияло на восприятие царской России как главного врага в украинской истории. Даже Габсбурги с их антиукраинскими акциями в глазах украинской интеллигенции выглядели менее агрессивно. Начиная с «Весны народов» 1848 г., европейские империи в Центральной и Восточной Европе столкнулись с новыми идеологиями – социализмом, либерализмом, федерализмом, космополитизмом и национализмом. А начало Первой мировой войны способствовало подъему национальных движений по всей Европе, которые соединялись с лозунгами социального освобождения. Однако остановимся на знаковых антиимперских мифах, которые влияли на формирование национальных идеологий.

Французский путешественник, маркиз А. де Кюстин, в книге «Россия в 1839 году» впервые охарактеризовал Россию как «тюрьму народов», понимая под этим не просто доминирование империи над иными народами и народностями, а «кровавое» и негуманное господство. Этот западный миф о России, возникший в период череды революций во Франции и начала британско-русского конфликта за Босфор и Дарданеллы, формировал образ России как отсталой страны и части «другого мира», резко отличавшегося от Европы. Этот образ стал популярным в среде русского революционного и национальных движений империи. Практически все деятели украинского освободительного движения использовали его в трудах и памфлетах.

Представление о «доброй матушке Австрии» возникло как противопоставление мифу о России как тюрьме народов. На Украине оба мифа использовали эмигранты, которые вели в Восточной Галиции активную антироссийскую пропаганду. Они считали, что жизнь украинцев под властью Габсбургов более свободна и демократична. Сотрудничавший с галицийской прессой известный востоковед А. Крымский вообще считал, что присоединение Галиции к Австрии является историческим счастьем Украины [18].

Следует подчеркнуть, что сравнение политики Российской и Габсбургской империй по отношению к украинским территориям основывалось на европейском подходе, воспринимавшем украинскую элиту как отличную от русских великороссов. Соответственно в тогдашней политической мифологии Габсбурги представлялись именно Западом/Европой, а Россия – архаичным Востоком.

Активизация некоторых национальных движений в Российской империи произошла под влиянием польских восстаний 1830 и 1863 г. и «Весны народов» 1848 г. Политические изменения, выразившиеся в введении конституций в Габсбургской, Османской и Российской империях, гарантировании гражданских прав, а также учреждении представительных органов, свидетельствовали о модернизации политических, правовых и социальных структур, являясь также отчасти ответом на требования национальных и либеральных движений [19. С. 35].

Русинское население Австрийской империи после 1848 г. в основном выбирало украинскую идентичность, пребывало в иных гражданских и экономических условиях. Габсбургское правительство сумело создать видимость языкового плюрализма без сохранения привилегированного положения, что в условиях урбанизации и роста грамотности имело огромное значение для сохранения монархии. Достаточно убедителен в этом аспекте британский историк Д. Ливен, который, ссылаясь на Майкла Манна, утверждал, что Австро-Венгрия была *Rechtsstaat* (правовым государством), но отнюдь не демократией [20. С. 307]. Поэтому для украинцев, проживавших на территории Российской империи, увиденное в империи Габсбургов становилось идеалом общественного демократического устройства. Свобода прессы и использование местных языков создавали иллюзию наличия реальных прав и свобод.

Чтобы понять сущность доминирующих представлений об Украинской революции, следует рассмотреть процессы формирования национального сознания в Восточной Галиции и российской Украине в европейском измерении.

Для объединения галицких униатов и восточных православных украинцев в одну нацию, необходимо было исключить из политики религиозную платформу [5. Р. 258]. Галицкая элита и русинское население метались между различными национальными идентичностями и политическими симпатиями, делая выбор в сторону сильного партнера, будь то Габсбурги, немцы, русские или поляки. Однако окончательно русины определились в пользу украинского национального самоопределения лишь на рубеже XIX–XX ст.

Галицкие политические партии в австрийской Украине приняли основной лозунг национальной борьбы украинцев, проживавших на территории Российской империи, – соборность. Это понятие византийской патристики в политической риторике украинцев получило секулярный и географический смысл. В период Первой мировой войны произошел переход от идеи Руси, популярной среди русинских деятелей (движение галицких москвофилов) еще со времен ликвидации Руського воеводства после разделов Речи Посполитой, к идее соборной Украины. Галицкие украинские деятели считали, что включенность русинов в российское культурное и политическое пространство позволит сохранить идентичность и избежать ассимиляции поляками. Как известно, в Восточной Галиции вся администрация состояла именно из них. Специально созданные большие сельские округа ограничивали возможность крестьянского населения полноценно принимать участие в политической жизни и выборах [21. С. 22]. На рубеже XIX–XX ст. фактор России сыграл решающую роль в их выборе в пользу украинской перспективы. Однако опасность заключалась в следующем: «украинский Пьемонт» мог стать Хорватией, где проект южнославянской нации превратился в утопию. Известно, что в случае с хорватами огромное значение сыграл фактор веры – принадлежность к католицизму и переход на гаевицу (хорватскую латиницу), которые стали основой хорватской идентичности и главным отличием от сербов, что позволило объявить их главными «чужими».

Оказавшись в условиях революции, значительная часть западноукраинских национальных деятелей еще верили в особый исторический путь Восточной Галиции. Труды всех участников революции на Западной Украине в той или иной форме воспроизводят эту идейно-политическую позицию. Тезис об особой роли Восточной Галиции в украинской истории способствовал становлению у западно-

украинских политических лидеров представления о своей исключительной государственнической миссии в границах соборной Украины [22–23]. Это определяло отношение к собратьям с российской территории Украины как менее искусственным в политической борьбе [12. Л. 61]. Галицкие деятели считали, что Западная Украина принадлежит Центральной Европе, региону с западными историческими традициями. Исходя из этого, понятно, почему в украинской историографии использовалась характеристика ЗУНР как «Швейцарии Востока» [24].

Участник революции, сотник украинских сечевых стрельцов Василий Кучабский утверждал, что восточные украинцы «способны только к вооруженной борьбе, но не к наведению порядка – в собственных рядах и в собственной стране» [22. Р. 98]. Такие оценки характерны для большей части западноукраинских деятелей. Этот и глубокий раскол между западными и восточными украинцами проявил себя в 1919 г., когда начался объединительный процесс [22. Р. 98]. Кучабский выделил «линии раскола» в политических представлениях и мировоззрении между галичанами и надднепрянцами. Их сущность состояла в идеологическом противостоянии консервативно-националистической и народно-социалистической идеологии, различного видения моделей общественного развития единой Украины, наличие иных образов врага – для галичан такими были поляки, а для российских украинцев – русские.

Все это позволяет понять политические шаги галицких национальных деятелей после провозглашения Акта объединения Украинской народной республики и Западноукраинской народной республики 22 января 1919 г., приведшее к военному поражению. И как итог, союз Украинской Галицкой армии с Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, передача Директорией УНР Польше права на Восточную Галицию по условиям Варшавского договора 21–22 апреля 1920 г. Главную роль в этих событиях сыграли цивилизационные представления тогдашних деятелей УНР и ЗУНР, что, в свою очередь, сформировало различные геополитические предпочтения.

В Австрийской империи были созданы условия для легальной и «свободной» политической борьбы, что позволяло украинцам участвовать в общественно-политической жизни Галиции и сотрудничать с местными изданиями. В Российской империи украинские национальные деятели получали достаточный опыт подпольной и революционной борьбы, что было не характерно для украинцев из империи Габсбургов. В годы Украинской революции это сыграло важную роль в принятии решения о провозглашении автономии малороссийских губерний под названием «Украина», а затем о создании УНР и принятии Четвертого универсала Центральной рады (9 января 1918 г.) о ее самостоятельности. Благодаря Первой мировой войне стало возможно более тесное сотрудничество между украинцами.

Когда политические и культурные контакты украинцев и русинов в период войны усилились, никто из них не пытался вести речь о патриотизме и любви к Отчизне, так как национальные лозунги и идеологии превращали «старые Родины» в главных «врагов». Во многом этому способствовала популярность интернациональных представлений о будущем переустройстве всей Европы. В таких условиях галичане протянули руку украинцам, тем самым, реализовав чехословацкую модель конструирования нации. Однако стоит указать на особенность проекта «чехословацкой нации», которая формировалась подобно бельгийской, австралийской или швейцарской³, но в условиях «правового государства» Габсбургов, что делало возможным открытый обмен идеями между чехами и словаками. «Чехословацкий вопрос» широко использовали государства Антанты как один из проектов федеративного обустройства Центральной Европы [26]. Еще до Версальской мирной конференции проект «Чехословакия» был признан ante

³ Это предположение высказал чешский философ Э. Радл (Emanuel Rádl), которое впоследствии оформилось в отдельное направление (см. [25]).

factum (см. [27]). Вопрос исторической обоснованности возникновения Чехословакии уже никого не интересовал.

Развитие национального движения и борьба против империи в Центральной и Восточной Европе среди «малых народов» имеет много сходных черт. Чехословацкое движение и создание Чехословакии можно частично сравнивать с украинскими процессами (см. табл. 1).

Летом 1918 г., после провала сепаратных переговоров с Габсбургской империей, легитимность Чехословацкого национального союза начали признавать западные страны, в частности Антанты и ее союзники: 29–30 июля первой это сделала Франция. Парадоксально, что этот процесс опережал создание Чехословакии как государства. Очевидно, если бы победу в Первой мировой войне одержал Четвертый союз, идея «Чехословакии» никогда не была бы реализована.

События вокруг чехословацкого проекта во многом напоминают признание странами Четвертого союза 9 февраля 1918 г. УНР накануне подписания Брестского мира, за которым последовал государственный переворот 29 апреля, проведенный с помощью немецкого военного командования, и установление Украинской Державы (официальное название вместо «народной республики») П. Скоропадского. Д. Ливен считает, что в случае победы Германии в войне это привело бы к сохранению Габсбургской и Османской империй и утверждению государственнического, а не демократического и индивидуального пути модернизации [20. С. 308].

Украинский национальный проект имел свои особенности, выражавшиеся в конфликте различных политических традиций и цивилизационного опыта. Международное признание Чехословакии в послевоенное время похоронило идею формирования единой нации, заменив ее федерализмом. Легитимизируя дуальное государство-нацию, западные элиты тем самым конструировали новый проект Центральной Европы, независимый от различных имперских проектов типа *Mitteleuropa* Ф. Науманна. Так была частично реализована идея «Новой Европы» Т. Масарика. Возможно, что, если бы страны Антанты признали в 1919 г. объединенную УНР, мы бы имели тогда совершенно другую политическую карту Центральной и Восточной Европы.

Сценарий объединения двух Украин стал реальностью в конце 1918 г. в условиях очевидности поражения стран Четвертого союза и победы революций в Германии и Австро-Венгрии. Тогда же ужесточилась борьба за украинские земли между Польшей, странами Антанты, Белым движением и большевистской Россией. Все эти субъекты считали Украину своей территорией и оказывали давление на выбор украинцев.

В апреле 1916 г. в самый разгар Первой мировой войны в Ирландии началось антибританское восстание, получившее название «Красная Пасха». В.И. Ленин в специальной статье охарактеризовал тогдашние события в Дублине как национальное восстание «малого народа» и пролог общеевропейской «социальной революции» [28]. Сначала главным требованием восставших было расширение гомруля (право широкой автономии), однако затем они провозгласили независимость Ирландии от Великой Британии. Английская пресса тогда писала о планах распада Габсбургской империи по национальным и этническим линиям. При этом не уделялось внимание России, в которой был также не решен национальный вопрос, в первую очередь финляндский и польский. В итоге, британцы жестко подавили восстание, но оно имело значительный резонанс среди национальных движений по всей Европе.

Возникает вопрос, насколько представители других «малых» наций Европы были готовы с ирландской решимостью бороться за независимость и создание национального государства? Ответ кроется в особенностях национальных проектов в Центральной и Восточной Европе, где политизация освободительного

Явление национального движения	Чехословацкий проект	Украинский национальный проект
Федерация империи	В 1916 г. чешские национальные деятели поддержали идею федерализации Австро-Венгрии. Чехи рассчитывали получить автономию в рамках всех этнических земель, как и венгры в 1867 г.	В 1917 г. украинские национальные деятели выдвигали идею национально-территориальной автономии в составе федеративной России.
Военный потенциал	Чехословацкие легионы	Украинские сечевые стрелцы, Первый Украинский корпус, синезупанная дивизия и др.
Вопрос об автономии национальных территорий	Чехи вели активную борьбу за автономные права Словакии, которая считалась Верхней Венгрией.	Украинская Центральная рада, гетманат П. Скоропадского, Директория УНР проводили политику за присоединение Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья (после 1923 г. Восточная Галиция в составе Польши стала официально называться Восточной Малопольшей).
Объединение «наций»	В 1918 г. между Чехословацким национальным союзом и Словацкой лигой в США в Кливленде подписан договор о федерации чехов и словаков. В Питтсбурге (США) подписано соглашение о конституционных основах будущей Чехословакии, где предусматривалась широкая автономия Словакии (парламент, словацкий язык как второй государственный).	В январе 1919 г. в Киеве провозглашен Акт объединения УНР и ЗУНР в соборное государство, которое в реальности было конфедеративным союзом. ЗУНР получала широкие права, позволяющие утверждать, что она была достаточно самостоятельным субъектом международных отношений.
Лидеры	Чешское движение возглавил известный философ, профессор Т. Масарик, продвигавший чехословацкий проект	Украинское движение возглавил видный историк, профессор Михаил Грушевский. В Восточной Галиции – президент Украинской национальной рады, доктор права Евгений Петрушевич.

движения совпала с началом Первой мировой войны⁴. Война стала водоразделом как в отношениях между русским и нерусским населением, так и в отношениях различных представителей нерусского населения между собой [29. С. 389]. Аналогичные процессы охватили и Австро-Венгрию.

Благодаря выводам М. Драгоманова на основе трудов британского философа Дж. Милля, в идеологии украинского движения особой популярностью пользовался пример освободительной борьбы Ирландии против Британской империи. В период революции аргументы ирландского движения широко использовались украинскими деятелями в статьях, памфлетах и на манифестациях. В 1917 г. издательство «Серп и молот» Украинской Центральной рады начало публикацию серии книг об освободительном движении «порабощенных народов». Показательно, что первой из них стала брошюра неизвестного автора под псевдонимом Д.Г. «Ірландська республіка». Проанализировав особенности психологии и ментальности ирландцев, экономическую жизнь на острове, автор обнаружил исторические традиции и обоснование для построения государства. Еще в Средневековье в Ирландии была «высокоразвитая цивилизация», а ирландские монастыри были не только центрами просвещения и культуры, а также хранителями европейского духа после падения Римской империи. Ведь именно ирландцы продолжали развивать строительство, музыку, математику, теологию, медицину и право и распространять знания по всей Европе [30. С. 5]. Англия же поработила свободолобивых ирландцев, которые имеют право на национальное самоопределение.

Украинские национальные деятели, издавая подобные тексты, легитимизировали свое правление и обосновывали в восприятии тогдашнего общества право на создание национального государства. Яркие аналогии с Россией – Англией и Украиной – Ирландией стали своего рода «идеологической картой» деятельности Украинской Центральной рады. Опять же в этом аспекте деятели Центральной рады были эпигонами западной мысли, не проявляя достаточной оригинальности в политической риторике.

Заместитель главы Украинской Центральной рады С. Ефремов считал в 1917 г., что идея автономии Украины является общим политическим требованием для «инородцев» бывшей Российской империи (латышей, эстонцев, литовцев, белорусов, грузин), так как все они имеют свою этническую территорию. Фактически для политических оценок Ефремова характерен этнографический детерминизм. Именно так публицист пытался политизировать идею автономии в плоскости национального статуса по примеру исторического опыта Ирландии, где борьба за гомруль ему напоминала украинскую войну за автономию [31].

Член Украинской Центральной рады и Трудового конгресса (1919 г.) П. Феденко в статье «От централизма к федерации» писал, что английское господство над Ирландией проявилось в примитивном высокомерии. Англичанам в Ирландии были запрещены браки с местным населением. Это в свою очередь привело к делению острова на «чистую» (английскую) и «плохую» (ирландскую) части [32. С. 90]. Хотя, возможно, именно это и позволило сохранить ирландцам культурную и этническую самобытность. В случае с Шотландией все наоборот: шотландцы теряют свое лицо под натиском английских «колонизаторов».

Ирландский пример также интересовал западноукраинских национальных деятелей. В начале 20-х годов XX ст. в разгар эмигрантской дискуссии о причинах поражения Украинской революции В. Кучабский высказал мнение, что ирландская освободительная борьба служит «безголовой гайдамаччине⁵ нашей

⁴ Проанализировав развитие этнического самосознания в империи Романовых, американский историк М. фон Хаген пришел к выводу, что «даже к 1917 году не все национальные сообщества Российской империи уже сформулировали те национальные цели, которые они поставят перед собой в течение последующих нескольких лет» [29. С. 385].

⁵ «Гайдамаччиной» В. Кучабский называет Колиивщину – восстание православного крестьянства и казачества на Правобережной Украине 1768 г. против Речи Посполитой.

примером» [33. С. 495]. Он считал, что повторение «духа всей нашей истории» приведет к «восстанию» украинской нации по аналогии с историческим путем Англии до XVI ст. [33. С. 496].

Собственно, использование сравнений «Украина – не Россия» и «Ирландия – не Англия» было попыткой объяснить борьбу украинского народа в контексте европейской истории. Здесь следует отметить, что почти все украинские национальные деятели были эпигонами в идеологическом плане. Однако парадокс состоит в том, что они были убеждены в возможности создания демократического союза государств на этнической основе. В этом аспекте лежит главный смысл ирландского примера – это рассмотрение Украины не как европейской Ирландии, а Ирландии со «своим лицом», и это лицо было восточным.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Украинская революция была этапом реализации украинского национального проекта, объединив различные варианты этнических, региональных и национальных идентичностей, при этом показав приоритет идей и практик российских украинцев. Параллельно революционные события стали временем трансформации галицкой региональной и русинской идентичностей окончательно в украинскую. Тогда же была попытка реализовать идею соборности украинских земель после провозглашения Акта объединения УНР и ЗУНР в 1919 г.

Представления об Украинской революции формировались под влиянием национальной идеологии, где решающим фактором было противопоставление двум российским революциям. Участники, современники тех событий и историки доказывали различие революционных процессов в российской и австрийской Украинах, которые развивались самостоятельно, хотя общим фактором стала Первая мировая война.

Революция показала, что Украина как государство и субъект мировой политики состоялась в условиях Восточной Европы. Ведь западные страны такой выбор украинцев ставили в зависимость от выбора России. Фактически ожидание украинцами признания со стороны Европы привело к поражению украинской государственности. Наряду с этим именно использование европейской темы позволило украинцам сконструировать национальную идентичность.

Украинская революция была национальной революцией в рамках освободительного движения «малых» наций Центральной и Восточной Европы. Революция предполагала не только кардинальные изменения социального устройства и общественной жизни, а также процесс построения национальной государственности.

Украина в период революции сумела обрести территориальную целостность в идейном и практическом смысле.

После распада СССР интерес историков к Украинской революции сразу же возрос. Идеологизация исторического знания и методологии наложила свой отпечаток на восприятие исследователями исторического процесса, а особенно таких общественных катаклизмов, как революция. Связь истории с политикой, определила «национализацию» исторического мышления в 1990-х годах XX ст., которая базировалась на многих мифах и клише (см. [34]). Историю Украинской революции по инерции постсоветских подходов описывали как «череду смены нескольких форм национальной власти», что совпадало с этапами построения украинского независимого государства. Это привело к тому, что в современной историографии произошла значительная инструментализация многих представлений об Украинской революции, не позволяющая рассматривать ее в широком сравнительно-историческом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн./гол. ред.: А.Г. Шевелев. Київ, 1977. Т. 5. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920).

2. The Ukraine. 1917–1921: A Study in Revolution. Cambridge, 1977.
3. *Szporluk R.* Review // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1978–1980. Vol. XIV. № 37–38.
4. *Грицак Я.* Українська революція 1914–1923: нові інтерпретації // Україна модерна. 1999. № 2–3.
5. *Szporluk R.* The making of Modern Ukraine: the western dimension // A Laboratory of transnational history. Ukraine and recent Ukrainian historiography. Budapest; New York, 2009.
6. Институт архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф. 285. Оп. 1. Л. 4.
7. *Кондуфор Ю.Ю.* Революційні події 1917 р. на Україні: пошук альтернативи // Український історичний журнал. 1990. № 11.
8. *Гамрецький Ю.* До вивчення національно-визвольного руху на Україні в 1917 р. // Український історичний журнал. 1990. № 12.
9. Нариси історії Української революції 1917–1921 рр.: У 2 кн. Київ, 2011. Кн. 1; Київ, 2012. Кн. 2.
10. *Шульгин О.* Без території. Ідеологія та чин уряду УНР на чужині. Автентичне відтворення вид. 1934 р. Київ, 1998.
11. *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921, Київ, 2003.
12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3695, Оп. 1. Д. 44. Л. 54.
13. *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. Прага, 1922; *Kuchabsky V.* Western Ukrainein Conflictwith Poland and Bolshevism, 1918–1923. Edmonton; Toronto, 2009.
14. *Hagen von M.* The Dilemmas of Ukrainian Independence and Statehood, 1917–1921 // The Harriman Institute Forum. 1994. Vol. 7. № 5; *Hagen von M.* War in a European Borderland. Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. 2007; *Himka J.-P.* The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917–1920 // Archiv für Sozialgeschichte. 1994. Vol. 34.
15. *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926.
16. *Werstiuk W.* Ryski traktat pokojowy 1921 roku i zakończenie walk o Ukrainąską Republikę Ludową // Zapomniany pokój. Traktatyrski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później. Warszawa, 2013.
17. *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923 рр. Ужгород, 1932. Т. I: Доба Центральної Ради; 1930. Т. II: Українська Гетьманська Держава. 1918 р.; *Піскун В.* Політичний вибір української еміграції (20-ті роки ХХ століття). Київ, 2006.
18. *Крымский А.* Что такое современное украинство? Научное исследование. Нач. XX ст. // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф. 36. Д. 660. Л. 64об.
19. *Каттелер А.* Центры и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // AbImperio. 2007. № 2.
20. *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
21. *Яринович Ан. (Андрей Никовский).* Галичина. Въ ея прошлом и настоящем. Очерк истории национальной жизни русин в Австро-Венгрии. М., 1915.
22. *Kuchabsky V.* Western Ukrainein Conflict with Polandand Bolshevism, 1918–1923. Edmonton; Toronto, 2009.
23. *Ярославин С. (Сохоцький Ісидор).* Визвольна боротьба на Західно-Українських землях 1918–1923 роках. Філадельфія, 1956.
24. *Литвин Н.* Президент «Швейцарии Востока». Политический портрет Евгения Петрушевича // День. 2008. 31 X.
25. *Szporluk R.* War by Other Means // Slavic Review. 1985. Vol. 44. № 1.
26. *Masaryk T.G.* Česká otázka: snahy a tužby národního obrození. Praha, 1969. S. 271; *Masaryk T.G.* The problem of small nations in the European Crisis, London, 1915. S. 32.
27. *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1939). М., 2008.
28. *Ленин В.И.* Ирландское восстание 1916 года // *Ленин В.И.* ППС. М., 1973. Т. 30.
29. *Хаген фон М.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
30. *Д.Г.* Ірляндська республіка. Київ, 1917.
31. *Єфремов С.* Ірландська справа // Нова Рада (Київ). 1917. 8 VI.
32. Стаття Панаса Феденка «Од централізму до федерації» // Український національно-визвольний рух, березень – листопад 1917 року. Київ, 2003.
33. *Лист В.* Кучабського до Івана Крип'якевича, Берлін, 26 I 1929 // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1997. Т. 233 (СХХХІІІ). Праці Історично-філософської секції.
34. *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине. Краткий экскурс // *Касьянов Г., Миллер А.* Россия – Украина. Как пишется история. М., 2011.

© 2015 г. *Н.М. ФИЛАТОВА*

СОЗДАНИЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В 1815 ГОДУ В ОТРАЖЕНИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается как официальная культура конституционного Царства Польского (1815–1830 гг.) отражала факт создания польского государства под скипетром российского императора. Анализируются тексты культуры, напрямую связанные с политикой власти и пропагандирующие идею польско-русского сближения.

The article considers the way in which official culture of the Congress Kingdom of Poland (1815–1830) reflected the creation of the Polish state under the rule of Russian Emperor. Texts of culture, which are closely connected with the state politics and propagate an idea of friendship between Russians and Poles, are in the focus of analysis.

Ключевые слова: Королевство (Царство) Польское, официальная культура, Александр I, Николай I, русско-польские отношения.

Keywords: Congress Kingdom of Poland, official culture, Alexander I, Nicolas I, relations between Russia and Poland.

Образование в 1815 г. конституционного Королевства (в российских официальных документах – Царства) Польского, стало одним из итогов наполеоновских войн и сложных процессов европейских международных отношений, приведших к становлению Венской системы. Одновременно создание нового польского государства, связанного с Россией династической унией, и наделение его одной из самых либеральных в Европе конституций было результатом личной политики Александра I, которую он осуществлял, не считаясь с антипольскими настроениями соотечественников, а порой прямо вопреки им. В отношении Польши Александр I сохранял в чем-то романтическую индивидуальную последовательную установку, отличную от политического курса своих предшественников и последователей. Во многом это было связано с его общим внешнеполитическим курсом тех лет и модернизационными проектами 1815–1818 гг. Говоря о «провозглашенной Александром I новой политической эре», М. Майофис утверждает: «Новый этап в истории международных отношений, открывшийся после подписания актов Венского конгресса, и особенно Акта Священного союза, по замыслу Александра I, должен был воплотить его самые заветные мечты о прекращении войн и воссоединении народов Европы, вне зависимости от их национальной принадлежности или вероисповедания, в единое братство, ведущую роль в котором будет играть Россия». Триумфальный вход русских войск в Париж в марте 1814 г., «милость» победителя к побежденной Франции и конституционные преобразования в последней должны были служить прологом к переустройству Европы на основе новых этических и политических принципов, прежде всего, принципа

Филатова Наталья Маратовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

представительного правления и концепции космополитических, равноправных отношений всех стран в этой новой политической системе [1. С. 26, 35–37]. При этом роль «спасительницы и избавительницы», которую, Россия приняла на себя по отношению к Европе, должна была, по замыслу Александра I, распространиться и на побежденную Польшу.

Желая воссоздать польскую государственность под эгидой России и тем самым навеки объединить Польшу с Российской империей, он задумывал положить конец вражде поляков и русских и объединить их братскими узами. Таким образом политика России в первые годы после образования Королевства Польского была направлена на сближение двух народов, преодоление враждебности и национальной розни. В манифестах императора и официальных речах, произнесенных накануне и сразу после образования Королевства Польского, говорилось о «слиянии братских славянских народов».

К сожалению, восприятие эпохи конституционного Королевства Польского (1815–1830) историками-современниками (прежде всего М. Мохнацким, С. Бажиковским, К. Хоффманом), оглядывавшимися на нее с позиции нового исторического опыта (восстание 1830–1831 гг.) во многом определило и представления последующих поколений. Романтические стереотипы прочно вошли в польскую культурную память, в том числе в историческую науку, последовавшую в том, что касалось целостной картины истории 1815–1831 гг., за романтической историографией. Место конституционного Королевства Польского в польской истории оказалось прочно подчиненным истории борьбы поляков за независимость. Характерно, что и через сто лет представления историков-романтиков служили новому поколению историографов образцом. В брошюре «Конгрессовое Королевство Польское. Ноябрьское восстание. 1815–1831», изданной в юбилейный 1915 г., основным содержанием эпохи признавалась борьба польского народа с Россией [2. С. 9].

Сегодня, через двести лет после политических перемен 1815 г., можно констатировать, что польские историки, фундаментально занимающиеся изучением рассматриваемой эпохи, стали признавать подобный подход устаревшим. М. Мычельский, обращая внимание на односторонность исследований общественной мысли Королевства Польского, сведению ее истории к выбору между лоялизмом и борьбой за независимость, утверждает: «Это легенда наполеоновской эпохи, сложившаяся позднее, превратила 1815 год в момент выбора между перспективой независимости и лоялизмом. На самом деле элиты не столько выбирали, сколько осознавали необходимость с умом воспользоваться совершенно не зависящей от поляков политической конъюнктурой» [3. С. 20]. М. Яновский определенно пишет о Королевстве Польском 1815–1831 гг. как о «польском государстве». Долговременным результатом восстания 1830–1831 гг. ученый считает укоренение в польском сознании «романтического патриотизма». Именно после Ноябрьского восстания, по словам М. Яновского, а не в 1795 г., «сформировалась пропасть между поляками и теми, кто разделил Польшу. До 1830 г. понятие “независимости” вообще не было ясно определено: повсеместно считалось, что свободная Польша легко может сочетаться с нахождением под скипетром иностранной династии. Теперь ситуация проясняется: понятия измены, независимости, борьбы за свободу приобретают более или менее тот же самый смысл, который они сохраняют до конца XX в. Для поляка-патриота сокращается область возможного взаимодействия с господствующим государством: становится все труднее жить с двойной лояльностью, все чаще нужно выбирать “или–или”» [4. С. 235].

Отечественные историки также стремятся пересмотреть взгляды на эпоху конституционного Королевства Польского с современных позиций. Важным достижением последних лет стала коллективная монография «Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830», впервые подробно и комплексно осветившая историю сосуществования России

и Королевства Польского в 1815–1830 гг. При этом в центр внимания коллектива авторов легла проблема «совместимости разных форм правления и общественных структур», а также «взаимоотношения русского и польского народов» [5. С. 8, 10].

Таким образом, вновь становится актуальной оценка исторического значения конституционного Королевства Польского, данная известнейшим польским историком межвоенного периода Х. Мосъцицким: «Независимо от ценности более или менее значительных реальных завоеваний эпохи Королевства Польского, период его существования является единственной эпохой в истории Польши после разделов, в которой общество стало перед живым вопросом бытия и должно было представить доказательство своих творческих сил и умения самоопределиться. [...] Историки Королевства за исходный пункт своих исследований обычно принимают его упадок, ищут его причины, утверждая, не без резона, о хрупкости гарантий Венского конгресса, или распутывая тайну отношений Александра, Николая, Константина, Новосильцева, а также всей России, бюрократической и либеральной к польскому вопросу. [...] Именно поэтому политическая история Конгресувки, как в давних произведениях эмигрантской публицистики, вспомним тут Мохнацкого, так и в новейших историко-критических исследованиях, рассматривалась обычно широко, причем раскрывалась не одна важная причина кровавого эпилога. Зато способность тогдашнего общества к организации, степень его способности к возрождению и национальной крепости до сего дня не оценены справедливо.

История Королевства Польского это не только история заговоров или борьбы за конституционные права, но одновременно длительная череда важных и плодотворных усилий в мирном труде ради культурного “завтра” страны. В них, как некогда на полях битвы, должен был заключаться ответ: достойны ли поляки быть нацией. [...] Служба на государственных должностях в то время была в полной мере общественным служением, работой на пользу Речи Посполитой. [...] Страна постепенно совершенствовала общественные институты, решала новые задачи, пробуждалась от бездействия частная инициатива, не только в столице, но и в провинции. [...] Национальная культура во всех направлениях сделала важные шаги вперед, будучи тесно привязанной к наследию прошлого [...]. Правда, звезды национальной культуры засияют наиболее ярко после падения Королевства, но именно из него, из его живительной атмосферы и благословенной энергии взяли они свое начало [...]. Королевство Польское в своем существовании и своем упадке оказалось на высоте своего призвания» [6. С. 2–3, 5, 9–10].

Ниже я останавлиюсь на том, как реагировала на создание Королевства Польского официальная польская культура. Под официальной я подразумеваю культуру, нормы и ценности которой провозглашаются и санкционируются властными структурами того или иного конкретного сообщества. Содержание официальной культуры напрямую связано с характером и направлением политики государства. Однако, принимая во внимание то, что речь идет о государстве польском, переход которого под эгиду России стал политической необходимостью, осознаваемой польской элитой, а также сопровождался патриотическим подъемом, следует подчеркнуть неоднозначную роль, которую должна была выполнить официальная культура в этих условиях. Исследуя содержание центральных газет Королевства Польского (использовались преимущественно «Gazeta Warszawska» и «Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego»), публицистики, речей, проповедей, научных сочинений, пропагандировавших идеи русско-польского единства, а также пьес и поэтических произведений, написанных «по случаю», особое внимание необходимо обратить на доминирующие в них идеи и риторические формулы.

В преддверии и сразу после образования Королевства Польского в польской прессе и публицистике появились новые клише – апелляции к «великому русс-

кому народу», адресованные к нему обращения: «братья», «побратимы», «единоплеменники». В «Гимне Богу», написанном по случаю опубликования письма Александра I к председателю сената Княжества Варшавского Т. Островскому от 18 (30) апреля 1815 г.¹, в котором впервые сообщалось о принципах создания нового польского государства, страна вверялась опеке россиян: «Пусть бесстрашное племя славян-побратимов отныне защищает земли несчастной Польши» [7. 9 V 1815. Прил. к № 37]. Комментарии по поводу образования Королевства Польского, торжественно провозглашенного 20 июня 1815 г., сопровождалась славянофильскими лозунгами. Говорилось о том, что судьбы поляков связаны отныне с «предназначением народа-побратима» [7. 24 VI 1815. № 50], подчеркивалось, что «новым бытием» они обязаны «северной державе» (так писал известный автор хвалебных сочинений М. Мольский) [7. 27 VI 1815. Прил. к № 51]. Идеи племенного единства и общности исторического предназначения поляков и русских, союз которых сулит счастливую будущность, развивал в речи по случаю провозглашения Королевства Польского Т. Вавжецкий [7. 24 VI 1815. № 50]. Сочиненная А. Фелиньским в 1816 г., к годовщине образования нового польского государства, песня «*Boże, coś Polskę*» («Боже, Ты, который Польшу...»), которая задумывалась как королевский гимн, а впоследствии стала восприниматься как гимн национальный, прославляла Александра I за то, что он «объединил славные битвами друг с другом два братских народа» [7. 20 VII 1816. № 58].

Представители польского высшего духовенства также старались донести до современников идею о преодолении национальной вражды. А. Пражмовский в проповеди по случаю провозглашения Королевства Польского возносил к Богу молитвы «подобно тому как Он некогда вдохновил рассорившихся сыновей Исаака духом единения, сделать так, чтобы узы братского согласия, доверия и расположения объединили нас с великим русским народом, чтобы имея отныне общего Отца, их сердца навсегда были слиты с нашими» (цит. по [8. S. 79]).

Важными для характеристики атмосферы, сопутствующей становлению нового польского государства, представляются церемонии, на которых наряду с польскими политическими и государственными деятелями присутствовали и русские. В 1814–1815 гг. официальные газеты Королевства Польского упоминают о присутствии российских сановников на праздничных католических мессах, (так, «*Gazeta Warszawska*» сообщает о посещении В.С. Ланским и Н.Н. Новосильцевым пасхальной службы в варшавском кафедральном костеле [7. 12 IV 1814; № 30. S. 505], о проходах польскими официальными лицами командующего расквартированными в Польшу российскими войсками генерал-фельдмаршала М.Б. Баркляя де Толли, о приемах, устроенных попеременно офицерами русской и польской гвардии друг для друга).

Особая роль была предназначена траурным мероприятиям, связанным с возвращением на родину останков Юзефа Понятовского, командовавшего польским корпусом, который сражался в составе армии Наполеона против России, и его похоронами. Они имели, с одной стороны, колоссальное национально-патриотическое значение, ибо хоронили героя, погибшего во имя воссоздания польской государственности, а с другой – они были призваны продемонстрировать лояльность новой власти к проявлениям польского патриотизма и уважение к побежденным, а также сгладить негативные впечатления от недавнего противостояния на поле боя противников, теперь объединенных общим ритуалом. 8 сентября 1814 г. в Варшаве торжественно встречали возвращавшиеся на родину после участия в наполеоновских походах польские войска. На этой церемонии Барклай де Толли провозгласил: «Да здравствует храбрая польская армия!» А на следующий день, в прощальном слове у гроба Ю. Понятовского, государственный советник А. Линовский говорил: «Рыцари великого государства Россия! Лучший из поляков пал

¹ Далее даты приводятся по григорианскому календарю.

на ужасной войне, в которой одинаковая цель развела побратимов на противоположные стороны. [...] Вашим девизом было восстановление справедливости, попранной вторжением, нашим – справедливости, попранной силой». Линовский стремится найти некий общий для двух народов дискурс, но в то же время обозначить принципы, на основе которых возможно взаимное сосуществование: «Судьба наша еще не решена, но и вы, россияне, не окончили еще вашего дела. Нам нужны только имя и законы, ваше же предназначение в том, чтобы хранить мир и счастье народов, сделать еще более прекрасными и славными лавры победителей, воплощать в жизнь дружественную для всего человечества политику и служить образцом общественной справедливости. [...] Поляки по самой природе своей станут вам первыми помощниками в этих начинаниях». Он подчеркивает, что Россия должна показать себя достойной своего военного триумфа и великодушных, далеко идущих планов императора. Поляки же, по ставшим широко известными словам оратора, как «единоплеменники» русских, достойны быть их братьями, но не годятся на роль невольников. Таким образом, идея братства, по мысли Линовского, могла реализоваться лишь на равных, партнерских основах, а также при условии забвения свойственных «непросвещенным векам» принципов подчинения одних народов другими (цит. по [9. С. 95, 99, 100]).

Церковный и государственный деятель, епископ и поэт Я.П. Воронич в проповеди, произнесенной на заупокойной службе по Ю. Понятовскому, также обратился к присутствовавшему там Барклаю де Толли и другим русским генералам, благодаря их за то, что они делят скорбь поляков: «Единым чувством чести и славы наградила природа два братских народа, выросших из одного славянского корня. Вы возвышенно-геройски спасли вашу отчизну, мы оплакиваем благородную смерть нашего героя, погибшего за надежду ее обретения». Он тоже пытался нащупать единые ценности, объединяющие поляков и русских – и нашел их в патриотизме, стремлении к национальной славе, самоотверженной защите отечества и благородном, освященном древностью происхождении. Воронич ратовал за уничтожение из зависти посеянных семян прежних распрей между русскими и поляками. Подобными риторическими фигурами епископ пользовался также на заупокойных мессах по Т. Костюшко, И. Чарторынской, утверждая, что «раскидистая ветвь славянства должна соединиться со своим родным племенем, чтобы черпать жизненные силы и славу из одного корня». Благодаря Александра I за получение краковского архиепископства, Воронич пишет: «Не перестану напоминать моим соотечественникам, что прочная основа их существования в тесном братском союзе с единоплеменным народом, их рука Господа соединила общностью рода, языка, интересов и [...] предназначила для славы» [10. Т. 5. С. 94, 97, 154]. В 1826 г. на траурной церемонии по случаю кончины Александра I будущий глава духовенства Королевства Польского представил русских как народ, разделяющий патриотические ценности поляков и потому самоотверженно защищавший отечество в войне 1812 г.: «Вы не были бы древним и могущественным народом, если бы не любили отечество, не сохраняли его имя, славу и единство» [10. Т. 6. С. 74].

Однако в основном преобладала тенденция прославления Александра I именно как польского короля. Она прослеживается в речах сенаторов и депутатов сейма, например, в речи Ю. Выбицкого при открытии заседаний первого сейма конституционного Королевства в 1818 г. В ней сенатор упомянул «трон Пястов», на котором восседает «Император Всероссийский как Король Польский, славянин по крови». Председатель сената С. Потоцкий также говорит о «воскрешении» новым монархом «древнего престола польских королей». Члены сейма в самых верноподданнических выступлениях словно выстраивали собственные, исключительно польские отношения с новым монархом, лишь для соблюдения формальностей упоминая о том, что «присоединив Королевство Польское к своим огромным владениям, соединив под своим скипетром два братских народа», им-

ператор гарантировал этим стабильность польского национального бытия и обеспечил польскому государству могущественную поддержку (речь С. Потоцкого). На пике дружелюбной и либеральной атмосферы лишь министр внутренних дел Т. Мостовский в духе российской послевоенной пропаганды напомнил собравшимся о мирном занятии Варшавы в 1813 г., приказе российского командования как можно мягче обращаться с жителями Княжества Варшавского и образцовом поведении русской армии на завоеванных землях. В основном выступающие ритуально благодарили Александра I за установление мира, который позволяет стране нормально развиваться, «воскрешение» Польши и поддержку польской армии, либеральную конституцию, ставшую продолжением традиций польского законодательства. Панегирическая риторика была более характерна для элиты – членов сената Королевства Польского. Однако в ходе работы первого сейма послы и депутаты посольской избы – нижней палаты сейма также включали в свои выступления выражения благодарности монарху. Например, посол С. Новаковский, в связи с обсуждением законопроекта вспоминая польского короля Александра Ягеллончика и закон, принятый им в 1505 г., указал на символическое совпадение: «То же самое имя Александр сегодня благоприятствует полякам». По его словам, то, что задумывалось польскими королями Александром и Сигизмундом I, «предстоит исполнить благословенному народами королю Александру I». Предложения по существу законопроектов сопровождались как ритуальными фразами типа: «Его королевское Величество наш все милостивейший Государь с отеческой заботой вносит проект закона», так и традиционно польскими формулами: «Король с народом, народ с королем» [11. Т. 1. S. 8, 11, 13, 19, 85–86.]. После 1820 г. на сеймах последующих созывов хвалебные речи заменялись простыми формулами лояльности.

Общепринятым стало употребление в печати наименований «Россия», «русские» (Rosjanie) вместо традиционно имеющих негативные коннотации «Москва», «москальи». «Rosja» фигурировала в информационных краеведческих книгах о России [12], в носивших преимущественно исторический и этнографический характер эпизодических публикациях на русские темы в прессе («Pamiętnik Warszawski», «Rozmaitości Warszawskie», «Dziennik Warszawski», «Lech», «Gazeta Polska», а также выходившие на польских землях вне Королевства Польского «Tygodnik Wileński» «Dziennik Wileński» «Rozmaitości Lwowskie»), а также в польских учебниках истории. Показательно, что в учебнике по истории Польши, издававшемся в Варшаве в 1821, 1822 и 1829 гг., недавнее польское прошлое (последние годы перед разделами, восстание Т. Костюшко, деятельность Ю. Понятовского) интерпретируются в сугубо патриотическом духе. Приметы новой политической ситуации видны лишь в отсутствии негативных высказываний в адрес русских и Екатерины II [13]. Из довольно бессистемных и малочисленных материалов по русской истории выделяются, пожалуй, публикации на тему эпохи Петра I, которые встречаются наиболее часто. Тема Петра I и петровской эпохи в первые годы конституционного Королевства Польского была популярна и на польской сцене, к ней апеллировали и в случаях, требующих ритуальной верноподданнической риторики. Именно через образ царя-реформатора, централизовавшего власть в России и укрепившего государство, была представлена в те годы Россия и ее официальная история. Однако, характерно, что польское героическое прошлое (например, биография Т. Костюшко) сосуществовало на страницах периодики с упоминанием в позитивном контексте российских монархов и даже А.В. Суворова, а также с возданием должного Наполеону Бонапарту. Более того, популярность Александра I в польском обществе была столь велика именно из-за его рыцарского отношения к бывшим противникам на поле боя.

Уже начиная с осени 1813 г., в Княжестве Варшавском и затем в Королевстве Польском праздновали именины и дни рождения российского императора, а также членов императорской семьи, годовщины восшествия монарха на престол и

т.д. Эти даты сопровождались соответствующими публикациями в центральной прессе. Материалы польской периодической печати позволяют реконструировать также церемониалы торжественных въездов императоров в пределы Королевства Польского, их встреч в польской столице. Так, во время первого официального визита Александра I в Королевство Польское в ноябре 1815 г. газеты пестрели описанием транспарантов и иллюминаций, среди которых была, например, светящаяся надпись на лазарете: «Również chorzy jak zdrowi wdzięczni Aleksandrowi» («И больные, и здоровые благодарны Александру»). Газеты печатали панегирические произведения, посвященные «воскресителю Польши»: оды, речи, гимны, публиковавшиеся также отдельными брошюрами. Александра I называли в них «монархом славян», прославлялись все его родственники – «Алексеевна», т.е. императрица Елизавета Алексеевна, его братья и сестры, а также императрица-мать [14. 2 XII 1815; № 96. S. 1888–1889]. Во время второго визита Александра I в Варшаву осенью 1816 г. «Gazeta Warszawska» опубликовала стихотворение Ю. Минасовича, в котором «славный король Лехов» сравнивается с Юпитером на Олимпе [14. 8 X 1816; № 81. S. 1861]. Подробнее о польской литературе в честь Александра I см. в: [15].

Характерно, что в 1825–1830 гг. число произведений, восхвалявших Николая I, по сравнению с одами и гимнами Александру I, было поистине мизерным. Из отдельно публиковавшихся стихотворных панегириков можно назвать лишь написанную по латыни оду Э. Андрашека (1829), в которой автор прославляет «цезаря и пантократора», назвавшегося священным именем короля Лехитов [16], а также стихотворение Ю.Т. Хамского по поводу прибытия Николая I в польскую столицу в 1830 г. В нем Николай I воспевается как «благодетель северных народов» и «король сарматов», с особой которого верный польский народ связывает особые ожидания [17]. Данный факт служит косвенным подтверждением того, что создаваемый официальной культурой образ Александра I отражал реальное отношение к нему в польском обществе, в то время как дань уважения Николаю I была формальной.

Образ «короля Лехитов» поддерживала и российская сторона. «Свою» столицу Александр I посещал почти каждый год: 12 ноября – 3 декабря 1815 г., когда им была подписана конституция королевства, а затем в 1816, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1825 гг. Поездки Александра I в Королевство Польское являли собой особый тип саморепрезентации императорской власти, которая должна была, ориентируясь на польское и западноевропейское общественное мнение, демонстрировать иное лицо, отличное от традиционного образа самодержавных императоров, предназначенного для российских подданных. Продолжателем этого типа саморепрезентации власти до польского восстания 1830 г. стал и Николай I, побывавший в Королевстве Польском в качестве конституционного монарха лишь дважды.

Подчеркивая свою преемственность с польскими королями, Николай I в феврале 1828 г. распорядился на свои деньги отстроить в Варшаве часовню для упокоения сердца Яна III Собеского, заявляя, что «таким образом может дать зримое доказательство почитания им добродетелей и замечательных достоинств одного из самых достойных своих предшественников» [7. 1 III 1828; № 59. S. 531]. Въехав в Варшаву для коронации 17 мая 1829 г., император, как и сопровождавший его великий князь Михаил, был в мундире польской армии, а наследник в польском мундире Конно-егерского полка, которого он был шефом. В предпееди по случаю визита Николая I в Варшаву в 1830 г. архиепископ Адам Пражмовский превозносил императора как продолжателя политики Александра I по отношению к Польше, как того, кто после 65-летнего перерыва короновался как польский король, заключая: «А когда в своих воззваниях он наших древних королей называет своими предшественниками, соединяя древность с современной эпохой, он, кажется,

напоминает нам о святой обязанности следовать добродетелям наших предков в выражении чувств своему королю» [18. S. 13].

В связи с новой политической ситуацией перед польской гуманитарной наукой также встали новые задачи – поиски адекватных путей для реализации идеи польско-русского сближения. Нащупать их ученые пытались путем изучения историко-культурного наследия двух народов в соответствующем ракурсе. Осмысление новой политической ситуации рождало историсофские концепции, обосновывавшие союз с Россией. Главной составляющей этих концепций была идея славянского единства, разрабатывавшаяся в то время многими польскими учеными и поэтами, что нашло отражение в исторических и лингвистических работах, в контактах с учеными и литераторами славянских стран. Е. Бандтке, С.Б. Линде, В. Скороход-Маевский, В. Суворецкий, И. Раковецкий, З. Доленга-Ходаковский, И. Лелевель, К. Бродзинский, Ю. Ярошевич обращаются к славянской истории, литературе, религии и мифологии, вопросу о происхождении славянских языков и началам славянского права. Особенно активно идею родства польской и русской культур распространяли С.Б. Линде и И. Раковецкий, которым в 1822 г. был издан двухтомный перевод «Русской правды».

Насколько укорененными в польской культуре XIX в. можно считать славянофильские идеи – вопрос поныне спорный и болезненный для польских ученых постольку, поскольку данные идеи всегда так или иначе были связаны с проблемой польско-русских взаимоотношений, выбором: кому – России или Польше принадлежит роль лидера славянства. Очевидно, что в годы конституционного Королевства Польского интерес к славянской проблематике, сам по себе характерный для начала XIX в., был напрямую связан с поисками модели взаимоотношений России и Польши. Очевидно также, что идея общих корней, а следовательно общей судьбы русских и поляков, достаточно болезненно воспринималась польским обществом, что особенно отразилось на его отношении к тем ученым, чьи труды были выдержаны в пророссийском духе.

Создателем целостной концепции места славян в современной истории, в которой союзу России и Польши отведено центральное место, был Ст. Сташиц. Уже сразу после вступления российских войск на территорию Княжества Варшавского и создания временных органов управления с участием русских Сташиц приступил к работе над статьей «Мысли о политическом равновесии в Европе». Ее он прочитал на заседании Общества друзей науки в августе 1815 г. Высказанные идеи об исторической закономерности объединения Польши и России нашли отражение и в других работах Сташица – философско-дидактической поэме «Человеческий род» (1819–1820) и в «Последних словах соотечественникам» (1819), ставших его политическим завещанием.

Славяне, по мнению Сташица, составляют противовес двум другим языковым семьям Европы – галлолатинской и тевтонской. Обе эти семьи в настоящее время не в состоянии стать основой для прочного объединения народов (именно в тенденции к объединению, созданию все более широких по охвату союзов народов и государств видел Сташиц движущую силу европейской цивилизации). Представители галлолатинской семьи «отличаются горячностью, они способны, но не настойчивы; они все начинают, сеют зерно мысли, но не в состоянии извлечь из них пользу». Племя же тевтонов (т.е. немцев) отличилось жестокостью по отношению к завоеванным народам, а потому не в состоянии обеспечить Европе прочный мир. Именно тевтоны являются главным врагом славян – на протяжении истории они под разными предлогами завоевывали их и вытесняли со своих земель. Из-за скрытого влияния и наущений немцев поляки и русские – эти два великих славянских народа – вели между собой войны и уничтожали друг друга.

Философ считал, что славяне, находящиеся на пике своего развития, обладают наибольшим объединительным потенциалом. Приметы племенного единства, способность стойко переносить исторические катаклизмы, относительная моло-

дость – все говорит в их пользу. Состоявшийся союз России и Польши, полагал Сташиц, – это реализация объединительных стремлений, к которым славян подталкивает сама природа.

Решая вопрос, кто должен «освободить славянское племя и вывести его на путь его предназначения», Сташиц признал политическую гегемонию России – этот вопрос «решила в ее пользу вся Европа». С другой стороны, духовное главенство он оставил за поляками, называя их «старшим братом русских». Именно у поляков, подчеркивал Сташиц, впервые зародилась мысль о единении славянского племени. («Польский народ вместе со своим королем еще в 1792 г. заявил русским о желании объединиться с ними, но тогда этому воспрепятствовали немцы») [19. S. 23–25].

В союз славян, по мысли Сташица, Россия привнесет политическое могущество, Польша же – просвещение. Отсюда девиз «Объединяйтесь и просвещайтесь!», которым заканчиваются «Последние слова соотечественникам» [20]. Зная позицию Сташица смысл этой фразы был ясен – неслучайно К. Козьмян приводит их в иной формулировке: «Объединяйтесь с русскими и просвещайтесь!». Мысль философа мемуарист воспроизводит следующим образом: «Сплотимся с Россией и будем просвещаться, возьмем от нее мощь, а от нас она пусть возьмет просвещение. Народы гибнут, да не погибнет цивилизация!» [21. S. 191, 197].

Опираясь знакомыми для польской аудитории представлениями, Сташиц распространил на Россию идею бастиона Европы. Если поляки, по его словам, «постоянно сдерживали орды татар, башкир, калмыков, казаков и турок, несущих мечи и огонь в Европу», то русские уничтожили дикие полчища казаков, организовав их в регулярные полки, основали неприступные крепости в горах Кавказа, защищающие от нападений народов Азии. Кроме того (и это звучало в соответствии с идеями легитимизма, распространившимися в Европе после Венского конгресса), заслугу русских мыслитель видел в освобождении Европы от ее возмутителя Наполеона [22. S. 279].

Просветительский дискурс, ставящий во главу угла государственную идею, позволил Сташицу увидеть положительное в том, что до и после него преподносилось как отрицательные стороны организации российского общества – т.е. в имперской идее, централизации государства, единстве светской и церковной власти. Сташиц видел в российском государстве пример удачного объединения народов и их мирного сосуществования. Секрет этого, по его мнению, заключался в сосредоточении власти в руках императора (отсутствии наместников, удельных князей и т.д.). В отличие от своих польских предшественников и последователей, воображение которых потрясало происходящее на их глазах расширение Российской империи, Сташиц с удовлетворением отметил, что народы разного уровня цивилизации, разной веры, языка и этнических корней – калмыки, башкиры, татары, персы, турки, москаль, русины, поляки, прибалтийские народы от Камчатки до Китая живут в согласии, мирно цивилизуются и подчинены одним законам. Как свидетельство торжества разумных принципов государственного устройства Сташиц воспринимал и то, что император является главой церкви [22. S. 286–287; 19. S. 28].

Идея о соединении культурной гегемонии Польши с политическим первенством России, которую развивал философ, была намечена в планах А. Чарторыского. Она нашла отражение в его деятельности на посту куратора Виленского учебного округа. В 1819 г. Чарторыский писал в частном письме: «Поскольку в том, что касается силы, наш народ уступает другим, ему остается искать первенства только в интеллектуальной сфере и стараться отличаться в науках. Со многих точек зрения нам будет полезно во имя наук и совместных изысканий сдружиться с другими народами; та ветвь славян, которая поспешит и первой найдет нить их первобытного единства, станет сведущей в их древностях, несомненно в их глазах получит пальму первенства для своих литературы и языка» (цит. по [23. S.25]).

С целью изучения истории и литературы славянских народов он даже проектировал создание Польско-славянского общества с центром в Варшаве или Кракове. Так польская столица должна была стать чем-то вроде славянских Афин.

Сходная концепция союза с Россией неясно маячила в декларациях Варшавского общества друзей науки, еще первый председатель которого Я. Альбертранди считал, что в этом союзе Россия должна сыграть роль Рима, а Польша – роль хранительницы античной культуры Греции.

Обращение к истории русской литературы также служило тому, чтобы подчеркнуть решающую роль в ней польского влияния. В 1815–1816 гг. С.Б. Линде, комментируя «Опыт российской библиографии» В. Сопикова, указал на отсутствие упоминания им ряда польских авторов и печатных изданий. Польский ученый отметил, что просвещение в славянских странах развивалось по направлению от юго-запада к северо-востоку и что роль поляков в развитии книгопечатания на восточнославянских землях была весьма высока [24]. В 1823 г. тот же Линде в предисловии к своему переводу «Опыта краткой истории русской литературы» М. Греча с удовлетворением подчеркнул: один из периодов русской литературы можно с полным правом назвать польским [25. S. 3].

В то же время С.Б. Линде выдерживал свои работы в духе явной верноподданнической риторики. Его публикация сочинения М. Греча предварялась посвящением «Ясновельможному Николаю Николаевичу Новосильцеву, тайному советнику, сенатору Российской империи, полномочному комиссару Его Императорского и Королевского Величества в Королевстве Польском, кавалеру орденов Белого Орла, Св. Александра, Св. Владимира I степени и многих других, хранителю Ягеллонского университета, члену многих научных обществ и т.д. и т.д.». В обращении к нему ученый писал: «Волей многих Божественного Провидения миллионы поляков вместе с могущественным братским российским народом пользуются благоденствиями благословенного правления государя Александра I. Взаимное познание духовных богатств способствует взаимному уважению народов и в итоге объединяет их узами братской любви» [25]. Подобный угоднический тон Линде по отношению к нелюбимому в Польше представителю российской власти, безусловно, способствовал негативному восприятию обществом связанных с Россией штудий ученого.

Пожалуй, ведущую роль в поддержке официальной политики сыграл театр. На мой взгляд, это объяснялось особой ролью театрального искусства, которое, благодаря своей зрелищности и способности собирать вместе большое число людей, могло быть успешным проводником политических идей. По словам Л.А. Софроновой, польский театр начала XIX в. «сблизился, может быть, более всего с публицистикой, так как своей задачей избрал моментальную реакцию на все события, происходившие в стране» [26. С. 245].

Уже с первых чисел 1814 г. «Gazeta Warszawska» регулярно сообщала о постановке пьес пророссийской направленности. 15 января 1814 г. она поместила информацию о том, что 29 декабря в варшавском театре была сыграна переводная драма «Меншиков в Сибири, или Федор и Марья» (автор – директор немецкого театра во Львове Ф. Краттер, перевод Я. Вольского). 24 марта 1814 г. в Варшаве в годовщину вступления Александра I на престол была поставлена написанная на текст наиболее плодовитого автора верноподданнических сочинений Л. Дмушевского (это был перевод произведения А. Коцебу) опера К. Курпиньского «Милость императора». Ее же давали и в декабре этого года в честь дня рождения царя, а затем поставили в Кракове и Львове.

Действие этой оперы происходит в России, между Петербургом и Москвой, все герои носят русские имена. Ее героиня, мужественная русская девушка Феодора, дочь сосланного в Сибирь опального вельможи, пешком дошла из самой Сибири до столицы, чтобы броситься к ногам императора и молить его о прощении для ее отца. Император оправдывает ожидания благородной героини. Монарх просит

довериться ему как отцу и в одно мгновение решает ее судьбу: он прощает ссыльного и велит тут же послать за ним гонца [27].

Характерно, что, хотя сам император не назван по имени, именно «Милость императора» приобрела в ожидавшем от Александра I решения своей участи Княжестве Варшавском символические функции. Прощение императором отца героини, видимо, должно было напоминать о великодушном прощении российским монархом поляков, воевавших против него. «Gazeta Warszawska» от 17 мая 1814 г. (вскоре после вступления союзнических войск в Париж) писала: «По окончании представления в Национальном театре 8 числа сего месяца публика, преисполненная благодарностью за особое расположение и благодеяния Российского Императора по отношению к нашей армии во Франции, а также к нашему краю, единогласно и усиленно требовала уже дважды показанной оперы “Милость императора”. Ранее она уже была представлена многочисленной публике, которая встречала ее необычайными и длительными овациями. Царило всеобщее воодушевление. Г-н Дмушевский, сочинитель этого произведения, написал новые строфы, которыми заканчивается опера. Их пришлось повторить два-три раза. Вот эти строфы: «Aleksander Wielkim zwany / Wziął tysiąc obronnych grodów, / A dla podbitych Narodów / Często przynosił kajdany. / Lecz Aleksander z Północy (пзрядка в газете. – *Н.Ф.*) / Wśród zwycięstw, potęgi, mocy, / Ocalając własne kraje / Dla innych się ojcem staje». («Александр, прозванный Великим, / Взял тысячу крепостей, / Но покоренным народам / Часто нес оковы. / Северный же Александр, / Победями и могуществом / Сохранив свою державу, / Стал отцом и для других») [Прил. к № 40. S. 701].

Приемы дописывания куплетов, кантат с целью актуализации содержания оперы был крайне распространен в то время. Это помогало приспособить произведение к новой политической ситуации и в таком виде использовать его в торжественных случаях. Так, в 1814 г. Л. Дмушевский внес в известную польской публике с 1811 г. комическую оперу «Дядюшки и тетушки» изменения: добавил благодарственные речи, адресованные Александру I, который отправил сражавшееся против него польское войско на родину за счет России и вверил командование им своему родному брату [28. S. 109]. Подобным образом, опера «Краковяне и горцы» В. Богуславского, написанная еще перед разделами Польши и неоднократно переделывавшаяся соответственно новым политическим обстоятельствам, давалась и 20 июня 1815 г. в честь провозглашения Королевства Польского, причем представление было бесплатным. Об изменениях, внесенных в это произведение по торжественному случаю, информировала «Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego». В первом акте неожиданно принесенное известие о счастливой судьбе страны примирило поссорившихся крестьян. «Публика с большим энтузиазмом приняла сцену, в которой народ, готовый к битве, сдерживает свой порыв, услышав благую новость, и, падая на колени, произносит строфы: “Слава Тебе, о Боже! Наша Польша жива!”», – сообщала газета. Второй акт заменяла кантата, прославлявшая того, кто «даровал полякам родину», и провозглашавшая, что «благодарность – это утеха сердец и главная добродетель поляков». На фоне бюста Александра I, который располагался на постаменте, украшенном гербом нового государства, каштелян и владелец деревни декламировали благодарственные монарху стихи. В них фигурировала «засверкавшая новым блеском корона Сигизмундов», а также «дружелюбное племя народа-побратима, который зовет своих давних братьев в общую семью» [14. 24 06 1815. Прил. к № 50. S. 907–908].

Среди произведений сходной направленности следует назвать комедию «Отцу отчизны его благодарные дети» М. Кажиньского (поставлена в 1814 г. в Виленском театре). М. Кажиньский, в частности, обратил внимание зрителя на то, что русские войска, вступив на польскую землю, охраняли собственность литовской шляхты, а царь велел вернуть полякам реквизированное в пользу француз-

зов имущество. В этом произведении прямо выдвинуты обращенные к русским славянофильские лозунги: «Wyznajmy prawdę szczerą; nie tylko w tej porze, / Lecz przed wieki nasz Naród z waszym bywał schodny, / Zbliżony język, wiara i obyczaj zgodny, / Czy to w potomkach Leszka, czy w Ruryka zmianie / Zawsze byliśmy sobie życzliwi Słowianie. / Nie gardźmy tylko szczęściem, które nas zajmuje, / Bo ono się około nas samych znajduje. / Podając sobie ręce, ściagniem oczy świata, / Gdy Rus ujrzy w Polaku, Polak w Rusie brata». («Скажем правду: не только теперь, / Но и издавна наш народ был схож с вашим, / Родственным языком, общей верой и обычаями. / Потомки Леха или Рюрика, / Мы всегда были доброжелательными друг к другу славянами. / Не будем гнушаться счастьем, / Оно рядом с нами. / Подав друг другу руки, удивим мир, / Когда русский в поляке, а поляк в русском узрит брата») (цит. по [29. С. 85]).

Основной идеей произведений «по случаю», написанных по поводу образования Королевства Польского, было прославление самого Александра I. Его славили за милость к побежденным и за возвращение полякам отечества. В воцарении Александра I в Королевстве Польском хотели видеть прежде всего возобновление польской государственной традиции и гарантию расцвета всего национального. Именно так воспринимается создание нового польского государства в очередной опере К. Курпиньского на слова Л. Дмушевского «Награда», постановка которой была приурочена к прибытию в Варшаву императора уже в качестве польского короля. Опера была поставлена 24 декабря 1815 г. в честь дня рождения Александра I.

Незамысловатый сюжет оперы о любви сельской девушки Юстыны к солдату Станиславу, вернувшемуся после войны в свою деревню, ярко окрашен в патриотические и верноподданнические тона. (Подобное сочетание, возможное в первые годы после решения об образовании конституционного Королевства Польского, характеризует сочинения того времени). Ведь именно великодушный Александр I вернул героя на родину.

Более того, воин, сражавшийся за свободу своей страны, оказался награжденным (о том, что ему пришлось воевать против России, лишь намекается). В опере демонстрируются сцены всеобщей радости сельчан по поводу возрождения польской государственности и прибытия Александра I в Польшу. Веселятся деревенские девушки, решившие этот праздник отметить красивыми нарядами и добрыми делами, поскольку «Радуется вся Польша, во дворцах и избах пан и крестьянин празднуют этот денек: теперь они смело могут называться поляками».

Готов отдать за монарха последнюю каплю крови говорящий от имени земледельцев Станислав. Собирается отметить торжественный день органист, провозглашающий: «Vivat Rex, Pater et noster Salvator!» («Да здравствует король, наш отец и спаситель!» – лат.). Старый слепой крестьянин восклицает: «Проведя всю жизнь в заботах и дожив до глубокой седины, я наконец счастлив, что обрел отечество!»

Главное, что связывают сельские жители с фигурой Александра I и созданием Королевства Польского, – это надежда на возрождение национальных старопольских обычаев. Неслучайно в опере звучит мазурка, на мелодию которой герои поют куплеты о возвращении золотых времен: «сабель, усов, сарматских поясов» и так называемые краковские «вырвасы», т.е. припевки, в которых среди прочего есть слова о братстве русского и польского народов: «Рус и Лех были славяне, одной матери сыны».

Однако об объединении «короны Петра и Сигизмунда», а также о надежде на то, что Александр Благословенный «изгладит из памяти взаимную нелюбовь братских народов» упоминается вскользь. Очевидно, что данные фразы играют здесь скорее формальную роль [30. S. 83, 92, 97, 105, 107, 109, 111, 118].

Позднее, в 1817 г. Александр I и данная им Королевству Польскому конституция воспевались в комической опере К. Маерановского «Памятники Алексан-

дру». Ее сюжет опирался на следующий исторический факт: во время своего первого приезда в Варшаву в качестве польского короля Александр I предпочел, чтобы собранные на памятник ему деньги, пошли на поддержку польских крестьян. Потому истинные памятники монарху, по мысли автора этого произведения, в их сердцах. В опере крестьяне прославляют мудрого монарха и поют в честь него куплеты, в которых выражают готовность трудиться на земле и воевать ради своего короля. Вспоминают они и о конституции 1815 г., гарантирующей личную свободу крестьянства и равенство всех перед законом [31].

Гораздо более русской занимала поляков история собственного отечества. Если рассмотренные выше пьесы можно охарактеризовать как однодневки, быстро сошедшие со сцены, то возникшие в это же время исторические трагедии и оперы, напоминавшие о былом величии Польши и истинно польских добродетелях, долго пользовались успехом в польском обществе. Подобные произведения также могли апеллировать к новой политической ситуации, как, например, опера «Ядвига, королева польская» на либретто Ю.У. Немцевича, музыку к которому написал К. Курпинский. Премьера этой оперы состоялась 23 декабря 1814 г. и была воспринята публикой как аллюзия на скрытые обещания Александра I объединить Польшу с Литвой, поскольку сюжет произведения напоминал об обстоятельствах давней польско-литовской унии. Однако подлинный успех «Ядвиги», долго не сошедшей со сцены, объяснялся, по словам критика того времени, тем, что она поднимала тему «отечественной истории в эпоху столь решительную для Польши» (цит. по [32. S. 6]). Таким образом, новые политические реалии рассматривались сквозь призму национальной истории, включались в ее орбиту. Годы конституционного Королевства Польского вошли в историю польского театра благодаря постановкам исторических драм – таких как «Барбара Радзивиллувна» А. Фелинского (1817) или «Жулкевский под Цецорой» И. Гумницкого (1820). Они касались актуальной политической ситуации иначе – ставя во главу угла такие проблемы как тип патриотизма, возрождение национальных добродетелей, преемственность национального этоса.

Налицо была тенденция включить нового монарха, царя и короля в одном лице, в польскую историю, но никак не наоборот. Актуальные строки, провозглашающие преданность поляков Александру I, звучали в поставленной 30 декабря 1814 г. исторической драме Дмушевского «Осада Варшавы», в которой фигурировали король Ян Казимир и воевода Стефан Чарнецкий (см. [14. 3.01.1815. Прил. к № 1. S. 14]). Верноподданнические мотивы по отношению к «отцу народа» присутствовали и в другом историческом произведении Дмушевского – опере на музыку Ю. Эльснера «Король Локетек, или жительницы Вислицы», поставленной в 1818 г. Похвалы Александру I звучали в опере К. Маерановского «Костюшко на берегах Сены» (1821). Это была последняя польская опера, содержащая панегирики российскому императору. Николай I уже не дождался их от польского театра. В честь его коронации в 1829 г. ставили оперу из польской истории – «Цецилия Пясечинская» (музыка К. Курпинского, либретто Дмушевского), тема которой была далека от актуальных событий и относилась ко временам короля Яна Казимира.

Рассмотрев особенности преломления официальной культурой Королевства Польского государственной политики, связанной с его созданием, можно констатировать, что этот пласт культуры отразил как ожидания части польского общества, настроенной конструктивно, так и линию, диктуемую политикой Российской империи. Положительный образ монарха и России создавался совместно двумя заинтересованными сторонами. Анализ текстов позволяет опровергнуть глубоко укоренившееся в польской науке и историческом сознании негативное представление обо всех проявлениях культурной политики, связанных с «конформизмом, оправданием верноподданнических настроений высшей необходимостью» [33. С. 8]. В том, что говорилось в торжественных случаях, произносилось

со сцены и т.д., проявлялось не только и не столько стремление продемонстрировать лояльность российскому императору и титульной нации, сколько реальные надежды на развитие национальной государственности в новых условиях. Представляя российских императоров как наследников Пястов, желая видеть в русских не завоевателей, но равных себе, более того – манифестируя некую миссионерскую просветительскую роль Польши по отношению к России, ожидая от создания конституционного Королевства подъема и развития всего польского, официальная культура не отказалась от национальных, патриотических приоритетов. Порицание общества вызывала не сама идея русско-польского сближения, пропагандируемая в целом достаточно осторожно, а всякий перехлест в сторону сервиллизма и угодничества.

Об этом свидетельствует и то, что приведенные нами примеры относятся в основном к царствованию Александра I, в особенности к периоду до 1820 г., после которого император отходит от либерального курса и особых планов по отношению к Польше. Через несколько лет после создания Королевства Польского верноподданные пьесы сходят со сцены, а популярные в его первые годы апелляции к идеям славянского единства теряют свою актуальность и становятся обычной формальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.
2. *Królestwo Polskie Kongresowe. Powstanie listopadowe. 1815–1831.* Piotrków, 1915.
3. *Мыцielski М.* «Miasto ma mieszkańców, wieś obywateli». Kajetana Koźmiana koncepcje wspólnoty politycznej (do 1830 roku). Wrocław, 2004.
4. *Janowski М.* Narodziny inteligencji. 1750–1831 // *Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918* / Red. J. Jedlicki. Warszawa, 2008. Т. 1.
5. *Фалькович С.М.* Введение // *Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830* / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2010.
6. *Моścicki H.* Znaczenie dziejowe Królestwa Polskiego (1815–1830). Warszawa, 1917.
7. *Gazeta Warszawska.*
8. *Woroniecki E.* Słowianofilstwo Królestwa Kongresowego // *Świat Słowiański.* 1910. Т. 2. № 68.
9. *Dąbrowicz E.* Moskale i Rosjanie w literaturze pierwszej dekady Królestwa Kongresowego // *Obraz Rosji w literaturze polskiej* / Red. J. Fiećko i K. Trybuś. Poznań, 2012.
10. *Woronicz J.P.* Pisma. Kraków, 1832–1833. Т. 1–6.
11. *Dyariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 r.* Warszawa, 1818. Т. 1–3.
12. *Bychowiec J.W.* Rzut oka na Rosyя pod względami historycznym, statystycznym, politycznym, moralnym, naukowym i gustu. Warszawa, 1817.
13. *Rys historii polskiej od wzniesienia się monarchii aż do ostatniego upadku i rozbioru kraju. Z pięciu mapami, przez J. Mikłaszewskiego.* Ed. 2, poprawna i ważnemi dodatkami powiększona. Warszawa, 1822.
14. *Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego.*
15. *Филатова Н.М.* Польские литераторы об Александре I // *Славяноведение.* № 1. 2011.
16. *Andraszek E.* Ode in solenni inauguratione augustissimi, potentissimi et serenissimi Nicolai I Autocratoris Rossiarum cum regio diademate insignitus ab omnibus poloniae ordinibus rex Poloniae. Warszawa, 1829.
17. *Chamski [J.]T.* Wiersz na przybycie do stolicy Najjaśniejszego Mikołaja I Cesarza Wszech Rossyi Króla Polskiego. Warszawa, 1830.
18. *Prażmowski A.* Kazanie miane przed zaczęciem sejmu w kościele metropolitalnym warszawskim św. Jana dnia 28 maja 1830 r. Warszawa, 1830.
19. *Staszic S.* Myśli o równowadze politycznej w Europie. Warszawa, 1816.
20. *Staszic S.* Ostatnie moje do współrodaków słowa // *Staszic S.* Dzieła. Warszawa, 1819. Т. 4.
21. *Koźmian K.* Pamiętniki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. Т. 2.
22. *Staszic S.* Ród ludzki // *Staszic S.* Dzieła. Warszawa, 1820. Т. 9.
23. *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926.
24. *Linde S.B.* O literaturze Rosyyskiej przez S.B. Lindego // *Pamiętnik Warszawski, 1815–1816.*
25. *Linde S.B.* Mikołaja Grecza rys historyczny literatury rosyyskiej z rosyyskiego przez S.B. Linde. Warszawa, 1823.
26. *Софронова Л.А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.

27. *Dmuszewski L.A.* Łaska imperatora. Opera wystawiona pierwszy raz na Teatrze Narodowym Warszawskim dnia 11 marca 1814 r. Muzyka Karola Kurpińskiego // *Dmuszewski L.A.* Dzieła dramatyczne. Wrocław, 1821. T. 3.
28. *Papierzowa A.* Libretta oper polskich z lat 1800-1830. Kraków, 1959.
29. *Durski S.* Komedia okolicznościowo-polityczna i historyczna lat 1800–1830. Wrocław, 1974.
30. *Dmuszewski L.A.* Nagroda. Opera w dwóch aktach z powodu pożądanego przybycia Najjaśniejszego Alexandra I cesarza i króla do nowo-wskrzeszonego Królestwa Polskiego napisana. Muzyka Karola Kurpińskiego // *Dmuszewski L.A.* Dzieła dramatyczne. Wrocław, 1821. T. 3.
31. *Majeranowski K.* Pomniki Aleksandra. Wystawiona w Krakowie, dnia 11.09.1817 w uroczystość imienin Najjaśniejszego Aleksandra I. Kraków, 1820.
32. *Chachaj M.* «Jadwiga, królowa polska» Juliana Ursyna Niemcewicza w ocenie warszawskiej publiczności teatralnej. // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin – Polonia.* Vol. XX–XXI. Sectio FF, 2002/2003.
33. *Ковальчикова А.* Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки» // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре.* М., 2002.

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

В статье рассматривается реакция русского общества на Первую балканскую войну 1912–1913 гг. Симпатии к «братьям-славянам» оказались неодинаковы в различных слоях населения. Безусловную и осознанную поддержку проявила лишь интеллигенция, что вылилось в большое количество публичных мероприятий, печатных изданий и сборов пожертвований.

The article examines the reaction of Russian society to the First Balkan War of 1912–1913. Sympathy for the «Slavic brothers» varied across different social classes. Only the intelligentsia showed unconditional and conscious support, which resulted in a large number of public events, publications and fundraising.

Ключевые слова: Первая балканская война, Россия, русское общество.

Keywords: First Balkan War, Russia, Russian society.

«Турция объявила войну Сербии и Болгарии. Все симпатии были, конечно, на стороне Сербии и Болгарии, все с тревогой следили по газетам за военными действиями и радовались успехам родных нам славянских народов», – записал в мемуарах московский губернатор В.Ф. Джунковский [1. С. 71]. Эти слова посвящены разразившейся в 1912 г. на Балканах войне, в которой против Османской империи выступили сообща ее вчерашние подданные – Болгария, Сербия, Греция и Черногория. Как указано в бумагах Московского охранного отделения, славяне считались «нашими», а турки – «не нашими» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 19]. Но насколько были сильны эти симпатии и интерес?

Ответ на этот вопрос интересовал и российские власти. 1 ноября 1912 г. в охранный отделении была отправлена телеграмма с приказом предоставить информацию для доклада министра внутренних дел императору по следующим вопросам: «замечается ли и в каких именно слоях сочувствие» одной из сторон, «какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос», и на основании этого не строят ли свои планы «левые оппозиционные партии» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 1].

Из Царицынского уезда Саратовской губ. докладывалось: «Все слои населения кроме мусульман сочувствуют славянам выражением желаний им успеха» [3. Л. 119]. Выявить отношение мусульман к происходившим событиям довольно сложно, поскольку источниковая база ограничена. В правительственном циркуляре, опубликованном газетой «Новое время», весной 1913 г. говорилось, что «под влиянием последних событий на Балканах мусульмане заинтересовались славян-

ским вопросом» и начали его обсуждение. «Они очень недовольны Россией и русским правительством за поддержку Россией славян. Получаются сведения, что в случае войны с Китаем мусульмане решили поддерживать материально и морально монголов» [4. 27 VI]. Подобное отношение, можно предполагать, было характерно для большинства мусульман России, но пока оснований для прочных утверждений нет.

В большинстве губерний Центральной России отношение было «несомненно, сочувственное, но более платоническое, путем денежных пожертвований», как, например, в Твери [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 16]. Но было и другое мнение. Если в Царицыне «вооруженное вмешательство России интеллигентные классы находят желательными из мер оставления славянами приобретенного войной», то «рабочие и крестьяне [в] большинстве к войне относятся отрицательно» [3. Л. 119]. Последнее объяснимо, поскольку в возможном конфликте офицеры выступали за войну, ожидая скорого продвижения по службе, то именно рабочим и крестьянам было суждено отправиться на поля сражений [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 11–12]. Отделение в Орле докладывало, что «в низших слоях и крестьянской среде ввиду малой осведомленности в происходящих событиях наблюдается безразличное отношение», а слухи о вмешательстве «наводят некоторый страх» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 16]. Из Рязани сообщали, что «деревенское население пока безразлично» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 11]. Об отношении крестьянства мы можем судить и по дневнику А.А. Замараева из деревни Тотьма (ныне – районный центр Вологодской обл.). Не самый зажиточный сельский житель (лошадь, две коровы, шесть овец и два поросенка) [5. С. 58] интересовался политикой, отражая ее в дневнике наряду с хозяйственными записями. 18 ноября: «Герои болгары, сербы и греки заняли уже много турецких городов и укреплений. Взяты Салоники, окружен железным кольцом Адрианополь. Турки везде терпят поражения. [...] Полный развал Турции» [5. С. 55]. 15 апреля 1913 г.: «Герои черногорцы взяли одну турецкую крепость. Австрия этим очень недовольна. У границ Черногории много австрийских войск. Едва ли опять не будет война. Прочитать бы эту Австрию хорошенько» [5. С. 62]. В этих записях очевидно повторение журналистских клише. Американский социолог Д. Цаллер предположил, что средняя по уровню заинтересованности часть населения наиболее уязвима для пропаганды. Ее представители уделяют достаточно внимания происходящим событиям, но обладают недостаточными когнитивными способностями для сопротивления воздействию [6. С. 59]. Тем самым лишь подтверждается предположение, что если интерес у крестьян присутствовал, то он был поверхностным. Об отношении большей части населения довольно резко высказался публицист В.В. Водовозов: «Нашему народу никакого дела до Св. Софии нет. К тому же вряд ли он о ней что-либо знает: ведь $\frac{3}{4}$ нашего народа безграмотны» [7]. В воспоминаниях генерала А.А. Брусилова, касающихся уже Первой мировой войны, содержится подтверждение этим словам. Когда он спрашивал в окопах у солдат о причинах войны, то получал следующий ответ: «Какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы, не знал почти никто. Что такое славяне – было им также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно» [8. С. 199].

Московские рабочие, среди которых уровень образованности был выше, интересовались «успехами союзных славянских государств на Балканах, в особенности болгарями». По сообщениям агентов Вторникова и Кривцова в первопрестольной «среди фабричных рабочих отмечается интерес к войне, симпатии на стороне славян. Рабочие из запасных не прочь сами повоевать. Верят в возможность вовлечения России в войну с Австрией и одобряют ее» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 3]. А сотрудник Андреев, докладывал, что в типографии «зачастую приходится слышать восклицание [...] “Россия тебе покажет”» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346.

Л. 5]. Но так было легко рассуждать, находясь в центре России. В Смоленске, городе не раз бывшем ареной борьбы, население смотрело на возможное вмешательство «как на народное бедствие» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 7].

В докладной записке агента Московский охранки Лиза, на мой взгляд, точно подмечена суть восприятия событий русским обществом. Агент полагал, что в большинстве случаев симпатии к «борьбе за свободу» являются составной частью поведения «руководящих верхов интеллигенции», остальное же население если и симпатизирует, то лишь потому, что «нехристь-турка притесняет православных». При этом, масштабы сочувствия невелики, поскольку приток жертвованных мал. Практически мыслящие торгово-промышленные круги считали, что «сочувствие сочувствием, а не надо забывать своих экономических интересов» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 21]. Индифферентной была реакция и буржуазии Ярославля, где она «интересуясь исключительно личными делами, весьма слабо реагирует на Балканские события» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 12]. Во Владимире же проявлялось отношение и вовсе негативное: «По экономическим условиям вмешательство не желательно» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 6]. Сходно мнение современника событий К. Арсеньева, высказанное им в подводящем итоги 1912 г. номере газеты «Русские ведомости»: «Как ни велико сочувствие к грекам и славянам, льющим кровь за независимость и свободу, как ни заманчиво звучат голоса, призывающие к новому вооруженному вмешательству в вековую распрю, воинственное настроение не находит почвы в умах, занятых великой домашней работой» [9]. Объясняется такая позиция торгово-промышленных кругов тем, что война на Балканском полуострове приводила к уменьшению южного российского экспорта, вовлечение в конфликт с Турцией прервало бы его полностью. По данным Министерства торговли и промышленности, вывоз через порты Черного и Азовского морей за предыдущие десять лет составил 37% от общегосударственного, а в экспорте хлеба – и вовсе 80% [10. С. 193]. Самарский «Городской вестник» с тревогой сообщал о подорожании хлеба, требовании банков дополнительного страхования от военных происшествий, падении ценных бумаг на бирже Бухареста, застрявших на складах Болгарии сахаре, спирте и масле, отправленных из Одессы [11]. Как вспоминал русский военный агент во Франции А.А. Игнатъев, успехи Балканского союза и там вызвали «настоящую биржевую панику» [12]. Об отношении буржуазии к событиям говорит и история, позже рассказанная главой российского МИД С.Д. Сазоновым своему подчиненному. На выставке в Ярославле перед ним на колени бросился «один известный русский купец», чтобы выразить свою благодарность за то, что «во время Балканской войны он спас Россию от войны» [13].

По мнению современника событий, Н. Энгельгардта, экономический фактор повлиял и на перемещение «славянского сердца» России. В газете «Новое время» он указывал, что, если в XIX в. «бывшись» в Москве, затем умолкнув, теперь же «это славянское сердце, как это ни странно, родилось здесь, в Петербурге, в городе окраинном, в городе болотных туманов и антирусских влияний». Причины этого публицист видел в том, что «торговая Москва потеряла духовное прозрение. Это сердце заплыло жиром» [14].

У интеллигенции, как уже упоминалось, симпатии проявлялись активно. Агент Пушкарев докладывал, что «идет даже борьба, кто больше сочувствует» [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 18]. Болгарскому историку В. Златарскому его российский коллега Н.С. Державин писал: «В том, что русская интеллигенция в подавляющем большинстве сочувствует Вам, нет никаких сомнений» [15. С. 237]. Вот, какие свидетельства этого сочувствия мы находим в наблюдениях современников. Отправившийся на Балканы корреспондент газеты «Раннее Утро» встретил в поезде Киев – Одесса довольно интересных собеседников. Один из них, бывший морской офицер, а ныне директор банка, путешествовавший по России, утверждал, что никаких особых симпатий к балканским славянам он не замечал, а «все

это вздуто печатью, которая взгляды небольшой группы лиц приписывает всей России». У него нашелся оппонент – молодой корнет, назвавший народы, поднявшиеся на борьбу с турками, «нашими славянскими бурами». Третий же спутник, «светило московской адвокатуры», сравнил балканских жителей с «бедными, но назойливыми родственниками», вытягивавшими из России средства, необходимые для ее собственного развития [16. С. 10–11]. Как видим, лишь юноша, не приобретший еще достаточного жизненного опыта и некоторого цинизма по отношению к прессе, в своей реакции был пылок. Интересно это свидетельство и с другого ракурса – гипотезы спирали молчания немецкого социолога Э. Ноэль-Нойман [17]. В этом случае мы можем предполагать отсутствие доминирующего взгляда на события, «спираль молчания» не закрутилась: преобладание какого-либо мнения не было столь сильным, чтобы его противники боялись социальной изоляции за свое мнение, или же острота темы являлась незначительной и не представляла опасности для общественного консенсуса.

Существовало, естественно, и вовсе иное отношение к Балканским войнам. Писательница Р.М. Хин записала в дневнике: «Так безнадежно скучно, когда думаешь, какое непроходимо глупое, жестокое и подлое стадо представляет из себя христианское *цивилизованное* (курсив автора. – Н.Г.) человечество XX века. [...] Чудеса техники, которыми пользуются для вящего уничтожения и ненависти. [...] Опускаются руки» [18. С. 524–525].

Для популяризации и объяснения сути происшедшего осенью 1912 г. представители российских научных кругов приняли решение устроить публичные лекции по истории балканских стран. Славист, будущий советский академик, Н.С. Державин собирался в Петербурге прочесть ряд сообщений о событиях на Балканах [15. С. 95]. В Самаре в обществе книгопечатников при «световых картинках» планировалась лекция «Славяне и современная война их за освобождение». Она была посвящена в основном болгарам, посетило ее 80 человек, правда, из-за отсутствия электричества «волшебный фонарь» не работал [19]. В Москве лекции читались в Политехническом музее, консерватории и проч., докладчиками выступали В.И. Пичета, Г.В. Вернадский, С.Г. Григоров, Б.Ф. Добрынин и др. Но балканские сюжеты не были единственными [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 77, 81–83, 88, 112]. Однако и на то, чтобы лекции по такой проблематике были разрешены, приходилось запрашивать согласие министра внутренних дел, который, хотя и не был против, но обязательным условием поставил присутствие на лекциях полицейских чинов [2. Ф. 63. Оп. 32. Ед.хр. 1346. Л. 62]. Историк и социолог М.М. Ковалевский был одним из организаторов таких чтений в Петербурге. «К моему немалому смущению [...] интерес был довольно ограниченный», – признавался он в своих мемуарах. Казалось, можно было бы объяснить это отсутствием интереса публики к подобного рода мероприятиям. Но на его же лекцию о Ж.-Ж. Руссо в Философском обществе пришло около двух тысяч человек, а «на лекции трех профессоров по сербскому вопросу, прочитанные в один и тот же вечер в Соляном городке, явилось менее полутора сотен слушателей» [20. С. 416].

Разочаровавшись, Ковалевский отошел от организации мероприятий подобного рода, но упавшее знамя подхватил А.Н. Брянчанинов. По его инициативе заседания «группы прогрессивных общественных деятелей» возобновились и продолжались до поздней весны 1913 г., когда стал очевидным крах Балканского союза. Подобные мероприятия проходили и в Обществе славянского научного единения, и в Обществе славянской взаимности. 22 октября 1912 г. заседание последнего было закрыто по требованию представителя полиции из-за пылких речей Брянчанинова. Часть докладов, произносившихся на собраниях этих обществ, затем вышли в печати [21].

К тому моменту, когда стал очевидным спор сербов и болгар за обладание Македонией, между сторонниками каждой стороны на заседаниях начали кипеть нешуточные страсти, порой доходившие до оскорблений. Одно из них даже при-

вело к сердечному приступу у журналиста И.П. Табурно, скончавшегося в тот же вечер. Но это уже было проявлением информационной войны между Белградом и Софией, останавливаться на которой мы здесь не будем (см. об этом [22]). Стоит лишь указать на появление брошюр Д.И. Семиза, М.М. Вукичевича, А. Белича, И.П. Табурно, С. Протича, которые, по большому счету, являются пропагандистскими материалами.

Для того, чтобы «ознакомить русское общество с современным культурным и экономическим положением балканских государств» весной 1913 г. Славянский комитет приступил к подготовке соответствующей выставки в Историческом музее. Ее открытие планировалось либо в мае, либо уже осенью [4. 7 IV]. Но в водовороте последовавших событий эта инициатива сгинула.

Происходящему на Балканах посвящались появлявшиеся как грибы после дождя брошюры. Большое внимание уделялось описанию боевых действий и характеристикам армий. Полковник А.В. Дорошкевич и А.А. Рябинин осветили события с начала войны до перемирия [23]. Аналогичный очерк составил капитан Генерального штаба П.С. Махров [24]. Обзор обеих войн был дан в брошюре, вышедшей без указания автора в издательстве Н.И. Пастухова [25]¹. Отдельной операции – осаде и падению Адрианополя – уделил внимание непосредственно наблюдавший ее корреспондент «Известий Императорской Николаевской военной академии» А. Семенов [26]. Готовил, но не закончил труд на основе газетной информации генерал-майор В.Н. Акимов [2. Ф. 5881. Оп. 2. Ед.хр. 101–105, 816]. Отправил рукопись своей книги для печати А.И. Гучкову очевидец событий капитан Самосеев [2. Ф. 555. Оп. 1. Ед.хр. 473].

Рассказывал читателям о грядущих коренных изменениях в мире, связанных с усилением славянства, в произведении «Заветная мечта каждого русского» И.П. Балашев [27]. Пытались разъяснить глобальное значение происходящего В.С. Везенков, Н.Р. Овсяный [28]. Более интересными, конечно, являются опубликованные «по горячим следам» впечатления и воспоминания непосредственных наблюдателей событий – корреспондентов русских газет В.Н. Дрейера, Н.П. Мамонтова, Е.И. Мартынова, В.И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, Е.Н. Чирикова [29].

Это обилие выходявшей печатной продукции, то, что практически в каждой газете существовала постоянная рубрика о войне на Балканах, свидетельствует о том, что внимание к событиям в «пороховом погребе Европы» уделялось немалое. Эта заинтересованность даже пугала правительство, поскольку она зачастую приобретала антиавстрийскую направленность, а на Певческом мосту старательно пытались «сгладить углы» в отношениях с Бальхаусплатц, не допустить перерастания балканского пожара в общеевропейский. Глава МИД С.Д. Сазонов вспоминал позже: «В начале 1913 года сочувствие нашего общественного мнения сербским домогательствам стало проявляться с силой, которая внушала мне некоторые опасения относительно возможности удержать в руках правительства руководящее влияние на ход политических событий». Руководство страны пыталось обуздать общественное мнение [30]. Приведем яркий тому пример.

Известие о падении Адрианополя вызвало в Петербурге огромный ажиотаж и ликование. Подробно останавливаться на этом не буду, отмечу лишь реакцию властей. В Государственной думе из депутатов под руководством М.В. Родзянко организовался хор, певший гимны России и Болгарии. Затем туда поступил звонок от премьер-министра В. Н. Коковцова с требованием прекратить празднования [31. С. 69]. Тем временем по улицам столицы шествовала ликующая толпа. «Живя в С. Петербурге 42 года, я в первый раз видел и слышал, что студенты

¹Эта и книга А.А. Рябинина переизданы в 2003 г. в серии «Малые войны первой половины XX века» («Балканы»). М.; СПб., 2003), однако во второй ошибочно в авторе записан Н.И. Пастухов, что не указано в оригинальном издании.

такой массой с восторгом громко и воодушевленно пели национальный гимн», – отметил один из очевидцев [2. Ф. 111. Оп. 5. Ед.хр. 451. Л. 13]. Демонстрация была разогнана. Чины полиции при этом не объясняли причин. К ротмистру, орудовавшему нагайкой, подошел «артиллерийский полный генерал» и как старший по званию потребовал разъяснений о причинах таких действий. «Я в точности выполняю распоряжение своего начальства», – ответил тот [2. Ф. 111. Оп. 5. Ед.хр. 451. Л. 33–33об.]. Произошедшее вызвало большой резонанс и недоумение в обществе: власти разогнали фактически патриотическую манифестацию, нагайки в этот раз били толпу, кричащую не «Долой царя», а «Боже, царя храни». И это лишь подтверждает степень опасений правительства перед возможными действиями Дуалистической монархии, вызванными поведением русского общества.

В рамках данного вопроса интересны и масштабы пожертвований балканским славянам. Деньги перечислялись из различных структур. Так городской совет Санкт-Петербурга открыл подписку для сбора средств и выделил 100 000 рублей из собственных фондов, Московский – совершил то же самое, но перечислил вдвое меньше. Имели место и отчисления из жалованья – служащие московского управления земства решили отдавать по 10 % от своей зарплаты в «пользу воюющих славян». Пожертвования переводились и напрямую. География отправителей была широка, помимо столиц, деньги переводились из Забайкалья, из Сибири [32]. Происходили и кружечные сборы, среди которых масштабом выделялся Славянский день, прошедший 12 ноября 1912 г. После подсчета собранного сумма составила 103 848 руб. и 90 коп. Помимо этого в кружках были обнаружены иностранные серебряные монеты, старинная медь, фальшивые денежные знаки, нателные кресты, серьги. Найдены были и записки, довольно интересные по своему содержанию. Часто встречались пожелания успеха в борьбе, обещания помочь «если не финансами, то своей могучей грудью», присутствовали и трогательные детские послания: «Я жертвую всю свою копилку [...], купите хлеба и накормите бедных детей-славян». В некоторых говорилось и о поистине «героических» поступках. Так, один пьяница признался, что отказывается от водки и средства передает славянам. Но не всех увлекли победы над Турцией – были и записки, направленные против войны [33. С. 322–323], а одна гласила: «Лучше позаботьтесь о своих, чем собирать на чужие удовольствия, когда мы сами живем в голоде» [34. С. 102].

Другим показателем отношения русского общества являются отправившиеся на Балканы отряды Русского общества Красного Креста (РОКК), содержание которых частично оплачивалось и за счет добровольных пожертвований [34–35]. Отмечу только масштаб. По данным передового склада РОКК в Софии, в обе страны лишь с 9 ноября 1912 г. по 1 января 1913 г. было отправлено четыре вагона (377 мест массой 1407 пудов 25 фунтов) пожертвований частных лиц и организаций [34. С. 196].

Немало в рядах славянских армий воевало и добровольцев из России, бросавших работу, службу и уютный домашний быт. Пытались отправиться сражаться с турками даже дети, некоторым из них это удалось осуществить. Естественно, не обходилось без курьезов и скандалов (см. [36]). Довольно важную помощь оказали русские добровольцы болгарской авиации. Во время визита в Петербург весной 1913 г. генерал Р. Димитриев сказал А.В. Каульбарсу: «Низко вам кланяемся и благодарим за все, что вы сделали для нашей молодой авиации. Успехи превзошли все ожидания. Ваши заслуги перед Болгарией не будут забыты» [37. С. 52]. Однако точно оценить масштабы добровольческого движения не представляется возможным, по этой причине его нельзя рассматривать как четкий индикатор степени отношения русского общества к Балканским войнам.

Как мы видим, симпатии русского общества к балканским славянам сохранились, им сочувствовали и переживали за их успехи. Но оно уже «переболело»

романтическим отношением к «братушкам» (если оно и было). Экономически активному населению реформы Александра II и научно-технический прогресс дали поле для приложения своих сил и умений, жертвовать собой ради другого народа и чужой страны оно в большей своей массе не желало. Изменилось в новом веке и отношение к смерти на поле боя: воспитанный в военных традициях XIX в. М.М. Осоргин возмущался тем, что капитана «Варяга» не отдали под суд за оставление корабля, а общество его чтит как героя [38. С. 51–52]. Русская интеллигенция же была оттеснена на край экономической жизни. Она по-прежнему жила химерами и ожиданием перемен тектонического масштаба, поэтому ее внимание и интерес к Балканским войнам был ярко выражен. Такой позицией она желала заразить все русское общество, и вместе с чувством опасности для себя самого и своей страны это и объясняет энтузиазм и патриотизм 1914 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297.
4. Новое время. 1913.
5. *Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева.* 1906–1922 год. М., 1995.
6. *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004.
7. Современник. 1912. № 10.
8. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004.
9. Русские ведомости. 1913. 1 I.
10. *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007.
11. *Городской вестник.* 1912. 28 IX.
12. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986 // http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 16. 09. 2014).
13. *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893–1922 // http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madrid (Дата обращения: 16. 09. 2014).
14. Новое время. 1913. 20 IV.
15. *Българо руски научни врѝзки XIX–XX век.* Документи. София, 1968.
16. *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.
17. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
18. *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников. 1913–1917 // *Минувшее.* М., Вып. 21. 1997.
19. *Городской вестник.* 1912. 25 XI; 26 XI.
20. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.
21. *Интересы на Балканах и правительственное сообщение.* СПб., 1913; *Славянский вопрос в его современном значении.* СПб., 1913; *Война на Балканах.* СПб., 1912.
22. *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию. // *Родина.* 2014. № 6.
23. *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913; *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913.
24. *Махров П.* Балканская война 1912–13 года. (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.
25. *Балканская война 1912–1913 гг.* М., 1914.
26. *Семенов А.* Блокада и штурм Адрианополя. СПб., 1914.
27. *Балашев И.П.* Заветная мечта каждого русского. СПб., 1913.
28. *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. М., б/г; *Овсянный Н.Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913.
29. *Дрейер В.Н.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. Изд. 2-е СПб., 1914; *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913; *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913; *Немирович-Данченко В.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV–XV; *Пилленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913; *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
30. *Сазонов С.Д.* Воспоминания // http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (Дата обращения: 16.09.2014).
31. *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990.
32. *Мир.* 1912. 13 X; 12 X; 10 X, 12 XII; 23 XI.
33. *Москва – Сербия, Белград – Россия.* Сборник документов и материалов. М., 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917.
34. *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

35. *Гусев Н.С.* Помощь русского Красного Креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А.Тесемникова.
36. *Гусев Н.С.* Негероическое в поведении русских добровольцев и сотрудников Красного Креста в Болгарии во время Балканских войн // Материалы XIX Международной молодежной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов».
37. *Горанов П.С.* Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война // Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.) В. Търново, 1995.
38. *Эжитут С.А.* Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012.

ДИНАМИКА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ (1995–2012)

В статье предлагается новая периодизация истории Боснии и Герцеговины 1995–2012 гг. после подписания Дейтонских мирных соглашений, рассмотрены изменения в политической структуре этой балканской страны.

The article suggests a new periodization of the history of Bosnia and Herzegovina in 1995–2012, after the signing of the Dayton peace agreement, and considers changes in the political structure of this Balkan country.

Ключевые слова: Республика Сербская, Федерация Боснии и Герцеговины, Дейтонские мирные соглашения.

Keywords: Republika Srpska, Federation of Bosnia and Herzegovina, Dayton peace agreements.

Босния и Герцеговина – это уникальное государство на Западных Балканах, не имеющее аналогов в Европе и в современном мире. В стране три президента, она состоит из двух государственных образований, а власть осуществляется от имени трех «конституционных народов». Такое государственное устройство Боснии стало результатом кровавой гражданской войны, которая шла на ее территории в 1992–1995 гг. В результате вмешательства НАТО, ООН и других международных организаций и великих держав были подписаны так называемые Дейтонские мирные соглашения 1995 г., положившие конец войне. Эти мирные соглашения стали компромиссом между воюющими сторонами, но не смогли сделать Боснию и Герцеговину жизнеспособным государством. Это и не удивительно. Страна не только разделена по этническому принципу на Республику Сербскую и Федерацию БиГ, но и находится под фактическим международным протекторатом. От имени ООН за соблюдением мирных соглашений осуществляет контроль Совет по выполнению мирного соглашения (Peace Implementation Council, PIC), который назначает в стране высокого представителя, имеющего в Боснии и Герцеговине свою канцелярию (офис) и существенно влияющего на внутреннюю и внешнюю политику этой балканской страны.

Сам Высокий представитель наделен так называемыми Боннскими полномочиями, позволяющими ему отстранить от должности любое должностное лицо независимо от его статуса, если оно нарушает «дух Дейтона». Он может отменить действие любого законодательного акта, а также сам вводит в действие законодательные акты, способствующие выполнению мирного соглашения. По сути, Босния и Герцеговина находится под верховным управлением иностранного должностного лица, что лишает ее фактического суверенитета.

Вопрос политических преобразований в Боснии и Герцеговине (далее – БиГ) после гражданской войны 1992–1995 гг. имеет определенную историографическую базу. Например, труды Н. Кецмановича, академика Сараевского и Белградского университетов, который уделяет внимание особенностям послевоенной политической жизни и устройства БиГ. Он стал автором книги «Невозможное государство – Босния и Герцеговина» и ряда статей, среди которых выделяется детальностью работа «Будущее Западных Балкан» [1]. Активно проблемами политических трансформаций «постдейтонской» БиГ интересовались российские исследователи Е. Энгельгардт, Н. Пасхин и Е. Пономарева. Они считают, что БиГ не закончила процесс государственного строительства, используют различные термины для обозначения этого феномена: «государство-фантом», «виртуальное государство» или «государство без государственности» [2–6] и выражают общее мнение, что ее послевоенная история – это попытка международных игроков уничтожить автономию Республики Сербской и не допустить распада боснийского государства.

Особый взгляд на вопрос о периодизации истории Боснии и Герцеговины в «послевоенное» время у ведущих политиков Запада. Они сформулировали свое видение политической истории БиГ после подписания Дейтонских мирных соглашений. Например, бывший Высокий представитель ООН П. Эшдаун и бывший комиссар по безопасности и внешней политике ЕС Х. Солана, непосредственно принимали участие в политических процессах на Западных Балканах в 2000-е годы. Они дали свои оценки «послевоенным» годам боснийской истории. Эшдаун еще в 2002 г. выразил мнение, что в Боснии с момента установления мира продолжалась «эпоха Дейтона» – период послевоенной стабилизации и преодоления последствий конфликта. С его назначением на должность Высокого представителя ООН, начинается новая эпоха – «Эпоха Брюсселя». Это период реформ, конечной целью которых является построение «мультиэтнического централизованного государства, которое станет членом НАТО и ЕС» [7]. Солана 5 октября 2005 г. в Сараеве заявил, что «Эпоха Дейтона» завершилась и теперь начинается новый период – «Эпоха Европы», которая ставит задачу превращения Боснии и Герцеговины в «нормальное европейское государство» [8].

Важным источником по истории «постдейтонской» Боснии являются ежегодные отчеты «Международной кризисной группы» (International Crisis Group) [9–12]. Это влиятельная международная экспертная организация, рекомендации которой используют западные политики и дипломаты. Несмотря на наличие определенных наработок, периодизации истории «послевоенной» Боснии и Герцеговины после 1995 г. все еще остается открытой.

Большинство авторов и специалистов сходятся в том, что историю БиГ с 1995 по 2012 г. следует разделить минимум на два периода. Однако представляется необходимым выделить три периода или этапа. Это связано с тем, что БиГ – это «международный протекторат» и серьезно зависит от международной обстановки. В 1995–1997 гг. она находилась в центре внимания великих держав и международных организаций. В 1998–1999 гг. их внимание сместилось в сторону Косово. Однако БиГ как бывшая республика СФРЮ со значительным сербским военным потенциалом, оставалась в центре внимания ЕС, НАТО и ОБСЕ. После 11 сентября 2001 г. и начала «войны с международным терроризмом» США, НАТО, ЕС и другие международные организации теряют интерес к событиям в БиГ. Они вынуждены перебрасывать войска в другие горячие точки. Этим объясняется ослабление давления со стороны международных организаций на «образования» в составе БиГ и на политику ее центральных органов власти, что выражается в постоянном сокращении финансирования программ по восстановлению и реформированию государственных институций БиГ. В конце 2000 г. даже появляется некая «усталость» международных организаций от проблемы БиГ [11].

По моему мнению, первый период периодизации – это этап реализации положений «Рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине» и «Парижских мирных соглашений от 14 января 1996 г.». Этот этап продолжался в 1996–2001 гг., характеризуясь стабилизацией ситуации в стране. Именно в это время были заложены основы дальнейшего реформирования Боснийского государства с целью его централизации. Однако, уже сразу после вступления в силу Дейтонских мирных соглашений, начался процесс нарушения их положений со стороны стран Запада и международных организаций с целью усилить свое присутствие и давление на стороны конфликта для скорейшего проведения послевоенных реформ. Этому способствовало общее изменение военно-политической ситуации на Западных Балканах в конце XX в. Во-первых, конфликт вокруг Косово и «гуманитарная интервенция» НАТО против Союзной республики Югославия (далее – СРЮ) значительно подорвали ее влияние на постъюгославском пространстве и ее политические позиции «гаранта» Дейтонских мирных соглашений. Республика Сербская (далее – РС) в составе БиГ, потеряв союзника, стала гораздо более уязвимой и не могла больше активно противостоять вмешательству в свои внутренние дела международных организаций и ключевых политических игроков в регионе [1].

Во-вторых, ключевым моментом для усиления роли международного сообщества стало введение в 1997 г. «Боннских полномочий» для Высоких представителей ООН в БиГ [9]. Эти полномочия не были предусмотрены ни Дейтоном, ни резолюциями Совета Безопасности ООН. Но они позволяют Высокому представителю отменять любые решения боснийских властей, если они, по его мнению, нарушают принципы Дейтонского соглашения, положившего конец войне 1992–1995 гг.

Третьей составляющей фактического пересмотра положений Дейтонских мирных соглашений стал Международный арбитраж по городу Брчко. Значительно выйдя за пределы своих полномочий, Международный арбитраж под руководством Р. Оуэна в марте 1999 г. фактически, вместо определения линии разграничения в районе Брчко, определил статус этого города. Из части территории РС и Федерации БиГ решение арбитража создавало отдельную третью административную единицу в составе БиГ [13]. Этим была фактически изменена линия разграничения между государственными образованиями (Inter-Entity Boundary Line). В дополнение к этому, в этот же момент Высоким представителем ООН К. Вестендорпом с должности был уволен законно избранный президент РС Н. Поплашен. Все эти события происходили на фоне интервенции НАТО против СРЮ, что фактически деморализовало сербов и заставило их принять навязанные решения [2]. В 2000 г. в СРЮ в результате массовых акций протеста был отстранен от власти С.М. Милошевич, что значительно ослабило страну и фактически предопределило ее скорый упадок и распад. Это дало возможность представителям «международного сообщества» перейти к широким политическим преобразованиям в БиГ в соответствии с собственным видением будущего этой страны. В целом политика Высоких представителей отличалась некоторой последовательностью и формальной видимостью соблюдения текста Дейтонских соглашений. Хотя все Высокие представители – К. Биллг, К. Вестендорп, В. Петрич – последовательно занимали жесткую позицию по отношению к РС и оказывали на нее сильное политическое воздействие. Давлению так же подвергались и боснийские хорваты. Например, в 2001 г. В. Петрич отменил референдум о восстановлении Республики Херцег – Босны в хорватских кантонах, как противоречащие Дейтонским мирным соглашениям [14]. Он особое внимание уделил подготовке конституционной реформы, чтобы упорядочить конституции «ентитетов» и конституцию БиГ, подписанную в Дейтоне. Главным спорным моментом было положение в конституциях обоих «образований» о том, что «Республика Сербская – это государство сербского народа», а соответственно Федерация БиГ – бошнякского и хорватского. В 2000 г. Конституционный суд БиГ признал эти положения некон-

ституционными. Для внесения изменений понадобилось более 100 часов прямых переговоров и почти два года, но в конце концов, эти изменения были приняты. Начало их реализации 27 мая 2002 г. ознаменовало перелом в истории «постдейтонской» БиГ. Высокий представитель ООН утвердил 42 новых закона, направленных на укрепление демократических институтов в стране, включая внесения изменений в конституции РС и Федерации БиГ в соответствии с Дейтонскими соглашениями. Решения В. Петрича являлись обязательными для местных властей всех уровней. Новые законы были направлены на усиление борьбы с коррупцией, этническими предрассудками и неэффективностью управленческого аппарата. Одновременно Петрич отправил в отставку большинство боснийских судей и прокуроров, за исключением состава конституционного суда [15].

Его преемником, вступившим в должность 27 мая 2002 г., Совет по выполнению мирного соглашения (РС) назначил британского лорда П. Эшдауна, который заявил, что теперь для Боснии закончилась «Эпоха Дейтона» и начинается новая эра – «Эпоха Брюсселя» [16]. Опираясь на решения Петрича и внесенные им изменения в конституции боснийских «ентитетов», Эшдаун планировал провести ряд новых важных реформ. Началась «реконструкция» органов власти и политической системы БиГ, которая продолжалась до 2006 г. Этот процесс представлял собой активное формирование централизованной структуры боснийского государства и его институтов. В 2002–2006 гг. были созданы суд и прокуратура БиГ, единая разведывательная служба, пограничная служба, введен общегосударственный налог на добавленную стоимость.

Ключевым моментом стало формирование Объединенных вооруженных сил и единой полиции БиГ [7]. С 2005 г. началась активная дискуссия по продолжению изменений конституции, что означало бы ликвидацию дейтонской децентрализованной модели и формирования унитарного государства, которое станет в будущем членом НАТО и ЕС. При этом Высокий представитель оказывал активное давление на хорватскую сторону и особенно на РС, фактически нарушая баланс сил в пользу мусульман – бошняков [14]. Создание центральных органов Боснии происходило путем урезания полномочий составных частей боснийской государства: Федерации БиГ и РС. Президент РС М. Додик утверждает, что РС потеряла ряд ключевых гарантированных Дейтоном полномочий, переданных на уровень федерального правительства. Эшдаун, пользуясь так называемыми Боннскими полномочиями, освободил более 60 законно избранных должностных лиц в РС, включая сербского члена Президиума БиГ М. Шаровича. «Реконструкция Боснии» происходила под лозунгом «движения в Брюссель». 15 декабря 2005 г., на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене лорд Эшдаун подытожил годы своего пребывания в должности Высокого представителя и заявил: «Существует единая налоговая система, единая таможенная служба, одна судебная власть и одна разведывательная служба, проще говоря, каркас современного европейского централизованного государства» [16].

31 января 2006 г. Эшдауна заменил на посту немецкий дипломат К. Шварц-Шиллинг. Завершился и этап «реконструкции Боснии». Началась новая эпоха в истории этого балканского государства, который продолжается до сих пор. Главная парадигма развития Боснии в эти годы – борьба двух тенденций: унитаризации и децентрализации. Эшдаун оставил две незавершенные реформы: конституционную и полицейскую. Более того, два из трех «конституционных народов» выступают против дальнейшей централизации и укрепления центральных органов власти в БиГ. В апреле 2006 г. в Парламентской скупщине был отклонен так называемый Апрельский пакет конституционной реформы. При этом против него голосовали именно депутаты-боснийцы от Партии за БиГ во главе с бывшим главой правительства БиГ в годы гражданской войны 1992–1995 г. Х. Силаджичем. Причиной этого стало недовольство тем, что «слишком много полномочий» оставлено РС, существование которой эта мусульманская партия ставит под сомне-

ние. А далее, в течение 2006–2007 гг. боснийские сербы фактически блокировали полицейскую реформу постоянными и безрезультатными политическими консультациями сербских, хорватских и бошнякских партий.

Процессу «блокирования» способствовало то, что Шварц-Шиллинг не вмешивался в эти политические процессы, считая, что боснийские стороны должны сами договориться о дальнейшем политическом устройстве страны. Уверенные в том, что Босния неотвратимо движется в направлении централизованного государства, НАТО и ЕС значительно сократили миротворческий контингент в стране до 7000 чел. в связи с уменьшением объемов финансирования миротворческих операций. А это ослабило авторитет Высокого представителя.

Дефицит финансирования различных программ со стороны международного сообщества, особенно программы по возвращению беженцев, отмечали еще 27 мая 2002 г. Петрич и Эшдаун.

В дальнейшие годы это стало одним из серьезных факторов изменения ситуации в БиГ. Резкое сокращение иностранной финансовой помощи произошло 2006 г., что значительно сузило возможности Высоких представителей в оказании давления на руководство «ентитетов».

Ситуацией воспользовалась правящая элита РС, лидером которой стал глава правительства и Партии независимых социал-демократов М. Додик. Ему удалось фактически заблокировать «конституционную и полицейскую реформы». Провал Апрельского пакета конституционных реформ до выборов в октябре 2006 г. фактически остановил процесс централизации в Боснии и Герцеговине [9].

С 2006 г. политический ландшафт в РС и Федерации БиГ начал меняться. На передовые позиции вышли новые политические силы: в РС – партия главы правительства М. Додика – Союз независимых социал-демократов, а в Федерации – Партия за БиГ С. Силайджича, который был выбран на должность члена Президиума БиГ от «мусульманского народа». Это фактически означало усиление борьбы между этими ведущими политиками, занимавшими противоположные позиции в видении будущего Боснии. Силайджич постоянно называл РС «геноцидным образованием», которое надо ликвидировать и исправить «историческую ошибку мирового сообщества в Дейтоне». Додик, в свою очередь, активно критиковал Силайджича за его позицию, получая дополнительные очки в глазах граждан РС [12].

США и страны ЕС попытались перезапустить процесс конституционных реформ, сделав две попытки реформирования «Дейтонской конституции»: так называемые Прудский процесс 2008 г. и Бутмирский процесс 2009 г., но они не пошли дальше встреч и разговоров между лидерами основных политических партий БиГ. «Прудский процесс» представлял собой договоренность шести лидеров парламентских партий от сербов, хорватов и боснийцев в городе Пруд начать ряд реформ в БиГ. Однако они не были реализованы. Особенно болезненным ударом для политики и дипломатов США и ЕС стал провал переговоров на военной базе НАТО на аэродроме «Бутмир» под Сараевым, который задумывался как своеобразный «Дейтон-2». Западные дипломаты предложили боснийским политикам принять проект новой конституции БиГ без обсуждения в целом. Как награда за это предполагалось быстрое предоставление членства в НАТО и статус кандидата в члены ЕС [11]. Однако все политические партии Боснии отвергли это предложение, исходя из своих национальных интересов. Кажется, что процесс конституционных изменений в Боснии пока замер. Иначе складывалась судьба реформы правоохранительных органов.

В 2002–2006 гг. боснийских политиков призывали согласиться на создание в Боснии единой полиции и МВД по образцу военной реформы. Это вызвало ожесточенное сопротивление ведущих политических сил в РС. Они могли согласиться на создание совместных вооруженных сил БиГ, но вопрос принадлежности полиции имел особое значение. Полиция на Балканах – это не правоохранительные

органы в понимании западных политиков. Собственная полиция – это атрибут государственности, по сути, вторая составляющая национальных вооруженных сил – их главный резерв. Поэтому сербы отчаянно сражались за каждый пункт реформы правоохранительных органов. Наконец в 2007 г. был принят закон о создании Министерства безопасности БиГ как органа координации «всех полицейских структур в Боснии». По сути, сербам удалось сохранить собственную полицию и Министерство внутренних дел [17]. Сербские политики из РС и бошнякские политики в Федерации БиГ по-разному оценивают результаты реформы. Боснийцы утверждают, что это только «начало реформы», а руководство РС считает, что реформа окончательно завершена.

Реформа полиции вызвала политический кризис осенью 2007 г. в отношениях между руководством РС и новым Высоким представителем ООН М. Лайчаком из-за его решения силой ввести в действие переподчинение полиции РС центральным органам БиГ. Глава правительства РС Додик призвал население к акциям неповиновения, а ведущие сербские политики бойкотировали работу центральных органов власти БиГ [18]. Этот кризис был урегулирован путем взаимных компромиссов сербской стороны и Лайчака [19]. Наконец в октябре 2010 г. состоялись очередные выборы в БиГ. Их результаты вызвали новый политический кризис и привели к тому, что страна больше года не имела нового правительства. Все эти факты свидетельствуют о том, что Босния и Герцеговина вновь взяла курс на децентрализацию. По этому поводу Р. Холбрук, бывший специальный представитель президента Б. Клинтона на Балканах, и лорд Эшдаун выпустили совместную статью, в которой обвинили Додика в том, что последний, благодаря поддержке России, «сумел остановить процесс централизации Боснии» и фактически повернул его вспять [18]. Интересно, что до этого в ноябре 2005 г. тот же Эшдаун делал противоположные оценки ситуации в БиГ [14].

Укреплению позиций РС способствует расширение присутствия в регионе российских фирм и корпораций. Серьезным фактором служат капиталовложения российского бизнеса в экономику РС, что дало возможность значительно улучшить ее финансовое положение. Самым серьезным инвестиционным проектом российского бизнеса в РС стала покупка ОАО «Зарубежнефть» простаивавшего много лет самого большого нефтеперерабатывающего завода на Балканах в городе Босанский Брод. «Зарубежнефти» в РС принадлежит так же завод моторных масел в г. Модрица и сеть из 78 АЗС [20].

Какие же выводы на основании вышеперечисленных фактов можно сделать? Во второй половине 2000-х годов политическая борьба за экономические и социальные трансформации в БиГ усилилась. К тому же последний период уникален активной борьбой двух противоположных процессов: унитаризации и децентрализации. Особую роль в этой борьбе играет фактор провозглашения албанским большинством в феврале 2008 г. независимости сербского автономного края Косово. Боснийские сербы справедливо заявляют, что если независимость Косово признают другие государства, то тогда и РС имеет право отделиться от Боснии и Герцеговины. Скупщина РС приняла в феврале 2008 г. постановление, в котором заявило о праве Республики Сербской провозгласить независимость, если большинство стран-членов ООН признает сербский автономный край Косово независимым государством [19]. Но Великие державы при почти тождественном положении Косово и Боснии придерживаются совершенно разных принципов международного права: принципом права на самоопределение народов, предусмотрено уставом ООН, и принципом нерушимости существующих границ. Хотя как и албанцы в Косово «не могут совместно существовать с Сербией», так и боснийские сербы «не могут существовать совместно с боснийцами и местными хорватами» в пределах БиГ. США и их ближайшие союзники в случае Косово признают его независимость, но одновременно с этим категорически запрещают РС выходить из состава БиГ. Россия так же произвольно трактует эти два прин-

ципа, исходя из собственных государственных интересов. Поддержав независимость Абхазии и Южной Осетии от Грузии, она не признает независимости автономного края Косово от Сербии.

Таким образом, исходя из вышеприведенных фактов, можно сделать следующие выводы. История Боснии и Герцеговины после подписания Дейтонских мирных соглашений 1995 г. имела три ключевых этапа.

Первый этап 1996–2001 гг. характеризуется процессом имплементации положений Дейтонских мирных соглашений и формирования инструментов присутствия международных организаций и ООН в Боснии и Герцеговине. Этот период условно можно назвать «эпоха Дейтона». По сути, происходил процесс реализации на практике положений мирных соглашений. Возвращение беженцев, создание совместных органов власти нового боснийского многонационального государства, первые демократические выборы после войны, решение послевоенных проблем.

Однако уже в первые годы после вступления в силу мирных соглашений, начинается процесс нарушения их положений со стороны стран Запада и международных организаций с целью усилить свое присутствие и давление на стороны конфликта для скорейшего проведения послевоенных реформ. Если в «эпоху Дейтона» ряд часто сменявшихся высоких представителей лично не влияли на ход событий и вели последовательную целостную политику, то в последующие периоды личностный фактор стал играть важную роль во внутривнутриполитической жизни БиГ.

Второй этап 2002–2006 гг. – это «период Эшдауна или централизации БиГ», связанный с масштабной «реконструкцией» политической системы, которая сформировалась в БиГ. Главной целью реформ было создание «эффективного государства» для движения в направлении евроинтеграции. В качестве стимула реформирования в БиГ Эшдаун выдвинул идею скорейшего вступления в НАТО и получение статуса кандидата на членство в ЕС. Свои реформы он подкреплял практикой давления и шантажа сербской стороны, а также уменьшения значения хорватских политических партий в Федерации БиГ.

Третий этап начался в 2006 г. и продолжается до настоящего времени. Его можно охарактеризовать как период борьбы между централизацией и децентрализацией. С 2006 г., после назначения на должность высокого представителя немецкого дипломата Шварц-Шилинга и его преемников, ситуация в Боснии и Герцеговине изменилась, этот период можно назвать «эпохой политических кризисов». С 2006 г. и до настоящего времени в БиГ происходят политические столкновения между национальными политическими партиями и образованиями по разным вопросам. Одним из серьезных факторов изменения ситуации в Боснии и Герцеговине стало резкое сокращение иностранной финансовой помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кеуцманович Н. Будущее Западных Балкан // <http://rapok.ru/spisanie-geopolitika-broi-1-2006/476-profesor-nenad-ketsmanovich-za-badeshteto-na-zapadnite-balkani>
2. Энгельгард Г.Н. От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии // http://www.vestnik.mgimo.ru/files/16/11_engelgard.pdf
3. Пасхин Н. Туманное будущее «виртуального государства» // http://www.stoletie.ru/geopolitika/tumannoje_budushheje_virtualnogo_gosudarstva_2010-10-05.htm
4. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1.
5. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1.
6. Пономарева Е.Г. Дейтон: Ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. 2011. № 2.
7. Эшдаун П. Интервью для «Вестника НАТО» о реформе вооруженных сил в БиГ (перевод с английского) // http://www.nato.int/docu/review/2008/07/VID_ASHDOWN/RU/index.htm
8. Верховный представитель ЕС Хавьер Солана призвал жителей Боснии и Герцеговины к участию в парламентских выборах // <http://news.mail.ru/politics/arc198830/>

9. Ensuring Bosnia's Future: A New International Engagement Strategy // http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/180-ensuring-bosnias-future-a-new-international-engagement-strategy.aspx?alt_lang=ru
10. Bosnia: What Does Republika Srpska Want? // [http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/214-bosnia-what-does-republika-srpska-want.aspx?alt_lang=ru]
11. Bosnia's Dual Crisis // <http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/b057-bosnias-dual-crisis.aspx>
12. Bosnia: State Institutions under Attack // <http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/b062-bosnia-state-institutions-under-attack.aspx>
13. The General Framework Agreement: ANNEX 2. Agreement on Inter-Entity, Boundary Line and Related Issues (With Appendix) // http://www.ohr.int/dpa/default.asp?content_id=370
14. Эшдаун П. Интервью для «Вестника НАТО» о ситуации в БиГ // http://www.nato.int/docu/review/2008/07/VID_ASHDOWN/RU/index.htm
15. Представитель ООН в Боснии-Герцеговине Вольфганг Петрич в последний день пребывания на этом посту утвердил 42 новых закона, направленных на укрепление демократических институтов в стране // <http://www.svoboda.org/content/news/24141244.html>
16. Эшдаун П. Роль ОБСЕ в БиГ остается решающей // <http://www.osce.org/ru/secretariat/17911?download=true>
17. Министерство безопасности Боснии и Герцеговины // http://polis.osce.org/countries/details?item_id=3&lang=ru#Country_Profile_Section_369
18. Эшдаун и Холбрук предупреждают на опасность от коллапс на БИХ // <http://www.idividi.com.mk/Shqip/Maqedoni/477295/index.htm>
19. Боснийские сербы могут попытаться выйти из состава Боснии // <http://www.svobodanews.ru/content/news/436089.html>
20. «Зарубежнефть» запустила новую линию НПЗ «Брод» в Республике Сербской Боснии и Герцеговины // http://minenergo.gov.ru/news/company_news/9070.html

© 2015 г. Л.Н. ВИНОГРАДОВА

ГЛАЗА И ЗРЕНИЕ В НАРОДНОЙ МАГИИ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ

В настоящем сообщении анализируются результаты новых научных исследований по вопросам изучения мифологических представлений о глазах, зрении и о силе человеческого взгляда, полученные авторами недавно опубликованного коллективного труда: «Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии».

The report observes the results of recent scholarly research on mythological conceptions about eyes, eyesight and the power of human gaze, conducted by the authors of the recently published work «The power of gaze. Eyes in mythology and iconography».

Ключевые слова: антропологические исследования, мифология, фольклор, народная магия, демонологические представления, символика глаз, концептуализация зрения/слепоты.

Keywords: anthropological studies, mythology, folklore, popular magic, demonological conceptions, symbolic of eyes, conceptualisation of eyesight/blindness.

Комплекс представлений о глазах, зрении, о магической силе взгляда, способности видеть невидимое или самому быть невидимым для окружающих и т.п. – по масштабу распространенности в мировых культурах, по высокой степени значимости, включенности в широкий круг мифо-ритуальных контекстов, по уровню поразительной устойчивости, сохраняющей актуальность с глубокой древности до настоящего времени, – может быть признан одной из немногих антропологических универсалий. Недостаточная степень изученности этого фрагмента традиционной культуры в отечественных гуманитарных науках отмечается всеми исследователями. Пожалуй, лишь круг поверий, связанных с мотивом «сглаза/порчи», чаще привлекал внимание специалистов, тогда как множество других проблем изучения языковой и мифологической «зрительной модели» по-прежнему остается на периферии научных интересов. Поэтому выход в свет сборника статей под названием «Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии» был весьма позитивно воспринят научной общественностью (и широким кругом читателей) и оценен как важное событие.

Он включает девять статей, одна часть из которых посвящена практике символического «ослепления» (затирания или прокалывания глаз) персонажей средневековых икон, фресок, книжных миниатюр; другая – символике глаз и зрения в мифологиях: нганасан Таймыра, монголов, тюркоязычных народов Южной Сибири; в третьей – рассматриваются славянские верования, касающиеся особенностей глаз и взгляда демонических персонажей, а также нарративы, связанные с мотивами «наказания слепотой за несвоевременную работу» и «дурного глаза».

Виноградова Людмила Николаевна – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Непростую задачу объяснить прагматику зрительской агрессии (отмеченной в средневековых иконографических и книжных изображениях), которая проявилась в действиях прокалывания, затирания, зачеркивания глаз и лиц не только негативно оцениваемым персонажам (демонам, грешникам, хриstopродавцам), но и божествам высшего ранга или святым, – поставили перед собой авторы двух интересных статей, открывающих сборник.

В первой из них анализируется русский материал (*Д.И. Антонов. «У святых очи вертел?»: Фигуры без глаз на русских миниатюрах»* [1. С. 15–43]). Автор признает, что почти все основные вопросы – кто, когда и с какой целью совершал эти акты «вандализма» – остаются для современных исследователей загадочными и труднообъяснимыми. Несомненным остается, во-первых, тот факт, что порче подвергались по преимуществу те места в изображениях, которые символизировали средоточие зла: лица и глаза негативных персонажей (а не вся фигура в целом); либо орудия убийства в руках злодеев, направленные на фигуры святых; часто вымарывались также «срамные места» бесов. Во-вторых, символическому «ослепению» подвергались не только негативно оцениваемые образы, но и сакральные персонажи; и прагматика этих действий должна объясняться иными причинами, чем порча демонических образов. Наконец, в-третьих: повреждения глаз и лиц «антигероев» обнаруживаются (на русском материале начиная с XIV в.) как в уникальных рукописях с ограниченным кругом читателей, так и в более многочисленных старообрядческих миниатюрах, и в массовой печатной продукции. А с XVI–XVII вв. они встречаются уже повсеместно и распространяются даже на поздние лубочные картинки. Опираясь на данные исповедных вопросников XIV–XV вв. («выимал ли еси очи у святых?»), церковных поучений, исторических свидетельств иностранцев, народных обычаев «ослепления» икон, автор восстанавливает прагматику описываемого зрительского поведения. Сакральные образы, по его мнению, могли повреждаться: либо с магической целью (выскобленная краска с лика святого использовалась для создания оберегов-«наузов»); либо в знак символического «наказания» святого, не исполнившего просьбу человека, хотя тот принес ему подобающую жертву; либо в силу иконоборческих мотивов (уничтожение «неправильных» икон). А порча негативных образов может быть объяснена: во-первых, стратегией зрительского вмешательства в сюжет (попытка спасти позитивных персонажей, способом ослепления их врагов); во-вторых, стремлением наказать антигероев, навредить им, причинить реальный ущерб; в-третьих, боязнью зрительского контакта с демоном, т.е. как защита зрителя/читателя от вредоносного взгляда. Главным выводом автора является утверждение, что все приведенные мотивации объединяются особым отношением к глазам как к ключевому элементу изображения персонажей.

Эта же проблематика на западноевропейском материале рассматривается в статье М.Р. Майзульса «Ослепить святого и ослепить дьявола: Читательская агрессия в средневековых рукописях» [1. С. 44–124]. В этой культурной традиции факты порчи лиц и глаз персонажей, изображенных в книжной миниатюре и на иконографических образах, зафиксированы начиная с XI–XII вв. и исчисляются тысячами подобных случаев. Общечеловеческая интенция выражать враждебные чувства, нападая прежде всего на глаза в изображениях ненавистных персон, отмечается, – как об этом пишет автор, – во все времена (как по отношению к языческим идолам, так и к портретам свергнутых вождей или к фотографиям злейших врагов) и основана на восприятии глаз как средоточия жизненной силы изображаемого лица. «Ослепление» нарисованного персонажа символизирует либо его уничтожение, либо нейтрализацию его опасного взгляда. Поэтому естественно предположить, что порча иконографических образов могла мотивироваться страхом перед визуальным контактом с вредоносными образами либо стремлением наказать силы зла и отомстить им за преследование Христа и святых мучеников. Нельзя исключить и магическую агрессию читателей как одну из

мотиваций прокалывания глаз (т.е. попытку обезвредить злые силы). Из разряда негативных (опасных) персонажей чаще всего зрительской агрессии подвергались: дьявол, демоны и архигрешники (Каин, Ирод, Иуда, Пилат, палачи-мучители Христа и святых), а уже во вторую очередь – персонифицированные образы грехов и пороков (Вождление, Похоть, Зависть, Измена). Многие случаи сознательного повреждения лица и глаз в изображениях святых могут быть подтверждены исторически зафиксированной практикой «наказания» небесных патронов со стороны верующих, недовольных отсутствием испрашиваемой у божественных покровителей реальной помощи. Кроме того, публичное поругание святых образов («католических идолов») приобрело массовый характер в период протестантского иконоборства XVI в.

Надо признать, что сформулированные в обеих упомянутых статьях объяснительные модели выглядят весьма убедительными и надежно аргументированными. Однако, если допустить, что глаза и взгляд опасного персонажа (изображенного на картине, иконе, фреске) могли восприниматься как вредоносные для зрителя, то невольно напрашивается вопрос, почему древние живописцы не оставляли на иконах и книжных иллюстрациях лица негативных образов «пустыми», безглазыми? Ведь известна же в разноэтнических народных культурах практика не прорисовывать лицо при изготовлении кукол-игрушек – из опасения, что кукла с глазами может ожить, либо что в такую куклу вселяется злой дух. Может быть, приведенные в статьях данные свидетельствуют о нарастании во времена Средневековья массовой демономании и повышенной степени демонофобии, не столь свойственной для раннехристианского периода?

Сложный клубок проблем, связанных с концептами *видимого/невидимого, зрячего/слепого*, с идей обоюдной незрячести представителей двух миров (земного и потустороннего) и т.п., успешно распутывается в связи с фольклорно-литературным мотивом «неузнавания» знакомого лица (С.Ю. Неклюдов. «Слепота демона и ее литературные перспективы») [1. С. 125–147]. Никак не мотивированные и чаще всего не связанные с дефектами зрения трудности узнавания одним персонажем другого в балладных и новеллистических сюжетах, позволяют говорить, по мнению автора, об особой ситуативной мифологической «слепоте», обусловленной особенностями контакта партнеров по зрительной коммуникации. Между мифическими существами и людьми пролегает своего рода барьер взаимной «слепоты», и для того, чтобы увидеть друг друга, им необходимо преодолеть «рубеж видимости». Соответственно, согласно мифологическому мышлению, достаточно человеку закрыть свои собственные глаза, чтобы выключить канал зрительного восприятия, который перестает «работать в обе стороны».

Высокая степень значимости и поразительная степень устойчивости категорий «зрительной модели» (глаза, слепота, сила взгляда, видимое/невидимое и т.п.) характерна для традиционной культуры народов-носителей самоедской и алтайской группы уральских языков (О.Б. Христофорова. «Земля, лед и глаза: Заметки к мифологии нганасан») [1. С. 148–173]; Д.Ю. Доронин. «“Правым, ласковым глазом взгляни!” Глаза и взгляд в актуальной мифологии народов Алтая» [1. С. 217–281]). Эксплицитно выраженная, не требующая особой исследовательской реконструкции, идея о том, что воплощением жизни человека и животного являются его глаза, составляет ядро мифологических воззрений нганасан, в языке которых одним из названий живого существа служит лексема *сеймидя*, т.е. ‘глаза имеющий’; а рождение ребенка обозначается выражением со значением ‘глаза родились’. Соответственно, об ослепшем человеке говорили: ‘у него глаза ушли’. Общим запасом глаз – как зародышей будущей жизни – владеет и распоряжается мифическая Мать Земли, и принадлежат они исключительно земному миру, тогда как на том свете нет глаз, и потусторонние обитатели слепы. Будучи воплощением витальной силы, одушевленности, самой сущности живого человека, глаза в мифах нганасан могли выступать в роли самостоятельного агента, отделенного

от живого существа (ср. мотив отправки героиней одного своего глаза на луну за советом).

Обращает на себя внимание тот удивительный факт, что и в современных представлениях коренных тюркоязычных народов Алтая сохраняет свою актуальность вера в магическую силу взгляда как некой материальной субстанции, способной «прикоснуться» к видимому объекту и передать ему те или иные (позитивные или негативные) качества. В статье Д.Ю. Доронина на большом разножанровом материале (тексты шаманских камланий; охотничьи заговоры, поверья и запреты; правила обращения с фигурками родовых предков; рисунки на шаманских бубнах и т.п.) рассматриваются верования телеутов Южной Сибири в чудесные свойства взгляда, приписываемого как мифологическим персонажам, так и людям, наделенным сверхъестественными способностями.

Любопытная интерпретация общемонгольского запрета сжигать в огне луковую шелуху (из опасения ослепнуть) предложена в статье А.С. Архиповой «Почему одноглазый дух огня не любит лук? Заметки по монгольской мифологии» [1. С. 174–216]. Мифологической основой этого запрета послужил архаический мотив, объясняющий, почему стал одноглазым Галын-бурхан (дух огня): пламя костра – это «глаз» Галын-бурхана, поэтому строжайше запрещалось людям направлять в сторону огня острые, колющие предметы. Некогда один человек, в нарушение правил, помешивал острым ножом горящие угли в очаге – и проткнул духу один глаз. В отместку дух огня ослепляет нарушителя запрета. Автор статьи сопоставляет эти данные с широко известной у современных монголов мотивировкой, согласно которой непременно заболеют или ослепнут глаза у того, кто бросает в огонь луковую шелуху (либо утратят зрение его дети, домашний скот), и пытается установить возможные семантические сдвиги, произошедшие на основе сближения понятий «острый предмет» и «острый запах лука», – одинаково вредных для духа огня, который мстит человеку симметричным образом (вредит его глазам). Действительно, универсальным средством, отгоняющим злых духов, во множестве культурных традиций выступают едкие запахи и острый вкус чеснока и лука. Однако в данном случае речь идет о лишенной этих качеств (резкого запаха, острого вкуса) луковой **шелухе**, более сближенной по своим свойствам с сыпучими отходами, трухой, пылью. Запрет бросать луковую шелуху в огонь мог бы объясняться, как мне кажется, опасением запорошить духу его единственный глаз, за что он мстит человеку сходным образом (болезнью глаз). Такая трактовка могла бы опереться на чрезвычайно широко распространенные в европейских и славянских культурах запреты (соблюдаемые в определенные праздничные или поминальные даты) подметать мусор, мять пеньку, льняную или конопляную пряжу, прясть, рассыпать кострицу, поднимать пыль и т.п., – чтобы не засорить глаза почитаемым предкам (персонифицированным дням недели, сакральным и другим персонажам). В любом случае, правильнее было бы озаглавить рецензируемую статью: «Почему одноглазый дух огня не любит луковую шелуху?».

Подтверждение популярности этой универсальной для многих этнических культур мифологемы – опасение засорить глаза духам-опекунам или почитаемым святым – находим в статье С.М. Амосовой «“... Ну посыпать ей глаза”: Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время» [1. С. 306–316]. В ней на восточнославянском материале рассматриваются две наиболее устойчивые сюжетные версии: а) человек, выполняющий грязную/пыльную работу в неположенное время, засоряет глаза умершим предкам или божествам; б) сакральные персонажи наказывают слепотой или болезнью глаз нарушителей запрета работать в определенные дни. В качестве персонажей, пострадавших от неправильных действий человека (и мстящих ему слепотой), в обеих версиях выступают персонифицированные дни недели (Пятница, Среда), либо св. Параскева-Пятница, либо души почитаемых предков. Но кроме того, мотив «ослепления» фигурирует и в некоторых вариантах агиографических текстов, посвященных житию св. Параскевы, ко-

торая якобы ослепляет горячей смолой своих мучителей. Одни ученые склонны видеть истоки этого мотива в дохристианских верованиях, связанных с почитанием предков, а другие – в сюжетах житийной литературы.

Еще раз эта же мифологема в составе сборника упоминается в статье М.В. Ясинской «“У страха глаза велики”: Глаза в славянской народной демонологии» [1. С. 282–305]. Опасением «засорить глаза» умершим предкам или персонафицированному празднику, сакральному персонажу мотивируются в славянской традиции многочисленные запреты на несвоевременную работу, связанную с вычесыванием льна и конопли, прядением, подмазыванием печи, выбрасыванием печной золы и т.п. Вместе с тем, эти же действия могли совершаться как оберег от вредоносных духов. Например, в северо-западной Сербии при приближении градовой тучи хозяева выносили во двор пепел из очага и рассеивали его, чтобы засорить глаза мифическому предводителю туч – во избежание градобития. В качестве же основной тематики в этой статье выступают особенности глаз и взгляда демонов, а также людей, наделенных сверхзнанием. К числу опознавательных признаков персонажей нечистой силы относятся разного рода глазные аномалии: отсутствие ресниц, век и бровей либо, наоборот, излишне тяжелые веки и очень длинные ресницы, закрывающие лицо; глаза слишком широко расставленные, выпученные либо глубоко запавшие; асимметричные (один глаз больше другого), косые, сверкающие огненным блеском; глаза с необычными зрачками (или отражениями в них); нетипичного размера и цвета и т.п. Таким образом, автор убедительно показывает, что основным маркером демонического служат необычные глаза.

Попытка сопоставить результаты изучения феномена «сглаза/дурного глаза», осуществляемого по данным разного типа источников, предпринята в статье Н.В. Петрова «Дурной глаз: традиция, современность, интернет» [1. С. 317–355]. По мнению автора, определения сглаза в обобщающих научных трудах (включающих разноэтничный славянский материал) не всегда достаточно корректны, ибо зачастую исследователи предпочитают отбирать для подтверждения своей концепции «нужные» тексты, игнорируя «неудобные» свидетельства. Стремясь показать, в каком виде на самом деле бытовали и до сих пор бытуют представления о сглазе, Н.В. Петров рассматривает три вида источников: 1) обобщающие научные труды, в которых этот феномен изучается на русском и общеславянском материале, собранном в XIX–XX веках; 2) значительный по объему корпус (более двух тысяч) текстов на эту тему, зафиксированных в недавнее время (1980–2013) и опубликованных в русских региональных сборниках; 3) массовые свидетельства, известные по интернет-источникам. По результатам изучения данных, почерпнутых из источников двух последних групп, не подтверждаются, как кажется автору, выводы исследователей-славистов, во-первых, о том, что трудноразличимые понятия «сглаз» и «порча» можно противопоставить по способам воздействия на объект (контактная/бесконтактная магия) и по признаку намеренного/ненамеренного причинения вреда; и, во-вторых, о том, что способностью сглазить обладают либо магические специалисты («знающие»), либо категория людей с некими отклонениями от нормы (во внешности, по особенностям происхождения, физиологического состояния и т.п.). Анализ массовых современных свидетельств позволяет автору заявить, что «представления о сглазе в народной традиции аморфны, *сглаз* и *порча* практически не различаются, сглазить может *каждый и каждого*» [1. С. 323].

С моей точки зрения, дискуссионный пафос автора статьи лишен оснований, так как по первому из оспариваемых тезисов (сглаз и порча практически не различаются) нет расхождений с оппонентами; а второй тезис (сглазить может каждый каждого) опровергается приведенными в рецензируемой статье свидетельствами. В обобщающих научных исследованиях сглаз определяется как вредоносное магическое воздействие (посредством взгляда, слова, похвалы, завистливых мыслей)

на объект; а порча – это совокупность разных магических приемов вредоносного воздействия на объект, т.е. сглаз – это одна из разновидностей порчи, терминологически оформленная глаголами *сглазить*, *сурочить*. Другие разновидности порчи (подбрасывание вредоносных предметов, завязывание «завитки», прокалывание глаз в изображении недруга и т.п.) не столь четко номинативно выделены. Поэтому исследователи пытаются указать на различия одних видов порчи от других, но в речевой практике повседневности, конечно, слова *сглаз* и *порча* смешиваются и часто никак не различаются. Что же касается второго тезиса, то почти во всех процитированных в статье Н.В. Петрова текстах, призванных доказать, что сглазить может любой человек, фигурируют указания на особые признаки «урочливых людей», ср: «... баба как баба [...] А глаза страшущие, колючие»; «глаза у нее разные» [1. С. 328]; «у кого бывает просто тяжелый взгляд» [1. С. 329]; «люди с темными глазами, с карими» [1. С. 333]; «злые люди это делают»; «смуглый человек, тот призорчивый» [1. С. 332]; «человек черноглазый, или который жадный» [1. С. 334] и т.п. Один из примеров никак не прокомментирован автором, а он очень показательный: новорожденного ребенка может сглазить любой человек, если впервые пойдет смотреть на него, будучи натошак (рус. арханг.), т.е. сглазить может и любой человек, но при особых условиях.

В целом сборник статей выделяется среди других своей тематической цельностью, постановкой малоизученных проблем, введением в научный оборот ценного нового материала. Особенно привлекает читателя та увлеченность и энтузиазм, с которой исследуется проблематика, связанная с глазами и зрением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии [Сб. статей] / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. [Серия: «Традиция – Текст – Фольклор: типология и семиотика»]. М., 2014.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ (1815–1879). К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В статье характеризуется творчество и педагогическая деятельность одного из родоначальников русского научного славяноведения. Кратко освещается его жизненный путь. Благодаря открытиям ученым ранее неизвестных источников древней славянской письменности было установлено, что первой славянской азбукой была глаголица, а кириллица появилась позднее.

The article characterises the work and pedagogical activity of one of the founders of the Slavic studies as a scholarly discipline in Russia. It briefly describes his biography. Due to his discoveries of earlier unknown sources of the Old-Russian written language, it was established, that the first Slavic alphabet was Glagolitic, while the Cyrillic one appeared later.

Ключевые слова: Казанский и Новороссийский университеты, В.И. Григорович, древнеславянская письменность.

Keywords: University Kazan, Imperial University of Novorossiya, Viktor Grigorovich, Old-Russian written language.

В.И. Григорович принадлежит к основоположникам русского славяноведения. Он был универсалом, т.е. изучал и преподавал в университете церковнославянский язык, новые славянские языки, литературу, историю, этнографию и т.п. Такое положение было характерно для всех русских профессоров-славяноведов в XIX в. ввиду ряда причин. Целенаправленное изучение зарубежных славян в России началось только в 1835 г., когда по новому университетскому уставу была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий, а кадров для преподавания этого предмета не было. Но главной причиной такой постановки вопроса было состояние самой науки о славянах. В Европе она уже делала первые шаги, а в России только знакомилась с зарубежными славянами. Позитивных сведений о славянах было так мало, что первые сочинения видели их прошлое в розовом тумане романтизма. Такой взгляд определялся эмоциями определенного направления, отсутствием фактов, романтическими настроениями относительно единства славян и вытекающей из этого положения зарождающейся теорией славянской взаимности.

В середине 30-х – начале 40-х годов XIX в. в Чехии появились первые серьезные сочинения по славянским проблемам. Это были работы П.И. Шафарика

«Славянские древности» и «Славянская этнография». Славяноведение в них приобрело статус науки, а их автор заслуженно стал во всем славянском мире классиком и корифеем. Хотя впоследствии многие положения трудов Шафарика были скорректированы, они дали огромный стимул для исследования славянства. За последующие десятилетия изучение славян продвинулось так далеко, что другой чешский ученый – Л. Нидерле, в конце XIX в. имел основание сказать, что никто не сможет повторить достижения Шафарика, не в том смысле, что не сумеет, а потому что накопленных сведений, осмысленных и теоретически обоснованных, о славянах так много, что каждая сторона их духовной жизни изучается отдельной отраслью славяноведения, а работам Шафарика остается почетное место в процессе становления славяноведения как науки. В этом закономерном процессе развития науки активное участие приняли русские слависты XIX в. Но в 30–40-е годы XIX в., не имея возможности пригласить иностранцев для преподавания в университетах новой дисциплины, соответствующие круги русского образованного общества решили не ограничиваться трудами Добровского, Шафарика и других корифеев и направить за границу молодых ученых, чтобы они сами познакомились с современными славянами, их языками, историей, этнографией, литературой и т.д. Четыре российских университета выбрали для этих целей своих кандидатов.

От Казанского университета за границу был послан В.И. Григорович. Он родился в г. Балте Подольской губернии. Его отец-малоросс занимал должность исправника, мать была полькой. Будущий ученый с детства говорил по-польски, воспитание проходило в католических традициях. Первое образование он получил в Умани в училище, находившемся под патронатом униатов-базилиан. В 15 лет поступил в Харьковский университет и после его окончания в 1833 г. был назначен на службу в Петербург. Но, не доехав до места назначения, Григорович изменил свое решение и направился в Дерпт, где снова стал студентом и в течение пяти лет (1834–1839) изучал классическую филологию и немецкую философию. Наряду с этим он также интересовался славянскими вопросами и славянско-византийскими отношениями. В 1839 г. Григорович был приглашен в Казанский университет сначала в качестве преподавателя греческого языка. В 1841 г. он сдал магистерский экзамен и представил диссертацию «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах», которая позднее оценивалась как первое в России ученое сочинение о славянских литературах. После защиты диссертации, в 1842 г., Григорович стал преподавать славянские языки, этнографию и славянские древности. Вместе с этим он начал готовиться к заграничной научной командировке, которую предоставило ему Министерство народного просвещения. Григорович поехал в Москву, чтобы обсудить детали поездки со знатоком славян М.П. Погодиным, возвратившимся из Европы, О.М. Бодянским и другими учеными. Кроме того он познакомился в Москве с памятниками славянской письменности, хранившимися в библиотеке Духовной типографии. Результатом московских консультаций стало решение Григоровича не повторять путь своих предшественников, а обследовать балканские территории – болгарские и сербские области, в то время мало доступные турецкие провинции, неизведанные с точки зрения языка и литературы. Путешествие по этим землям представляло большие трудности. Задачи своего путешествия он изложил в «Донесениях» почитателю Казанского учебного округа.

28 мая 1844 г. В.И. Григорович выехал из Казани. В Москве он познакомился с имеющимися материалами о южных славянах, в Харькове встретился с И.И. Срезневским. 15 июля 1844 г. он прибыл в Одессу, осмотрел ее достопримечательности и констатировал, что «ученых пособий для путешествия по славянским странам в этом городе нет», хотя там жило много болгар [1. С. 39]. Из Одессы Григорович поехал в Константинополь (Стамбул), где он так же осмотрел все дозволенные путешественникам достопримечательности. «Книжные лавки,

которых я нашел шесть, – писал Григорович, – заключают много греческих книг, в числе которых много инкунабулов, а также довольно болгарских, которые я не замедлил приобрести» [1. С. 45].

Из Константинополя ученый перебрался в Солунь, где нашел в книгохранилищах полтораста греческих рукописей в плачевном состоянии – «изъеденных червями, просыревших и покрытых пылью». Здесь он познакомился с австрийским консулом, хорватским поэтом и собирателем рукописей Михановичем, который показал свое собрание Григоровичу. «Благодаря г. Михановичу я имел случай удостовериться в обширном некогда употреблении глаголицы» [1. С. 49], – писал он из Солуни.

Русский ученый пешком дошел до Афона и начал странствия по его монастырям и скитам. Монахи встречали его недружелюбно, везде он наталкивался на грубость и подозрительность. Письменные памятники хранились вместе со всяким хламом в чуланах, подвалах, погребках, на чердаках и т.п. В Хиландарском монастыре Григорович спускался в грязное подземелье, рылся там среди гниющих рукописей и отыскал два листка древнейшего Кирилловского письма. Несмотря на трудности ученый за четыре месяца осмотрел 2800 греческих и 445 славянских рукописей. Снял копии со 120 грамот и приобрел найденный в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников – Мариинское Евангелие, а также Хиландарские листки – два листка пергаментного сборника XIV в., затем – «Послание» Иоанна к папе Клименту, пергаментную псалтырь XIII в., рукопись «Законника» Стефана Душана, Житие Симеона Сербского и многое другое.

В начале февраля 1845 г. Григорович вернулся в Солунь и оттуда продолжил путешествие по Македонии. Пешком пришел в Охрид, где записывал речь местных жителей, собирал сведения о городе. Он искал труды св. Климента и древние охридские документы. О пребывании в Охриде Григорович писал М.П. Погодину: «Рассказывая Вам свое путешествие по Турции, был, кажется, столько счастлив, что обратил внимание Ваше на достопримечательности в Южной Албании, имея в виду не только познание болгарского наречия, но еще собрание сведений о судьбе священного языка, нигде не нашел столько признаков, удовлетворяющих пытливость, как в Охриде и его окрестностях. Пробыл там не более двенадцати дней, но гораздо более был удовлетворен, чем живя четыре месяца на Святой горе и три месяца в Солуне» [2].

Весь путь по Македонии ученый проделал пешком, затем посетил монастырь Иоанна Рильского, где исследовал библиотеку и местное училище, где преподавались греческий, славянский, болгарский языки и церковная история [1. С. 169–170]. Затем, посетив Софию и Тырново, путешествуя по Дунаю, Григорович прибыл в Румынию, а потом в Вену, в начале 1846 г. он прибыл в Грац, затем в Любляну и Горицу – по пути ученый везде тщательно осматривал древности, церкви и развалины, греческие и славянские рукописные книги. После пребывания на Афоне он осмотрел еще 470 рукописей, записывал народные песни, знакомился с народным бытом, фиксировал сведения о языке, этнографических особенностях края. При этом он постоянно подвергался опасности, преодолевал искусственные препятствия и терпел незаслуженные обиды. Закончив путешествие по Македонии, Фракии и Мисии, а также посетив Краину и Каринтию, Григорович начал поиски сведений о славянах в венецианских архивах, изучал документы о сношениях Венеции и Византии. Из Венеции он отправился в Триест, а затем в Дубровник, о чем писал в донесении: «В Дубровнике, как в Далмации вообще, путешественник встречает большие затруднения в ознакомлениями с древностями, историею и литературою края – нигде нет общественных библиотек, нет людей, обнимающих целостно сведения о своем отечестве» [1. С. 233–234, 236, 238–242, 245].

Посетив Черногорию, Григорович отправился в Загреб, потом побывал в Пеште и Пресбурге и 9 октября 1846 г. прибыл в Прагу. И только здесь сумели оценить его подвиг и значение для науки как самого путешествия по Македонии и Болгарии, так и, особенно, его рукописные собрания. Григорович познакомился с сочинениями чешских славистов еще до своей поездки. В «Плане путешествия по славянским землям» от 21 мая 1843 г. читаем: «Могу надеяться найти здесь (в Праге. – Л.Л.), согласно с уверением профессоров Погодина и Бодянского, содействие ученого Шафарика, огромные запасы которого, быть может, и для меня будут доступны. Если удостоюсь внимания славянского корифея, то постараюсь воспользоваться его советами относительно южнославянских языков и преимущественно болгарского, к изданию которых г. Шафарик уже давно делает приготовления» [1. С. 30].

Ко времени путешествия Григоровича уже вышли из печати «Славянские древности» и «Славянская этнография» Шафарика, казанский ученый считал его лучшим знатоком памятников славянской письменности. Известна была Григоровичу и деятельность В. Ганки и других чешских ученых. Русский стажер задержался в Праге на пять месяцев. Он занимался практическим изучением чешского языка, посещал в университете лекции профессора Я.П. Коубека по чешскому языку и литературе, а также самостоятельно прорабатывал древние памятники чешской письменности, сочинения Яна Гуса, труды Велеславина и Я.А. Коменского и более поздних авторов [1. С. 251]. Знание чешского языка он совершенствовал под руководством филолога А. Шемберы и историка чешского возрождения Я. Малого (см. [3. С. 100]). Кроме того, русский славист посещал в Праге лекции по верхнесерболужицкому языку, которые читал в серболужицком семинаре Ганка [4. С. 21–23]. Со всеми перечисленными лицами у Григоровича сложились дружеские отношения, но наиболее близко он сошелся с Шафариком, с которым имел общие научные интересы. Чешского ученого интересовали рукописи, разысканные и приобретенные Григоровичем на территории Турции. Русский славист поделился с чешским ученым некоторыми результатами своих разысканий. 12 ноября 1846 г. в исторической секции Чешского ученого общества он прочитал сообщение «Свидетельство о славянских апостолах в Охриде», опубликованное впоследствии в журнале «*Časopis Českého musea*» [5. S. 508; 6. С. 1–28]. В сообщении речь шла о двух греческих житиях св. Климента, в одном из которых говорилось об изображении Климентом «письмен». В журнале «*Květy*» Григорович поместил тогда же статью «О народных школах у болгар».

Насколько известно, он поделился с чешским ученым своими предложениями относительно первоначальной азбуки древнеславянского языка, сообщил много сведений о найденных им славянских памятниках, оставил записи болгарских народных песен, материалы по топонимике Болгарии.

В начале апреля 1847 г. Григорович покинул Прагу и направился обратно в Россию. По пути он посещал немецкие и другие города и везде знакомился с учеными-славистами и материалами о славянах. В Лейпциге пробыл пять дней и посетил «Гаупта, Ваксмута и библиотекаря Герсдорфа», в Галле был у Потта, в Берлине – у В. Гримма и Боппа – профессора славянских литератур, в Лейпциге и Берлине познакомился с университетскими библиотеками [7. S. 244–245].

На пути в Казань через Кенигсберг, Петербург, Новгород и Москву Григорович знакомился с рукописными собраниями библиотек. Так, осмотрев рукописные материалы в Москве, Григорович извещал Шафарика: «Еще должен сообщить Вам соображения о числе рукописей славянских в Москве. В Синодальной библиотеке и Московской Духовной типографии их должно быть до 832, а в Чудовом монастыре, что в Кремле, да в Успенском соборе – до 500. А мы ищем Бог весть где запасов ученых» [7. S. 253].

Путешествие Григоровича по славянским землям Балканского полуострова было беспрецедентным явлением первой половины XIX в. Никто из русских, а

также и других европейских ученых не исследовал столь скрупулезно памятники южнославянских народов, которые, кроме того, благодаря Григоровичу были спасены от гибели. Но в научном отношении в первый период развития славяноведения в России подвиг В.И. Григоровича не был оценен по заслугам.

На основании анализа памятников старославянской письменности ученый пришел к мысли о большей древности глаголицы в сравнении с кириллицей. Эту мысль он высказал в статье «О древнейшей письменности славян» [8]. Шафарик согласился с этим суждением и признал его в работе о глаголической письменности [9]. Таким образом чешский ученый первым воспользовался частью открытий Григоровича. Шафарик при разрешении тех вопросов, которыми он занимался, не мог, в сущности, обойтись без выписок и указаний Григоровича, постоянно опираясь на открытия последнего. Например, в издании «Памятники глаголической письменности» Шафарик привел отрывки глаголических рукописей из собрания Григоровича в том виде, в каком они присутствовали в оригинале [10]. Использовались Шафариком рукописи Григоровича и в других трудах. Так, в публикации «Памятники древней письменности славян» [11] чешский ученый использовал рукопись «Законника» Стефана Душана, которая принадлежала Григоровичу и была древнее ранее известной.

В письме 15 ноября 1848 г. Григорович сообщал Шафарику описание 31 рукописи с извлечением из них определенных фрагментов, которые Григоровичу казались «примечательными» [7. S. 256–266]. В литературе было широко распространено мнение о том, что первые русские слависты были учениками чешских корифеев – Добровского, Шафарика, Ганки. Особенно «убеждена» в этом была чешская историография. Действительно, все русские слависты вступали на путь исследования славянства, когда чешскими учеными уже были достигнуты значительные успехи в этой области. Но благодаря активным поискам и личному знакомству со славянскими народами и славянскими учеными русские исследователи быстро превзошли своих чешских учителей, никогда не выезжавших за пределы страны и знавших славян, в основном, по литературе и тем источникам, которые они получали от других исследователей и, в немалой степени, от русских славистов. Что же касается Григоровича, то он у Шафарика не проходил никакой выучки, а свои сведения о славянах приобрел самостоятельно. В знании памятников древнеславянской письменности он превосходил Шафарика еще до их личного знакомства. Будучи близок к нему во взглядах по ряду принципиальных вопросов, например, в происхождении глаголицы, Григорович часто расходился с чешским корифеем в деталях (см. [12]).

По возвращении из-за границы Григорович возобновил лекции в университетах. В письме к Шафарику 22 ноября 1847 г. он сообщал: «Главная забота по приезде на место состояла в приготовлении к преподаванию. [...] Главное в моем преподавании будет составлять изучение (древнеславянского. – Л.Л.) языка» [6. S. 253]. А 15 ноября 1848 г. он писал: «В преподавании положил в основание языковедение и сравнительно с древним языком прошел обозрение юго-западных наречий и теперь занимаюсь северо-западными. Историю литературы понимаю более в сфере языковедения, как историю языков, и стараюсь постепенно знакомить с памятниками языка в дополнение обозрений своих» [7. S. 256]. Что касается его научной работы, то став обладателем уникальных памятников славянской письменности в результате своего путешествия, В.И. Григорович планировал сделать многое. Но славяноведение в Казанском университете не принадлежало к числу приоритетных дисциплин преподавания и направления в науке. В библиотеке университета не было славистической литературы, не существовало соответствующей полиграфической базы для издания памятников. А кроме того, в России Григорович сразу же столкнулся с духовной цензурой, еще более консервативной, чем светская. Трудности в этом аспекте возникли уже при издании книги «Статьи, касающиеся древнеславянского языка». В 1852 г. он подготовил к

печати также работу «Службы свв. Кирилла и Мефодия», но цензура публикацию запретила, так как в этом труде приводился иной текст, чем тот, который Православная церковь признавала каноническим. Книга вышла только через десять лет под названием «Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов свв. Кирилла и Мефодия» (Казань, 1862). То же самое произошло и с текстами старославянских евангелий, на которые ученые смотрели, как на памятники языка, а церковь – как на возможный источник ереси. До 1860-х годов Григорович опубликовал лишь малое число своих работ. Они выходили главным образом в «Ученых записках Казанского университета» и касались церковнославянского языка и древнеславянской письменности. Важное значение обрела монография В.И. Григоровича «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV–XV столетиях» (1859). К лучшим трудам Григоровича принадлежит и «Путешествие по Европейской Турции» [13]. Книга составлена по отчетам, которые представлялись в Совет Казанского университета, и отражает материал высокой степени достоверности. Биограф Григоровича, его ученик М.П. Петровский подчеркивал, что книга открыла миру массу «дотоле неизвестных древнеславянских памятников болгарской и сербской редакции, которым суждено было впоследствии занять много страниц в истории древней письменности южных славян» [14. С. 904]. Это исследование, по мнению М.П. Петровского, «открыло новый материк с его неведомыми дотоле обитателями. Вся история древнеславянской письменности, все исследования о языке восточной половины Балканского полуострова должны были принять новый вид, постройка их должна была производиться из того вновь открытого материала, который лежал в забросе до прибытия туда нашего ученого славянина. Наука уже не могла обойтись без книги Григоровича, воскресившей память о первых просветителях славян и многих безымянных продолжателях их дела» [15. С. 263–264]. Позднее значение этого труда высоко оценил советский исследователь С.Б. Бернштейн: «Очерк путешествия по Европейской Турции [...] сыграл впоследствии большую роль в изучении истории болгарского возрождения. Содержит драгоценные сведения по истории болгарского народа, этнографии и этнической истории всех народов Балканского полуострова, истории церкви, истории письменности, топонимике. В нем много важных фактов, относящихся к истории просвещения болгарского народа, ценных сведений о славянских рукописях Македонии, о некоторых деятелях болгарского возрождения, например о Неофите Рильском» [16. С. 132].

Однако не только это произведение, но и вообще колоссальный научный труд по открытию новых источников не был по заслугам оценен современниками ученого. Причины этого Петровский усматривает, в частности, в том, «что Григорович трудился вдали от центров ученой деятельности, а это было не только несправедливо, но и отрицательно влияло на развитие науки, так как Григорович не успел обнародовать, может быть, и десятой доли своих открытий. [...] Пока он жил и действовал, его игнорировали собратья по оружию. Изредка в общих выражениях почтительно отзывались о нем по поводу какого-нибудь его открытия, а затем снова усердно отмалчивались до нового труда, о котором нельзя же было не сказать двух слов, чтобы пополнить какой-либо красноречивый отчет о своей деятельности» [14. С. 86].

Известно, что современники редко оценивают по заслугам талантливого человека. Этому много причин: равнодушие, неосведомленность, конкуренция, бытовые и другие неурядицы. Выигрывает тот, кто умеет «донести» свои достижения до публики. Однако для этого нужен не только талант, но и энергия для его пропаганды. Григорович такой энергией не обладал. По воспоминаниям его современников, ученый был тихим и скромным, иногда до уничижения, человеком. Он жил для науки, одиноко, без единомышленников, и нередко у обывателей слыл чудаковатым. Только Шафарик знал ему цену, признавал его великий подвиг по разысканию древних рукописей и использовал его запасы для своих работ.

Не был особо удачлив Григорович и на педагогическом поприще. Он не создал школы последователей, подобно той, которую воспитали О.М. Бодянский в Московском университете и И.И. Срезневский в Петербургском. Сохранились воспоминания одного казанского студента о методе преподавания Григоровича: «Мы слушали Григоровича только один год (1843–1844) [...] В течение года ознакомил нас на своих лекциях с этнографией и весьма краткой историей славянских племен и изложил в главных чертах особенности языков чешского, сербского, болгарского, лужицкого и хорутанского. Для переводов он выбирал статьи и отрывки преимущественно из народной поэзии. Студентам, желавшим ближе познакомиться со славянскими языками, он охотно давал книги из своей библиотеки, без чего мы были бы лишены возможности заняться его предметом, так как библиотека Казанского университета в то время почти не имела книг по славянщине. Из слушателей Григоровича было весьма мало занимавшихся славянскими наречиями. Большая часть наших товарищей решительно ничего не делала, нисколько не интересовалась славянщиной, многие не хотели даже ознакомиться с алфавитами и не умели читать ни на одном из славянских языков. [...] К тому же чтения Григоровича не представляли ничего увлекательного для тех, которые не интересовались его предметом. Ни способ изложения, ни самые приемы профессора не привлекали студентов, даже во многих возбуждали насмешку. Да и нельзя было иногда не посмеяться добродушно над неловкостью, крайней рассеянностью и оригинальностью Григоровича. На редкую лекцию он приходил к нам вовремя, не опоздавши (хотя постоянно ставил свои часы получасом вперед – “чтобы не опаздывать”, как пояснял он сам). Обыкновенно являлся он с большим ворохом книг, извиняясь, что запоздал, и, краснея, пробирался на кафедру и начинал лекцию. Читал он далеко не изящно: конфузился, заикался, беспрестанно повторял сказанные фразы и потому для объяснения своей мысли схватывался за первое попавшееся на ум слово, из какого бы языка оно ни было. Но эта непривлекательная внешность чтения вполне и с лихвой искупалась внутренним достоинством его лекций. Он читал с искренней любовью к своему предмету. С полной готовностью делиться со своими слушателями всеми своими знаниями, помочь им в занятиях. Скромность и добросовестность истинного ученого проявлялись в каждой его лекции, даже, можно сказать, в каждой его фразе. [...] Из бывших на нашем курсе одиннадцати человек только двое-трое интересовались лекциями Григоровича, а он радовался даже этому весьма скудному числу внимательных слушателей» [17. С. 75–78]. В некоторые годы у Григоровича совсем не было учеников.

Скромные научные и педагогические результаты деятельности В.И. Григоровича объясняются не только субъективными, но и объективными причинами. Казанский университет был создан для осуществления «инородческо-миссионерской» деятельности и научной работы по исследованию края и имел многонациональный характер. Преподавание в нем отличалось некоторыми особенностями: на словесном факультете главное внимание обращалось на изучение восточных языков и культуры Востока. Другие гуманитарные дисциплины оставались на втором плане. Атмосфера среди образованной части общества не была похожа на обстановку в университетах, расположенных на территории России с преимущественно славянским и православным населением. Здесь не было интереса к таким сюжетам, как изучение славян и развитие науки о них. Григорович был единственным специалистом и не находил сочувствия в своих занятиях ни в профессорской корпорации, ни у студентов. Кроме того, в Казани профессорский состав состоял в значительной мере из иностранцев, чаще всего из различных университетов Германии, которые занимали кафедры древних языков, естественных наук и востоковедения. Образованный слой населения отличался консервативностью. Большое влияние имела церковная цензура, зорко следившая за тем, чтобы гуманитарные науки не были источником негативного отношения к

православию. Вся молодежь этого края стремилась учиться в Московском, или Петербургском, или других университетах, где атмосфера была живее и свободнее. Поэтому деятельность Григоровича не находила поддержки, его работы не печатались, восточный город относился равнодушно к славянским трудам ученого. Как упоминалось, в библиотеке Казанского университета отсутствовала литература о славянах, не говоря уже о пособиях для преподавания. По возвращении из путешествия по Балканскому полуострову Григорович читал лекции не только в университете, но и в Казанском обществе любителей отечественной словесности, действительным членом которого он был избран в 1847 г. В 1861 г. профессор прочитал «Речь о значении церковнославянского языка», где аргументированно предположил более древнее происхождение глаголицы в сравнении с кириллицей. Кроме того, Григорович читал публичные лекции, которые посещались очень немногими; произнес речь на древнеславянском языке во время празднования 1000-летия Руси. В 1863 г. Казанский университет поднес ему диплом на степень доктора славянской филологии.

В 1864 г. Григорович ушел в отставку из Казанского университета и уехал в Херсон. Но в 1865 г. в Одессе был открыт Императорский Новороссийский университет. В его штатах значилась кафедра славянской филологии, занять которую он был приглашен. Именно ему пришлось взять на себя организацию преподавания славяноведения в новом учебном заведении. Задача была не из легких. Многонациональный город сосредоточивал свою деятельность на торговле и других занятиях, связанных с удовлетворением материальных потребностей, но не наукой. Тем не менее в университете со временем появились серьезные научные силы. Там работали ставшие впоследствии академиками И.П. Кондаков, Ф.И. Успенский, крупный специалист по истории Польши и России профессор А.И. Линниченко и ряд других. Но когда Григорович приступил к обязанностям профессора славянской филологии, у него не было учеников, да и позднее их было очень мало. Пособия для преподавания славистических дисциплин в университетской библиотеке (как и в казанской!) отсутствовали, как и сама научная среда для интересовавшихся славянством. Занимавший кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков австрийский ученый хорватского происхождения славист И.В. Ягич не смог установить личный контакт с Григоровичем из-за странностей в образе жизни, его склонности к подозрительности, часто ни на чем не основанной.

В одесский период один из родоначальников российской славистики, крупнейший исследователь славянской письменности и других проблем славяноведения не создал ничего выдающегося. К этому времени уже прошел пик его научного творчества. Григорович писал лишь мелкие заметки в связи с различными юбилеями, некрологи, статьи краеведческого характера, отчеты о поездках в Корсуньскую землю, в Санкт-Петербург и т.д. Наиболее значительным его трудом этого периода является большая статья «Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам, преимущественно к болгарам, X столетия».

Курсы лекций Григоровича по истории славянских литератур, по славянским древностям были основаны на материале, разработанном еще в казанский период его деятельности. Видимо, это дало основание Ягичу полагать, что «в чисто филологических вопросах Григорович очень рано отстал от науки» [18. С. 481]. В советское время эту же мысль повторил С.Б. Бернштейн, считавший, что Григорович не соответствовал уровню современной ему науки в области славянского языкознания [16. С. 133–134]. Приведенные выше утверждения вряд ли обоснованны. Оба автора судили о курсе лекций Григоровича на основании посмертного издания, т.е. публикации 1879–1880 гг. [19], когда славянское языкознание достигло больших успехов. Что же касается первой половины XIX в. – времени создания курса лекций, то в нем учитывались все достижения европейской

науки. Учившийся у Григоровича А.И. Маркевич писал: «Торжеством профессора Григоровича были лекции по славянскому языку. Первые полгода он читал историю изучения его и здесь, знакомя с лицами, работавшими по языку, давал положительно художественные образы Добровского, Копитара, Миклошича и др., из коих большинство ему было лично знакомо. Сообщал он немало сведений также и о русских филологах. Но когда он переходил к самому изложению церковнославянского языка, то мы больше знакомимся с мнениями Боппа, Потта, Шлейхера, Миклошича и Востокова. В основу курса славянских древностей Григорович клал известный труд Шафарика, но значительно видоизменял его» [20. С. 237–239].

В.И. Григорович скончался 19 (31) декабря 1876 г. в Елисаветграде. Из 45 ценных рукописей, которыми он обладал, часть ученый передал в дар Новороссийскому университету. Основная же доля коллекции была приобретена Румянцевским музеем (см. [21]).

Григорович был не только одним из создателей русской науки о славянах, но и вообще крупнейшим ученым и чрезвычайно эрудированным человеком. В.И. Модестов, русский историк античности, в воспоминаниях писал: «При всем уважении к памяти моего бывшего учителя И.И. Срезневского, я не поленюсь поставить выше его Григоровича. И тот и другой были люди большой учености и оба были способны умом и сердцем возбуждать к себе глубокую привязанность, но память Григоровича, с которым я был менее близок, чем со Срезневским, для меня священнее. Ученость Григоровича была поразительная; она поражала не только в его специальной области, но и во многих других. Со Срезневским было можно не только спорить, но и выходить из спора победителем. С Григоровичем – никогда. С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую кротость и самую утонченную вежливость. Касалось ли дело филологии, географии, истории – везде он обнаруживал подавляющую массу самых разнообразных и мелочных сведений. Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся на историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего. Писал он немного, но все, что он написал, было драгоценно и собиралось его многочисленными учениками как реликвии» [22. С. 229–230].

Недооцененный современниками В.И. Григорович был помянут после смерти большим числом сочинений о нем разного жанра. В 1916 г. вышло собрание его сочинений (полный список сочинений см. в [23]). Значительная литература имеется о его научном творчестве, сведения о нем содержатся в различных справочных изданиях. Опубликованы воспоминания, изданы его письма к П.И. Шафарику, М.П. Погодину и т.п.

Таким образом, дело первого в России слависта не пропало даром. При всех неблагоприятных обстоятельствах его деятельности и недостатках в методике преподавания Григорович создал традиции, которые были развиты в других исторических условиях, и внес огромный вклад в развитие русского славяноведения, обеспечив источниковой базой всю языковедческую и филологическую отрасль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.
2. НИОР РГБ. Ф. 231/11. К. 9. Ед. хр. 22. Письмо В.И. Григоровича М.П. Погодину.
3. *Malý J. Vzpomínky a uvahy starého učence*. Praha, 1872.
4. *Лантвева Л.П.* Российская сорабистика в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997.
5. *Časopis českého musea*. 1847.
6. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1847. Отд. II.
7. *Korespondence Pavla Josefa Šafaříka v ydal V.A. Francev*. Praha, 1927. I. *Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861)*.

8. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1852. № 3.
9. *Šafařík P.J.* Pohled naprvověk hlasovského písemnictví // Časopis českého musea. 1852. Č. II.
10. *Šafařík P.J.* Památky hlasovskéhopísemnictví. Praha, 1853.
11. *Šafařík P.J.* Památky dřevního písemnictví Jihošlovanův. Praha, 1851.
12. *Лантвева Л.П.* Связи В.И. Григоровича с П.И. Шафариком // Studie Bohemica. К 70-летию Сергея Васильевича Никольского. М., 1992.
13. *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.
14. Вестник Европы. 1878. Т. I.
15. Славянское обозрение. 1892. Т. II.
16. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
17. *А. С.* Воспоминания о профессоре В.И. Григоровиче // Древняя и новая Россия. 1877. № 5.
18. *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910.
19. Славянские древности // Русский филологический вестник. Варшава, 1871. Т. I. № 2; Т. II. № 3; Т. III. № 1; Т. IV; Обзор славянских литератур. Лекции В.И. Григоровича, записанные во время чтения А.И. Смирновым // Филологические записки. 1879. Вып. 3; Славянский вестник. 1879.
20. *Маркевич А.И.* Двадцатилетие императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890.
21. *Викторов А.Е.* Собрание рукописей В.И. Григоровича. М., 1879.
22. *Модестов В.И.* Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1884. № 11.
23. *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

© 2015 г. И.В. ЧУРКИНА, З.С. НЕНАШЕВА

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ НАСЛЕДИЯ М.Ф. РАЕВСКОГО

Архив М.Ф. Раевского содержит большой материал по истории русско-славянских культурных, научных и политических связей в 40–80-е годы XIX в. Его публикация явилась плодом сотрудничества русских, сербских, словацких, чешских ученых.

The archive of Mikhail Raevsky contains big material to the history of the Russian-Slavic cultural, scholarly and political ties in the 1840s – 1880s. Its publication was the product of cooperation of the Russian, Serbian, Slovak and Czech scholars.

Ключевые слова: М.Ф. Раевский, архив, славяне, культурные связи.

Keywords: Mikhail Raevsky, archive, Slavic peoples, cultural ties.

В настоящее время трудно себе представить исследователя русско-славянских связей 40–80-х годов XIX в., который бы не знал имя Михаила Федоровича Раевского (1811–1884) и не пользовался материалами его архива. Причем надо четко осознавать, что, в буквальном смысле слова, архив Раевского как цельное собрание всех свидетельств его деятельности не существует. Коллекция бумаг, собрание книг, огромная переписка с большинством известнейших деятелей славянского мира, представителями российской интеллектуальной элиты хранятся в разных архивах, рукописных хранилищах, учреждениях в России и за рубежом¹.

Популярность М.Ф. Раевского в середине XIX в. вплоть до его смерти среди зарубежных славян была значительной. За время пребывания в Вене многие политические деятели из австрийских славян, русофильски настроенные студенты, священники, горожане и даже крестьяне прямо или опосредованно вступали в контакт с Михаилом Федоровичем. Раевский вел обширную переписку со славянскими национальными деятелями, которые обращались не только лично к нему, но и через него к русским ученым и общественным деятелям, к российским дипломатам и чиновникам Министерства народного просвещения.

Именно на вторую половину XIX в. падает пик развития русско-славянских связей. Причиной этого было разочарование после Крымской войны русских властных структур и общественных кругов в возможности союзных отношений с европейскими странами, а также рост национального движения у славянских народов, находившихся под чужеземной властью. «Очевидно, – указывается в предисловии к сборнику “Зарубежные славяне и Россия” (М., 1975), – что условия и обстоятельства, классовая структура общества, степень его развития были различны у отдельных славянских народов Габсбургской и Османской империй, Сербии и Черногории. Существовало различие и в отношении международных условий, в которых развивалась их борьба за национальные права и свободу.

Чуркина Искра Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Ненашева Зоя Сергеевна – канд. ист. наук, доцент МГУ.

¹ На эту особенность наследия указал В. Матула (см. [1. С. 24–25]).

Но несмотря на это, национальные движения славянских народов объединял и общий интерес. Прочные связи, более многочисленные, чем когда-либо в их прошлом, связывали их между собой и всех их с русским народом и с политическими движениями, которые развивались в их среде все более интенсивно» [2. С. 8]. В укреплении культурных и политических связей между Россией и славянами огромную роль играл М.Ф. Раевский.

Он родился 18 июня 1811 г. в Арзамасе в семье священника, закончил духовную семинарию в Нижнем Новгороде, затем – Санкт-Петербургскую духовную академию. Обучение в ней он завершил в 1833 г., получив степень кандидата богословских наук. Здесь он изучал помимо богословских наук философию, общую гражданскую историю, историю словесности, а также языки – греческий, еврейский, французский, немецкий. За время пребывания в Габсбургской монархии он овладел всеми славянскими языками, а на сербском языке не только мог вести богослужение, но и переписывался с сербскими корреспондентами. В 1834 г. Раевский был назначен священником православной церкви русского посольства в Стокгольме в Швеции. С этих пор он перешел в подчинение наряду со Святейшим Синодом и к Министерству иностранных дел России. Во время пребывания в Стокгольме помимо служебной деятельности он занимался изучением системы шведского образования, освоив шведский язык. За десять лет службы в стране он написал четыре статьи о начальном, среднем, высшем образовании этой страны. Они были опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения», а затем переведены и напечатаны в немецкой прессе.

В 1842 г. Раевский был переведен в Вену, куда прибыл только в 1843 г. С тех пор до самой своей кончины 2 мая 1884 г., за неделю до празднования пятидесятилетнего юбилея своей священнической деятельности, он жил в этом городе.

Раевский приехал в Вену накануне революции 1848–1849 гг., когда во всех славянских землях Австрийской империи бурно развивалось национальное движение, у многих славян находившееся еще на стадии просветительства. Отец Михаил практически сразу же установил связи со славянскими будителями. Думается, что это произошло не без согласия российского посольства. Особенно тесные контакты возникли у него с чешским славистом-филологом, библиотекарем Национального музея, членом-корреспондентом Российской академии наук (с 1840 г.) Вацлавом Ганкой (1791–1861), который называл себя неофициальным консулом России в Праге. Кроме того, Раевский познакомился с хорватами – лидером иллирского движения Л. Гаем и будущим епископом Й.Ю. Штросмайером, с сербами – выдающимся филологом В. Караджичем и митрополитом Й. Раячичем, со словенскими учеными Е. Копитаром и Ф. Миклошичем. Дружеские отношения у него сложились со словацким поэтом, известным деятелем словацкого возрождения Л. Штуром с такими просветителями словацкого происхождения, как поэт Я. Коллар и историк П.Й. Шафарик.

До революционных событий Раевский уже был знаком с рядом русских влиятельных лиц. В 1847 г. в Вене с визитом находилась великая княгиня Елена Павловна, жена младшего брата императора Николая I Михаила. Она занималась благотворительностью, позднее активно участвовала в подготовке крестьянской реформы. Именно при ее содействии в Редакционные комиссии были введены Н.А. Милютин и славянофилы князь В.А. Черкасский и Ю.Ф. Самарин [3. С. 116–118]. В Вене Елена Павловна познакомилась с Раевским, была тронута его вниманием, особое впечатление на нее произвело его богослужение. Она удостоила Раевского награды – наперсным крестом и в дальнейшем также оказывала ему покровительство. Это было связано и с тем, что она проявляла интерес к славянам, особенно со времени Крымской войны (1853–1856) [4. С. 50–51].

Еще более важной для Раевского стала его встреча в Вене с графом Дмитрием Николаевичем Блудовым (1786–1864) и его дочерью Антониной (1812–1891). Граф Блудов занимал высокие должности при Николае I: в 1831–1838 гг. он был

министром внутренних дел, а в 1839–1861 гг. являлся главноуправляющим Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии и председателем Департамента законов Государственного совета. Блудов был близок со славянофилами. А.И. Кошелев прямо указывает, что добиться издания славянофильского журнала «Русская беседа» удалось только с помощью графа Блудова [5. С. 85–86]. Полностью разделяла взгляды своего отца А.Д. Блудова, камер-фрейлина императрицы. В 1850-е годы она стала для Раевского самым конфиденциальным корреспондентом, через нее он выходил на правительственные круги России. В начале 1850 г. Раевский признавался ей: «Радуюсь я и за себя, что в Вас нашел особу, которая много может помочь мне в моем положении» [6].

Уже накануне 1848 г. Раевский приобрел авторитет у славянских политиков: в числе русских, приглашенных на славянский съезд в Праге, его имя стояло на первом месте. Но Раевский предпочел в начале июля уехать в отпуск на четыре месяца в Россию. В Вену он вернулся только в начале ноября 1848 г. и с этих пор стал посылать записки о состоянии дел в австрийских землях графине Блудовой. Вместе с ней Раевский организовал в России сбор средств для пострадавших во время сербо-венгерской войны сербов. «При активном его содействии, – указывается в “Кратком очерке службы и заслуг протоиерея М.Ф. Раевского”, – восстановлено и устроено там 47 православных церквей, более 60 церквей снабжено утварью и церковными книгами, восстановлено несколько народных школ» [7. С. 27].

В 50–60-е годы XIX в. Раевский занимался активной посреднической деятельностью, передавал книги и письма русских и славянских ученых друг другу. Его услугами пользовались русские слависты О.М. Бодянский, А.С. Будилович, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.Ф. Гильфердинг, Н.И. Надеждин, М.П. Погодин, Н.А. Попов, И.И. Срезневский и др., а также славянские ученые Д. Даничич, А.В. Духнович, В. Караджич, К. Кузмань, М. Маяр, Ф. Миклошич, В. Ягич и др.

В середине 1850-х годов Раевский познакомился со славянофилами, а с 1860 г. он стал членом Московского славянского благотворительного комитета и его агентом в Габсбургской монархии. Его деятельность заметно расширилась. Она распространилась и на соседние с Австрийской империей земли: полузависимые от Османской империи Сербию и Черногорию, а также на Боснию и Герцеговину, остававшиеся под властью османов.

Как и прежде, Раевский находился в подчинении Синода и Министерства иностранных дел, выполнял поручения этих ведомств. Однако не менее существенной, по душевной потребности, была работа в пользу Московского славянского благотворительного комитета, хотя это иногда и приводило к служебным неприятностям. «Надо было иметь очень большой такт, чтобы пробираться между этими Сциллой и Харибдой, и следует признать, что Раевский обладал им в полной мере» [2. С. 9]

1860-е годы – время наиболее интенсивной деятельности Раевского. В это время русское правительство проводило два крупных мероприятия – празднование тысячелетия России (1862) и Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Эти события призваны были укрепить как у русского народа, так и у славян гордость за достижения России, веру в ее великое предназначение, поколебленные после поражения в Крымской войне. Одновременно власти и общественные круги рассчитывали поднять ее престиж в Европе.

В честь тысячелетия России были награждены русскими орденами выдающиеся славянские деятели, в том числе чешский историк, известный политик, идейный вождь чешского национального движения Ф. Палацкий, хорватский историк и политик И. Кукульевич-Сакцинский, сербский филолог, историк, фольклорист В. Караджич (1787–1864), словенец Я. Блейвейс, издатель единс-

твенной словенской газеты, и др.² Список претендентов на награды с помощью А.Ф. Гильфердинга составил Раевский. За это он получил наперсный крест с сапфирами.

Еще больше усилий приложил Раевский для организации Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве. В их проведении славянофилы принимали особенно деятельное участие. Раевский стал главным посредником между комитетом Этнографической выставки и национальными деятелями и культурными обществами австрийских славян. Ему пришлось вести обширную переписку, собирать и отправлять в Россию различные этнографические артефакты, обеспечивать железнодорожными билетами приглашенных на выставку и т.д. Активность Раевского была поистине огромной. С 22 апреля 1866 г. по 27 апреля 1867 г. он написал и отправил по делам выставки более 500 писем [8]. Всего на выставку приехали 81 человек из зарубежных славянских земель, в том числе 68 из Австро-Венгрии. Со всеми ними и теми, кто был приглашен на выставку, но не смог приехать по разным причинам, Раевский вел обширную корреспонденцию [9. С. 174–175].

Немецкая пресса и австрийские власти всячески стремились воспрепятствовать поездке австрийских славян в Москву. Немецкая пресса провозгласила встречу славян в Москве «панславистским сборищем». Газеты подчеркивали: «Побратимство на панславистской почве – это заговор против Австрии». Австрийское правительство через посланника в Петербурге графа Ревертеру пыталось воздействовать на российские власти, чтобы они отменили приглашение в Москву для славян. Князь А.М. Горчаков занял позицию невмешательства, заявив, что выставка носит чисто научный характер. Бисмарк посоветовал венскому двору объявить всех, кто поедет в Москву, государственными преступниками и арестовать [9. С. 171–173].

После Московской этнографической выставки австрийские власти, и до этого относившиеся подозрительно к контактам Раевского со славянами, окончательно уверились в его антиавстрийской деятельности. Согласно исследованию австрийской славистки И. Шварц, наблюдение за Раевским со стороны Тайной полиции Вены велось с 1853 г. Оно серьезно усилилось в 1865–1867 гг. За этот период сохранился 51 документ, посвященный слежке за Раевским. В них указываются все встречи Раевского со славянскими деятелями. Среди них упоминаются чешский профессор А.В. Шембера, русин А.И. Добрянский, хорватский епископ Й.Ю. Штросмайер, публицисты – хорват А. Лукшич и словенец Л. Лесковец и многие другие [10. С. 24–50].

В последующие годы Раевский вынужден был перенести основные усилия в чисто культурную сферу. Через него славянские комитеты, которые после 1867 г. были учреждены помимо Москвы в Петербурге, Киеве и Одессе, а также русские университеты и научные общества общались с культурно-просветительскими обществами и научными учреждениями славян (Матицами, читальнями и др.), посылали им книги, оказывали материальную помощь. В сфере внимания русских благотворителей были также газеты, национальные деятели, учащиеся, духовные лица. Кроме того, в Вене Раевский организовал для студентов курсы по обучению русскому языку и изучению русской культуры. В этом ему помогали общество русинских студентов в Вене – Русская основа (1868–1873), студенческие кружки по изучению русского языка, которые затем стали основываться и во многих славянских городах Австро-Венгрии. В 1870-е годы особенно активную деятельность вел Санкт-Петербургский славянский благотворительный комитет. Посредством Раевского он стал постоянным членом девяти славянских матиц, внося в них соответствующий денежный вклад и получая от них все издаваемые ими книги.

² Из 30 славянских деятелей, получивших награды, 27 были славяне Австрийской империи.

В 60–70-е годы XIX в. Раевский способствовал становлению современных учебных заведений в Черногории, Боснии и Герцеговине на средства Синода, Министерства народного просвещения, членов императорской семьи. За деятельность в Черногории он получил от черногорского князя Николы высший черногорский орден Данилы I степени.

Вся многогранная деятельность М.Ф. Раевского оставила огромное количество документального материала. Он – автор многочисленных писем, записок, обзоров, донесений, которые содержат бесценные сведения для исследователей истории и культуры зарубежных славянских народов. Не менее существенным обстоятельством является тот факт, что он стал живым олицетворением России, к которому со своими бедами и надеждами обращались славянские общественные деятели и простые просители. Его контакты всегда оставались двусторонними. О. Михаил оказался важным адресатом самой разной по характеру корреспонденции от славян. И вот этот значительный по объему и крайне важный по значению документальный корпус источников вплоть до 60-х годов XX в. практически оставался неизвестным и не востребованным. Они были не только не введены в научный оборот, но даже не структурированы и не описаны.

Причиной открытия архива М.Ф. Раевского послужили его контакты с Л. Штуром [11. С. 10].

Молодой словацкий ученый В.А. Матула (1928–2011), окончивший исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в 1957 г. приехал в Москву в качестве стажера. Ему предстояло собрать материал для диссертации по истории русско-словацких связей.

В центре его внимания был Людовит Штур (1815–1856), крупнейший национальный деятель Словакии в XIX в., кодификатор словацкого литературного языка, возглавлявший борьбу словаков за свои права. Штур был убежденным русофилом, ожидал от России освобождения своего народа, особенно после поражения революции 1848–1849 гг., в которой он принял участие.

Первым толчком к поиску стало имя Раевского, которое фигурировало в одном из писем Штура, и упоминание слависта В.И. Ламанского о том, что тот получил от Раевского сочинение «Славянство и мир будущего». Опираясь на этот факт, В. Матула как страстный искатель и поклонник Штура начал разыскивать бумаги Раевского. С этого времени ученый использовал каждую возможность познакомиться с материалами и донесениями Раевского в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и других хранилищах. В результате интенсивной работы и несомненной удачи, которая сопутствовала ему, удалось в 1965 г. обнаружить значительную часть эпистолярного материала отца Михаила в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в Москве.

К этому времени ему удалось обнаружить материалы Раевского в четырех архивах. Основная их часть находилась в ОПИ ГИМ, вторая, меньшая по объему, но тоже внушительная, – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, тогда Ленинград), третья – в Архиве внешней политики Российской империи (Москва), четвертая – в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) [1. С. 24–30].

Молодой ученый рассказал о находке своему научному консультанту профессору Сергею Александровичу Никитину. К разборке материала была подключена специалист по истории южных славян И.В. Чуркина, которая с 1966 г. приступила к анализу материалов Раевского. В свою очередь, С.А. Никитин, увидевший колоссальные возможности, которые представляло наследие о. Михаила для исследования всего комплекса русско-славянских связей в XIX в., сумел добиться включения в план Института славяноведения АН СССР издание переписки Раевского со славянскими национальными деятелями. «Оценивая этот факт спустя несколько десятилетий, – подчеркивает С.И. Данченко, – не перестаешь удив-

латься – как это ему удалось в тот период, в тех условиях развития исторической науки? Ведь фактически данный проект был связан с личностью священника, протоиерея» [12. С. 31].

В конце 1960-х годов было заключено соглашение между Академией наук СССР, Чехословацкой академией наук и Историческим институтом в Белграде о совместном издании материалов архива М.Ф. Раевского. Совместный проект предусматривал выход первого тома в Москве, чехословацкого – в Праге, югославянского – в Белграде. В международную редколлегию первого тома вошли: от СССР – С.А. Никитин, В.Г. Карасев, от Чехословакии – чех Й. Кочи и словак В. Матула, от Югославии – Н. Петрович. С советской стороны подготовкой тома занимались И.В. Чуркина и Е.М. Шатохина, а с 1971 г. и С.И. Бочкарева (Данченко). Первый том публиковался на русском языке. Документы на немецком, французском, английском языках снабжались переводами на русский язык, а документы на славянских языках – резюме на русском языке. Главным принципом работы над томом было совершенно точное воспроизведение оригиналов. Если возникали разночтения и непонятные места, то их трактовка давалась в соответствующих комментариях. Публикация, кроме того, снабжалась указателями – именным, географическим, терминологическим, периодических изданий. Особое значение придавалось не только археографической обработке документов, атрибуции корреспонденции, но и проблеме комментирования текстов писем. В тот момент было принято совершенно правильное, как потом показала практика, решение максимально использовать не вошедшие в том документы. Ведь в обширных пояснениях нуждались многие события, имена, места проживания и пребывания авторов и адресатов всех участников переписки. Эта работа потребовала огромного напряжения сил, обширных знаний всех тех, кто участвовал в подготовке тома. Его главными составителями являлись В. Матула и И.В. Чуркина.

Помимо указанных лиц к работе над томом были привлечены русские и зарубежные ученые. В.М. Хевролина провела археографическую обработку русских документов тома, Н. Петрович – на сербском, хорватском и немецком, Й. Кочи – на чешском и немецком, В. Матула – на словацком языках, Е. Рудловчакова – на украинском (русинском). Переводы с немецкого языка сделала Р.Ш. Гладштейн, резюме сербских и хорватских документов написала С.И. Бочкарева (Данченко), чешских – Й. Кочи, словацких – В. Матула, словенских – И.В. Чуркина. Комментаторами стали помимо указанных лиц российские ученые К.П. Гогина, Н.В. Зуева и Е.М. Шатохина, М.Н. Кузьмин, Л.П. Лаптева, В.И. Фрейдзон, Н.И. Хитрова. Ряд документов прокомментировали украинские ученые Л.Н. Климкова (Львов) и Е.М. Рудловчакова (Прешов). Указатели составили Э.А. Джaparидзе (на основе материалов, представленных комментаторами) и А.И. Рогов. За этой работой, учитывая ее уникальность и специфику, стояла большая группа людей, прежде всего работников архивов, которая на разных этапах оказывала научно-организационную и техническую помощь.

Масштаб этой публикации иллюстрируется следующими цифрами. Было изучено 7500 писем более чем 1750 авторов. В том вошло 467 писем и донесений 177 крупнейших русских и славянских деятелей второй половины XIX в. А список всех корреспондентов был помещен в конце тома.

Публикация «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века» вышла в свет в 1975 г. Она вызвала большой интерес у зарубежных и отечественных ученых, которые написали на нее ряд отзывов. Одной из первых вышла в свет рецензия польского историка российского происхождения Алексея Деруги (1909–1981). Он подчеркивал: «Рецензируемое собрание документов снабжено эрудированным научным аппаратом: различными указателями, словарями, и содержит то, что в высшей степени облегчает читателю работу по поиску тех или иных деталей». Особый интерес для историков, по мнению Деруги, представляют письма словаков К. Кузманы и Й. Гурбана, словенца

М. Маяра, хорвата И. Кукульевича-Сакцинского, серба В. Караджича и т.д. «Из выше перечисленного следует, – делает вывод Деруга, – что рецензируемое собрание документов содержит необычайно много ценной информации, которая может быть полезна равно как историкам литературы и культуры, так и историкам, изучающим политическую историю славянских народов (вне пределов царской России) Австро-Венгрии и Турецкой империи». Деруга обратил внимание на то, что документы публикации могут быть использованы и лингвистами, особенно изучающими историю сербского и хорватского языков [13. С. 403–405].

Это пожелание польского историка издатели попытались воплотить в следующих томах переписки М.Ф. Раевского.

Известный российский славист К.И. Ровда характеризовал этот том как «фундаментальный труд, представляющий собрание множества документов, без которых не может обойтись ни один историк, который занимается изучением межславянских связей в 19 столетии» (см. [14. С. 27]).

Параллельно с подготовкой первого тома началась работа по формированию второго и третьего томов, национальных по содержанию и характеру изданий. Она потребовала значительных усилий и времени. Ее по-прежнему курировала международная по составу редколлегия, сформированная в середине 1960-х годов.

Весьма плодотворным было начинание руководства и сотрудников Исторического института в Белграде. И это не случайно. В наследии Раевского насчитывается приблизительно 130 писем из княжества Сербия; 80 – из Хорватии и Славонии; 65 – из Воеводины; более 40 – из Словении; 30 – из Далмации; около 20 – из Боснии и Герцеговины; 10 – из Черногории [12. С. 36]. И это вполне объяснимо, ибо из Сербии, Черногории, Воеводины, отчасти из Далмации и Боснии и Герцеговины ему писали православные сербы, которые видели в Раевском не только представителя России, но и православного священника, общего с ними вероисповедания. В XIX в. религиозный вопрос имел огромное значение, особенно для жителей тех земель, которые находились под властью мусульманской Турции. Для них православие являлось одним из главных орудий борьбы за свою идентичность.

Однако работа над томом задержалась. Одной из причин этого стала смерть в 1979 г. С.А. Никитина. Была создана новая редколлегия. Ее составили только советские и югославские ученые. Советскую часть редколлегии возглавила И.В. Чуркина, членами редколлегии стали С.И. Данченко, В.Г. Карасев, В.И. Фрейдзон. Югославская часть редколлегии расширилась, в нее вошли кроме сербов (В. Крестич, Д. Милич, С. Терзич, Д. Милоевич-Петрович) представители других югославских республик: от Хорватии – Н. Станчич, от Боснии и Герцеговины – М. Экмечич, от Словении – В. Мелик. Рабочая группа состояла из советских ученых Чуркиной и Данченко и сербских ученых Петрович-Милоевич и Н. Урича. Главным редактором тома стал Н. Петрович (1910–1997).

Изначально планировалось издать все документы в одном томе. Но это оказалось нереальным из-за слишком большого объема материала. Поэтому было решено опубликовать документы в двух книгах. В первую книгу должны были войти письма корреспондентов в алфавитном порядке фамилий до буквы «М».

Первая часть югославского тома вышла в Белграде в декабре 1989 г. [15]. Вторую часть предполагалось опубликовать в 1991 г. К сожалению, в связи с трагическими событиями в Югославии она так и не была издана.

Корреспонденты Раевского из югославских земель, чьи письма вошли в этот сборник, могут быть разделены на несколько групп. Самую многочисленную составляют национальные, культурные и общественные деятели. Среди них можно отметить В. Богишича, А. Вукотиновича, Дж. Даничича, Н. Дучича, В. Караджича, Е. Кватерника, И. Кукульевича-Сакцинского. Во вторую группу корреспондентов входят представители духовенства, главным образом православного:

сербский епископ С. Кнежевич, черногорский митрополит Иларион и многие другие, в том числе простые священники, с просьбами о присылке религиозных книг и церковной утвари. В третьей группе представлены политические и государственные деятели Сербии и Черногории: сербский министр И. Гарашанин, черногорский князь Данило, черногорская княгиня Даринка. Помимо этого среди корреспондентов находится немало студентов, гимназистов, семинаристов, учителей, чиновников, военных, крестьян.

Большой интерес представляют письма к Раевскому как ученых (Будилович А.С., Гильфердинг А.Ф., Григорович В.И.), так и дипломатов (Березин Л.В., Влангали А.Е., Ионин А.С.). Самыми познавательными являются письма к Раевскому графини А.Д. Блудовой, которая организовывала для славян помощь со стороны русских общественных кругов, в том числе и от императорского двора.

Письма словенских национальных деятелей, которые должны были войти во вторую часть югославского тома, были увезены в Люблян В. Меликом. Позднее они вошли в российско-словенскую публикацию, ответственным редактором которой является И.В. Чуркина [16]. Хорватские материалы увез в Загреб профессор И. Очак. Их дальнейшая судьба после его смерти неизвестна. Самой непонятной оказалась судьба сербских, черногорских и боснийско-герцеговинских документов, оставшихся в Историческом институте Белграда. Во время бомбардировок сербской столицы они исчезли.

Как отмечал В. Матула, в Праге планировалось выпустить общий чешско-словацкий том, что было естественно для единого государства. Издание он готовил вместе Й. Кочи. Соответственно в публикацию должны были войти письма чехов и словаков и некоторые материалы, относящиеся к этой тематике, русских авторов. Работа над сборником велась вполне успешно. Однако по многим причинам она не была завершена. Главной из них была скорострительная смерть Кочи (1922–1986). Этот выдающийся чешский историк, в 1977–1984 гг. один из ведущих сотрудников Канцелярии президента Чехословацкой республики, с 1979 г. – профессор философского факультета Карлова университета, сделал чрезвычайно много для воплощения всего проекта. Он стоял у его истоков, активно работал над первым томом, разработал концепцию третьего. После его кончины чешская часть документов оказалась в Братиславе в домашнем архиве В. Матулы. На протяжении нескольких лет он не оставлял надежды, что их общее детище все-таки увидит свет.

Однако почти десять лет потребовалось на то, чтобы этот проект, но уже в другом виде, был осуществлен. Как подчеркивает известный чешский ученый В. Доубек, только в 2003 г. удалось инициировать передачу чешской части собрания в Литературный архив памятников национальной письменности в Праге (Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze). В 2004 г. это предложение было реализовано. Вместе с тем, стало очевидным, что эта часть бывшего международного проекта будет введена в научный оборот. В. Доубек получил финансовую поддержку – грант – специально на издание материалов М.Ф. Раевского. И действительно оно увидело свет [17].

В. Матула продолжал работать над словацкой частью. Свое представление о Раевском и его наследии он излагал не раз (см., например [1. С. 24–30]). Тем не менее, он обратился к этой теме в специальном Примечании издателя к чешскому тому [17. С. 359–361]. Матула сделал акцент на чрезвычайно позитивных личностных качествах о. Михаила, таких как образованность, энергичность, исключительное трудолюбие. В. Матула отдал дань признательности собирателям и хранителям наследия о. Михаила. Ведь значительная часть (около двух третей) эпистолярного материала из архива Раевского сохранилась благодаря знаменитому меценату П.И. Щукину (1853–1912). В 1905 г. он передал ее Государственному историческому музею в Москве.

В свою очередь, Доубек, апеллируя к читателям, сделал акцент на уникальности этого корпуса источников. В отличие от профессиональных дипломатов специфическое положение протоиерея Раевского в Вене делало его доступным не только для общественно-политических деятелей, но и широкого круга корреспондентов.

В специальном предисловии к книге В. Доубек подчеркнул, что, публикуя корреспонденцию Раевского, он не ставил целью «открыть какие-либо новые горизонты чешско-русских связей» [18. S. 19], так как наиболее значимая часть этого наследия была уже издана. Не менее существенным доводом являлось и то, что личность Раевского и его формальный статус, по мнению чешского ученого, ограничивали выбор тем и меру открытости, вернее открытости, с которой он мог вступать в переписку с чешскими партнерами, которым он доверял больше или меньше. В то же время чешский ученый уверен, что и эта публикация будет иметь определенный интерес для читателей и исследователей³. Основываясь на этих материалах, можно подтвердить некоторые известные или предполагавшиеся ранее аспекты в развитии политических или культурных чешско-русских связей в 40–80-е годы XIX в.

Выбор тематической проблематики составитель обусловил несколькими причинами. Во-первых, он полагал, что в таком случае можно проследить специфические особенности, которые давал опыт непосредственных контактов, полученных в результате состоявшихся путешествий, либо долговременного пребывания или длительной эмиграции чехов в Россию. Именно Раевский стоял у истоков этих решений. При этом В. Доубек понимал, что корреспонденция Раевскому не давала возможности проследить в каждом конкретном случае, какие последствия имело решение отправиться на восток. Однако включенные в том документы свидетельствуют о тех надеждах, которые строили чешские просители. Весьма точно этот источник раскрывает и позицию российской стороны, которую в данном случае представлял собой М.Ф. Раевский.

Издатель подчеркнул, что значительная часть корреспонденции опубликована впервые в оригинале. Особенно значимыми являются не только письма крупных чешских политиков, таких как Ф. Палацкий, Ф.Л. Ригер, Ф.А. Браунер, других чешских общественных деятелей, ученых, но и десятки обращений забытых адресантов, которых объединяет одна тема: «стремление установить контакты, получить возможность уехать на восток, реализовать себя в огромной славянской царской империи».

Спецификой издания является то, что письма чехов к Раевскому были дополнены корреспонденцией самого протоиерея, которая хранится в различных фондах Литературного архива в Праге. В частности, здесь были изучены фонды В. Ганки, Ф. Патеры, Е. Валечки, А.И. Вртятки. Объектом исследования стал и фонд Ф.Л. Ригера, который находится в Архиве Национального музея (Archiv Národního muzea). Причем послания отца Михаила буквально встроены в контекст переписки с конкретными авторами (например, Ганка – Раевскому [18. S. 81–98]; Раевский – Ганке [18. S. 98–106]). Бесспорно, включение этого пласта источников является весьма позитивным моментом.

В сборник вошло 808 документов, прежде всего писем. Из них автором 291 был Раевский. 517 писем были адресованы о. Михаилу. При их отборе учитывался масштаб и характер переписки, а также принципы публикации – непременно в полном оригинальном варианте. Между тем в письмах чехов отдельные темы часто повторялись. Определенная часть писем по содержанию была посвящена формальным моментам. Исходя из этих обстоятельств, издатель принял решение о разделении книги на две части. В первую были включены 122 документа, отвечающие определенным критериям. Они посвящены наиболее важным сто-

³ Следует признать, что он оказался прав. Об этом свидетельствует [19].

ронам чешско-русских связей (профессиональных, культурных, политических и личных). В этом массиве можно увидеть и просьбы Раевского об обеспечении пребывания важных для него гостей из России. Здесь же и переписка, связанная с организацией Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в 1867 г., и многое другое. Из 122 документов – 55 писем написаны по-русски, 58 – по-немецки и девять – по-чешски. Все они опубликованы с сохранением лексических особенностей языков середины XIX в., но частично модернизированы с учетом современных грамматических норм. Вторая часть книги представляет собой выстроенный по алфавиту в разной степени развернутый реестр корреспонденции самого Раевского и адресованной Раевскому. Она включает всю доступную на момент подготовки тома переписку в кратком изложении составителя тома, соответственно написанном по-чешски. Объем текста зависел исключительно от содержания письма.

Завершает мегапроект издания материалов архива М.Ф. Раевского [20] вышедшая в 2014 г. книга «M.F. Rajevskij a slováci v 19 storočí» («М.Ф. Раевский и словаки в XIX столетии»). Она не случайно посвящена памяти Владимира Матулы. В четырех крупных собраниях, где хранится наследие Раевского, В. Матула обнаружил 301 письмо от 40 корреспондентов словацкого происхождения. Ученый продолжал работу над их идентификацией, атрибуцией вплоть до 2007 г. После его смерти в 2011 г. ее продолжил М. Даниш. В настоящее время корреспонденция в виде копий из отечественных архивов находится в специальном фонде Литературного архива Словацкой национальной библиотеки в Мартине.

Этот труд вышел благодаря финансовой поддержке Посольства Российской Федерации в Словацкой Республике и общества Collegium historicum. Даниш в аннотации к работе позиционирует ее как монографию, которая посвящена одному из важных моментов словацко-русских отношений в XIX в. Следует признать, что определенные доводы в пользу такой презентации имеются. В отличие от уже рассмотренных публикаций это издание включает помимо краткого предисловия пять материалов (глав) аналитического свойства [20. S. 11–53]. Они предваряют непосредственно блок корреспонденции. Первая студия «М.Ф. Раевский и словацко-русские отношения в 40–80-е годы XIX столетия» перекликается с докладом В. Матулы на Седьмом международном съезде славистов в Варшаве на ту же тему. В нем он широко использовал материалы архива Раевского [21. S. 375–385].

Два материала касаются взаимоотношений Л. Штура и Раевского, рассматривается деятельность Раевского в качестве главы русской православной миссии. В четвертом очерке образ Раевского предстает таким, каким его видел Абель Лукшич (1826–1901). Биографическую статью о Раевском (они были знакомы), он опубликовал в венском журнале «Slawische Blätter» в 1865 г. Лукшич был на тот момент редактором и издателем этого органа печати (он выходил с января 1855 до августа 1866 г.). Следует подчеркнуть, что в книге дан не только перевод текста на словацкий язык, но и его оригинал на немецком языке⁴.

И наконец, завершают этот раздел монографии две статьи, написанные самим Раевским. В них он сформулировал свое понимание и соответственно решение славянского вопроса. Имеется в виду его записка: «Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян» и «Письмо из Вены в редакцию “Паруса”», которое так и не было в нем опубликовано. Как видно, деятельность отца Михаила представлена в разных контекстах, но везде он является центром, доминантой исследования.

Археографическая обработка корреспонденции полностью соответствует принципам, выработанным когда-то применительно к первому тому. Пожалуй, по содержанию этот том и комментарии к нему являются отчасти и уникальными. Эту

⁴ Биография опубликована на русском языке [22].

оценку подтверждает хотя бы такой факт. Документы воспроизведены без всяких сокращений с сохранением всей полноты текста, т.е. без каких-либо изъятий, купюр или авторского изложения содержания. Соответственно приведены и слова обращений с принятыми формулами вежливости. Составитель в каждом конкретном случае указал количество и датировку писем, на каком языке они были написаны, где, когда и кем были уже опубликованы.

Все письма, написанные на иностранных языках, переведены на словацкий язык полностью. Причем переводы соседствуют с оригинальными текстами, что, несомненно, свидетельствует об их качестве. Поражает объем и научно-справочный аппарат. Он подготовлен ученым, обладающим высочайшей профессиональной культурой. В книге содержатся 503 примечания. В конце книги помещено обширное резюме на русском языке, включающее характеристику взаимоотношений словацких культурных и политических деятелей и Раевского и реестр писем словаков к этому православному священнику.

В заключение можно сказать, что все упомянутые в обзоре публикации показывают степень участия М.Ф. Раевского в общей судьбе славян, объясняют причины их неподдельного интереса к русскому православному священнику, олицетворявшему Россию. Несомненно, содержащиеся в них документы помогают раскрыть феномен самого о. Михаила. Вместе с тем они создают фундамент для дальнейших поисков и находок все еще не доступных источников и могут способствовать появлению новых интерпретаций исторического процесса в Центральной Европе и России XIX в. Словацкий ученый В. Матула был уверен, что поисковая работа еще не закончена. По его мнению, во многих личных собраниях может находиться самая разная по жанру корреспонденция самого Раевского. Он также рассчитывал, что исследователи смогут дополнить эти материалы и документами из фондов Синода, которые были недоступны составителям в советские времена. Его предположения вполне реальны. Вероятно, еще не полностью исследованы хранилища АВПРИ. Кроме того, практически не тронуты бумаги графини А.Д. Блудовой, самой конфиденциальной корреспондентки Раевского в 1850-е годы, где помимо писем Раевского могли сохраниться и черновики ее писем к нему, а также письма славян, преимущественно сербов, посланные ей через о. Михаила. Можно пожелать новым исследователям архива М.Ф. Раевского, если таковые появятся, большого терпения и хотя бы части той одержимости, которая характеризовала первых его разработчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матула В.А. Архив М.Ф. Раевского // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.; СПб., 2013.
2. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975.
3. Чуракова О. «Красная тетка царя» // Родина. 2014. № 10.
4. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854–1855). СПб., 1913.
5. Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 188об.
7. Русь. 1884. № 11.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 239. К. 17. Ед.хр. 12.
9. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
10. Шварц И. Донесения австрийских агентов о деятельности М.Ф. Раевского в 1865–1867 гг. (по материалам Австрийского государственного архива) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М., 2013.
11. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М., 2011.
12. Данченко С.И. Издание архива М.Ф. Раевского – пример международного научного сотрудничества 70–80-х годов XX в. // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. М.; СПб., 2013.

13. *Deruga A.* Recenzje. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975.
14. *Повда К.И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50–60-е годы XIX в. Л., 1968.
15. *Југословени и Русија.* Документи из архива М.Ф. Рајевоког. 40–80 године XIX века. Београд, 1989.
16. Русско-словенские отношения в документах. XII в. – 1914 г. М., 2011.
17. *Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského.* Praha, 2006.
18. *Doubek V.* Česká politika a Rusko v korespondenci M.F. Rajevského // *Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského.* Praha, 2006.
19. *Киселькова Н.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811–1884) // Русский православный храм святых апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М., 2007; *Ненашева З.С.* М.Ф. Раевский и Русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.; СПб., 2013.
20. *Daniš M., Matula V.* M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava, 2014.
21. *Matula V.* M.F. Rajevskij a slovensko-ruské vzťahy v 40. – 80. rokoch 19. storočia // Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Literatura – folklor – historie. Varšava 1973. Praha, 1973.
22. *Лукинич А.* Михаил Федорович Раевский // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.; СПб., 2013.

© 2015 г. А.П. БАТУРИН

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКУБСКИЙ – УЧЕНый, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК (1924–2013)

Памяти учителя

В сообщении показан вклад известного российского историка-слависта В.А. Якубского в изучение аграрной истории Польши в Средние века и раннее Новое время.

The study demonstrates the contribution of the famous Russian historian and slavist Vladimir Yakubsky to the exploration of the agrarian history of Poland in the middle ages and early modern period.

Ключевые слова: Речь Посполитая, крестьянский вопрос, аграрная история, Средние века.

Keywords: Rzeczpospolita, peasant question, agrarian history, middle ages

Владимир Александрович Якубский прошел трудный и славный жизненный путь. Родился в 1924 г. в с. Боярка Киевской области. В 1937 г. переехал в Ленинград. Участник Великой Отечественной войны, с марта 1943 г. – по апрель 1945 г. – служил в действующей армии, воевал на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в боях на Сандомирском плацдарме, в Силезии. С боями прошел Польшу и Германию, после тяжелых ранений инвалидом вернулся в Ленинград. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Славы III степени, медалью «За отвагу» и другими медалями. Среднюю школу окончил уже после войны, затем, в 1952 г., исторический факультет Ленинградского государственного университета, кафедру истории Средних веков, где прошел все должностные ступени – от ассистента до профессора.

Якубский автор более 100 научных работ по истории Польши, Чехии, историографии истории славян. В центре внимания Владимира Александровича на всем протяжении его научной деятельности находилась история Польши XV–XVII вв., которой были посвящены кандидатская и докторская диссертации, десятки статей, монографии. Центральной задачей исследований Якубского являлся поиск причин особого пути развития польской и в целом восточноевропейской деревни в переходный период. Не случайно особое внимание ученых привлекают XVI–XVII вв. – время, когда действие барщинных порядков стало отчетливо сказываться на всех сторонах жизни польского, и не только, общества. В чем это действие выражалось, каковы его причины, характер и масштабы? Якубский был одним из первых в отечественной историографии, кто глубоко и всесторонне обратился к исследованию этих вопросов, наиболее полно рассмотренных в полемически заостренной монографии «Проблемы аграрной истории позднесредневековой

Батури́н Алексе́й Петро́вич – канд. ист. наук, доцент Кемеровского государственного университета.

Польши» (1975). Здесь, на основе глубокого и всестороннего анализа комплекса самых разнообразных источников, ученый сделал убедительные выводы относительно путей и методов складывания барщинного фольварка: поглощение доменом пустошей, скупка владений у солтысов, отъем феодалом надела или его части у своего подданного [1. С. 6–7].

Особое место в работе занимает вопрос о причинах, которые привели польскую деревню к барщинно-фольварочной системе. Критически оценивая различные взгляды на данную проблему отечественных и зарубежных исследователей, В.А. Якубский обосновал собственную точку зрения, утверждая, что «корни этого процесса следует искать вне сугубо польских реалий. Как убедил долгий историографический опыт, причины поворота позднефеодальной деревни от чинша к барщине могут быть обнаружены лишь при сравнительном анализе явлений, характерных для всего восточноевропейского региона XV–XVII вв. и, более того, лишь при учете влияния, какое оказывали на регион страны Западной Европы» [2. С. 396–397]. Развивая данный тезис, ученый пришел к выводу признающему первоочередное влияние таких факторов, как повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию на внутреннем рынке и со стороны более быстро капитализирующегося западноевропейского рынка; особое положение и роль в Польше шляхетского сословия и, как следствие, произвол с его стороны по отношению к крестьянству. Свое развитие данный тезис нашел в третьем томе «Истории крестьянства в Европе» (1986) и «Краткой истории Польши с древнейших времен до настоящего времени» (1993). Опираясь на накопленный за многие годы исследовательский материал, ученый пришел к ряду выводов, расширяющих представление относительно причин утверждения барщинно-крепостнической системы хозяйства в странах остальной Европы. По-прежнему признавая в качестве важнейшего фактора влияние западноевропейского рынка, ученый все больше внимания уделял факторам внутреннего порядка, утверждая, что «в странах к востоку от Эльбы общество XV–XVI вв. внутренне еще не было в достаточной мере подготовлено к буржуазной перестройке» [3. С. 237]. Автор отмечал низкую степень урбанизации, незначительную плотность населения, наличие обширных, малонаселенных территорий, обусловивших то, что уходившие из деревень крестьяне, отправлялись не в города, а на эти пустующие земли. В результате демографическое давление, столь необходимое для интенсивного роста городов и промышленности, поддерживалось на нужном уровне лишь в немногих округах. К тому же «население многих округов несло огромный урон от военных действий, эпидемий, голодовок, принявших в XVII в. катастрофические размеры». В силу отмеченного, крестьянство медленно втягивалось в рыночные связи, сильно затруднялся перевод крестьян на денежную ренту, дворянство же настойчиво стремилось поднять свои доходы, которым угрожало обесценивание фиксированной денежной ренты; рыночная конъюнктура этим стремлениям благоприятствовала, а сила правящего класса давала ему известный простор в выборе средств для достижения цели [3. С. 239].

Якубский подчеркивал, что барщинно-крепостнические отношения не были универсальными. Отмечая, что переход к ним проходил не везде одновременно и одинаково, он четко обосновал и изложил типологические характеристики отдельных регионов, в основе которых видел профилирование сельского хозяйства (барщина чаще всего вводилась в регионах, где доминировало хлебопашество); близость к рынкам сбыта; особенности государственной организации (насколько был действенен государственный и вотчинный аппарат принуждения).

Всестороннее изучение глубинных социально-экономических процессов в польской деревне XV–XVII вв. позволило ученому оспорить бытовавшее в послевоенной историографии мнение о том, что уже в XV в. здесь наблюдается фактическое закрепощение крестьян [1. С. 22–23]. С опорой на количественные методы исследования, которым Якубский придавал большое значение [4], им был про-

веден глубокий и всесторонний анализ структуры феодальной земельной собственности, положения различных категорий сельского населения, экономических возможностей польской деревни в XV–XVI вв. Это позволило сделать вывод о достаточно стабильном развитии польской деревни и положении крестьян на протяжении этого времени. Более основательно решение данного вопроса было представлено в соответствующих главах третьего тома «Истории крестьянства в Европе». Здесь, в частности, Якубский, убедительно подверг критике тезис исследователей, ссылавшихся на статуты XV в. как на аргумент в пользу закрепощения крестьян уже в это время, отметив, что «санкционированный законом уход кметя из деревни в течение года таил в себе весьма неприятные для помещика осложнения». «Петрковский сейм, приложив максимум усилий для уменьшения миграции, тем не менее оставил довольно широкою возможность кметского выхода. Малоземельные и безземельные крестьяне к земле и к господину еще не были прикреплены» [2. С. 394–395]. При этом автор выступил также против преувеличения размеров фольварочных земель, отмечая, что «даже в период распада барщинно-крепостнической системы на исходе XVI в., польский фольварк едва ли вышел за границы 15 % всего сельского пахотного ареала» [1. С. 77].

Особо дискуссионной в 50–70-е годы XX в. являлась проблема господства в странах Центральной и Восточной Европы так называемого второго издания крепостного права, степени и характера влияния барщинно-крепостнической системы хозяйства на все стороны жизни общества. При этом проблематика зачастую рассматривалась под углом зрения так называемого кризиса XVII в., относительно которого в полонистике существовали различные, порой самые противоречивые мнения [5–7]. Это касается как характера упадка, так и его степени, причин, следствий, хронологических рамок. К 70-м годам XX в. отчетливо сложились две точки зрения. Сторонники первой, так называемой фольварочной теории, находили в XVII в. глубокий, прогрессирующий социально-экономический кризис, основную вину за который возлагали на господство в стране барщинных порядков. Сторонники второй утверждали, что их оппоненты в значительной степени преувеличивают глубину и прогрессирующий характер социально-экономического упадка XVII в. Якубский первый в отечественной полонистике подверг обоснованной критике «фольварочную теорию», возглавив сторонников второй точки зрения. В монографии «Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши» автор четко обозначил направление дальнейшего исследования проблемы: «Развитие фольварочной системы в Польше XVI–XVII вв. с неизбежностью порождало кризисные ситуации. Вопрос только в том, видеть ли в них признаки бесповоротного упадка или же это были такие потрясения, которые еще не утратившая своей жизнеспособности система умела пережить, адаптируясь к изменяющимся социально-экономическим условиям. Анализ основных тенденций развития позднесредневековой Польши склоняет к выбору второго варианта» [1. С. 103].

Взгляды по данному вопросу Якубский развил в третьем томе «Истории крестьянства в Европе» и «Краткой истории Польши». Опираясь на накопленный за многие годы исследовательский материал, ученый пришел к ряду выводов, заставляющих по-новому взглянуть на проблему. Обращаясь к кризису барщинно-фольварочной системы хозяйства, он четко определил хронологические рамки данного процесса: «Нарастающие с переходом в XVII в. негативные явления, которые были вызваны причинами как внутреннего, так и внешнего порядка, в полной мере проявляют себя в середине XVII в., обозначая тем самым начало новой фазы в развитии польского позднефеодального крестьянства. Столетний отрезок с середины XVII и по 60-е годы XVIII в., бесспорно, самый мрачный в экономической истории Речи Посполитой» [8. С. 257]. Якубский подверг критике бытовавшие в историографии односторонние оценки и гиперболизацию непрерывного и последовательного упадка польской деревни на протяжении несколь-

ких столетий под влиянием фольварочной системы. Он убедительно показал, что глубокий хозяйственный упадок наблюдается лишь на протяжении нескольких десятилетий в середине XVII в. В первой половине, как и в 70–90-е годы столетия, деревня, либо – пусть медленно – но двигалась вперед, либо, по крайней мере, не скользила вниз, не деградировала. Среди комплекса причин, определявших упадок, на первом месте стояли войны и другие сопутствующие им факторы. Если бы социально-экономический упадок деревни был обусловлен преимущественно действием изживающей себя фольварочно-барщинной системы, то ни во второй половине XVII в., ни в XVIII в. ничего, кроме окончательного разорения деревни и всей экономики страны, ждать бы не приходилось. Однако, как показали исследования Якубского, пострадавшая от сильнейших военных разрушений середины XVII в. деревня в рамках той же системы отношений нашла в себе силы к восстановлению и дальнейшему развитию. А это отнюдь не говорит о том, что фольварочно-барщинная система хозяйства исчерпала все свои потенциальные возможности.

Творческие, новаторские методы профессора Якубского нашли отражение также в его обращении к широким, общеисторическим проблемам. Примером может служить его участие в набиравшей силу с конца 1990-х годов (и не прекращающейся до настоящего времени) дискуссии о феодализме. Свою позицию, как относительно дефиниций «феодализм», «феодальный способ производства», так и его содержания, ученый выразил в статье «К спорам о феодализме», написанной в соавторстве с Г.Е. Лебедевой. Анализируя характеристики феодализма в историографии конца XIX–XX вв., авторы замечают, что «Общий контур этого социокультурного явления, изученного главным образом на западноевропейском материале, не вызывает больших разногласий. Ясно, что здесь речь идет о специфической сословно-классовой структуре, характерной для аграрного по своей природе и ведущего по преимуществу натуральное хозяйство коллектива» [10. С. 101]. В статье дана критическая оценка советской историографии, где крепостничество, по мнению авторов, интуитивно или осознанно понимаемое на российский манер, без всяких оговорок было включено в общепринятую в СССР дефиницию феодализма» [10. С. 103]. В работе подчеркивается, что основная проблема связана не с хронологией, которая была в конце-концов приведена в соответствие с общепринятой в мировой науке, а с содержательной стороной феодальной общественной системы. В данном контексте ученый привел собственные представления относительно таких ранее общепринятых составляющих феодальной системы, как господство крупной феодальной земельной собственности, внеэкономическое принуждение, господство натурального хозяйства. Так он считал, что «внеэкономическое принуждение в той или иной мере присутствовало на всех стадиях развития общества [...], хотя этот фактор оказывался особо весомым при феодализме» [10. С. 104]. Говоря о механизме взаимодействия различных форм социально-экономической организации социума, автор подчеркивал, что «наряду с земельными держаниями феодального образца, существовали и иные формы, начиная от целиком натурального, замкнутого в себе крестьянского аллодиального владения как наследия догосударственного быта, и вплоть до основанного на наемном труде и работающего на рынок хозяйства вполне буржуазного типа» [10. С. 104–105]. Вывод авторов, принимающих за основу цивилизационный подход к пониманию феодализма, однозначен – «феодализм в его классическом выражении явление локальное, присущее европейской цивилизации» [10. С. 105–106].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975.
2. Якубский В. А. Крестьянство Чехии и Польши в XV в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма.

3. Якубский В.А. Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.
4. Якубский В.А. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.
5. Якубский В.А. Некоторые проблемы медиевистики в трудах историков Польской Народной республики (1945–1959) // Средние века. 1960. Т. 18.
6. Якубский В.А. Про основну тенденцію в соціально-економічному розвитку пізньофеодальної Польщі. Огляд радянської історіографії // Українське слов'янознавство. Львів. 1975. Вып. 12.
7. Батурич А.П. Изучение аграрной истории Польши XVII в. в советской историографии второй половины 40–50-х гг. XX в. / История и историки. М., 1979.
8. Якубский В.А. Польское крестьянство в XVI – середине XIX вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.
9. Краткая история Польши. С древнейших времен до настоящих дней. М., 1993.
10. Лебедева Г.Е., Якубский В.А. К спорам о феодализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. История. Вып. 2.

© 2015 г. С.Э. КЭНДЗЁРА

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Статья посвящена исследованию деятельности Комиссии историков России и Польши на рубеже XX и XXI вв. Рассмотрены ключевые проекты и важнейшие конференции, организованные Комиссией в данный период. Представлен вклад ее руководителей в развитие польско-российских научных связей.

The article is devoted to the study of the activities of the Commission of historians of Russia and Poland at the turn of XX and XXI century. It considers key projects and major conferences organized by the Commission in this period. It also presents the contribution of its heads to the development of the Polish-Russian scholarly cooperation.

Ключевые слова: Комиссия историков России и Польши, научное сотрудничество, польско-российские связи.

Keywords: Commission of historians of Russia and Poland, scholarly cooperation, Polish-Russian relations.

Комиссии историков России и Польши принадлежит видное место в структуре российско-польского научного сотрудничества. Учреждение проверено временем – со дня основания в 1965 г. Комиссия не прерывала работы, несмотря на политические события и экономические проблемы, имевшие место в России и Польше на рубеже прошлого и нынешнего веков. Регулярно проводились научные конференции, выходили в свет очередные труды. Комиссия неизменно играла важную роль в организации и проведении многих российско-польских научных форумов, в реализации совместных проектов.

Начиная с 1960-х годов главной задачей Комиссии историков было согласование ученых обеих стран общих методологических принципов исторического исследования, а также выработка общего подхода к изучению исторического развития Польши и России на всем его протяжении на основе теории эволюции и смены общественно-экономических формаций. Однако на рубеже 1980–1990-х годов, в период кардинальной трансформации социально-политических систем и государств в Центральной и Восточной Европе работа Комиссии стала в большей степени ориентироваться на исследование непосредственного исторического взаимодействия России и Польши. С этого времени на проводимых Комиссией конференциях ученые начинают обращаться к темам, связанным со спецификой исторического развития России и Польши, уделять внимание сравнительному изучению особенностей исторического развития каждой из двух стран в сопоставлении друг с другом и в общеевропейском контексте. Обращаются они и к так называемым трудным вопросам российско-польских отношений и к рассмот-

Кэндзёра Светлана Эдуардовна – аспирантка Казанского (Приволжского) федерального университета.

рению подходов к ним историков двух стран [1. С. 34]. С начала 1990-х годов деятельность Комиссии начала все более концентрироваться на изучении конкретных исторических проблем, которые по политическим причинам не могли изучаться в советский период [1. С. 35], а также на глубоких исследованиях связей России и Польши в различных сферах общественной жизни и в различные исторические периоды.

С момента учреждения Комиссии в 1965 г. в нее входили ученые – ведущие специалисты своего времени, занимающиеся историей и культурой России и Польши как из Российской и Польской академий наук, так и из ведущих университетов обеих стран. Возглавляли ее известнейшие историки, такие как выдающиеся специалисты по истории раннего Средневековья и археологии Восточной Европы Хенрык Ловмянский и Б.А. Рыбаков, известные исследователи истории новейшего времени Людвик Базылев и Ю.С. Кукушкин, историки права Юлиуш Бардах и Я.Н. Шапов, один из выдающихся польских специалистов по истории Польши и России XIX в. Виктория Сливовска и видный историк-славист, специалист в области международных отношений в Центральной и Восточной Европе XX в. В.К. Волков. В настоящее время работой комиссии руководят профессор Лешек Заштовт (директор Института истории науки ПАН) и академик РАН Н.А. Макаров (директор Института археологии РАН) [2. С. 32].

За два последних десятилетия в изучении российско-польских научных связей новейшего времени наметился значительный интерес к изучению архивных фондов научных учреждений [3]. Думается, что своего исследователя еще ожидает и архив Комиссии историков. Я имела возможность обратиться к документам польской части Комиссии, хранящимся в Варшаве в Институте истории науки ПАН, периода работы Комиссии 1986–2008 гг. под руководством профессоров Ю. Бардаха и В. Сливовской [4], возглавлявших польскую часть Комиссии в сложные для обеих стран времена. Именно в эти годы сформировался новый облик Комиссии, были выработаны новые принципы ее деятельности, определены новые направления в ее работе.

Одной из характерных новых черт, возникших с началом сопредседательства Бардаха и Сливовской, стало расширение хронологических рамок проводимых исследований. Тщательному изучению были подвергнуты как эпоха становления российского и польского государств, так и период зрелого Средневековья, а также Новое время. Тематические рамки включали изучение узловых исторических проблем, исследование сложных вопросов российско-польских отношений и так называемых белых пятен в общей истории двух государств.

Данные нововведения были апробированы временем, и сегодня комиссия продолжает работу, придерживаясь вышеназванных принципов. Важным достижением Комиссии в это время был выработанный подход в проведении синтетических исторических исследований, когда избранная крупная научная проблема рассматривалась на протяжении последовательного ряда крупных периодов в течение сменивших друг друга исторических эпох. Преимущество этого подхода, заключающееся в том, что рассматриваемая историческая проблема изучалась в широком социально-политическом, культурном и историографическом контексте.

Работа В. Сливовской в составе Комиссии оценивается ее коллегами очень высоко [5. С. 9]. В течении многих лет она не только выступала в качестве организатора в вопросах подготовки к публикации сборников документов и проведении конференций, но и являлась их активным участником: выступала с докладами на конференциях, являлась модератором дискуссий и «круглых столов», публиковала собственные работы, осуществляла редактуру. В личном архиве Сливовской [4], посвященном работе Комиссии, сохранилось множество рукописей статей, отредактированных ее рукой или с ее комментариями, а также с рекомендациями, кому из специалистов направить конкретную работу на рецензирование. Склады-

вается впечатление, что ни одна публикация, так или иначе относящаяся к изданиям и конференциям Комиссии, не осталась без внимания Сливовской.

В архивном фонде комиссии сохранилось большое количество писем, направленных Сливовской как польскими коллегами, так и из-за рубежа. Большая часть иностранной корреспонденции поступила из России. Эти письма только с трудом и условно можно разделить на деловые и личные, так как их большинство естественно содержат в себе черты и того, и другого. К примеру, в письме Б.В. Носова (заместителя председателя российской части комиссии), написанном 9 февраля 2001 г. в Москве, поднимаются вопросы о документообороте Комиссии историков, об издании некоторых публикаций, связанных с проведенной конференцией, а также содержится информация личного характера о состоянии дел, здоровье родных, общих знакомых и коллег. Письма часто содержат просьбы к Сливовской дать рекомендации по тем или иным научным и организационным вопросам. Среди ее корреспондентов были члены комиссии с российской стороны – члены-корреспонденты РАН Я.Н. Щапов, В.К. Волков, Б.Н. Флоря, А.Н. Сахаров, а также Н.И. Щавелева, Б.В. Носов, Л.П. Марней, И.И. Шарифжанов, Л.Е. Горизонтов, С.М. Фалькович, А.Л. Хорошкевич, видные ученые историки-полонисты: В.А. Дьяков, О.П. Морозова, филологи Б.Ф. Стахеев, В.А. Хорев, А.И. Рейтблат и многие деятели культуры, литературы и искусства, сотрудники архивов и библиотек. К сожалению, в данном архиве не сохранились ее ответные письма. Однако содержание входящей переписки свидетельствует о достаточно информативном диалоге, о широком спектре разнообразных научных связей Комиссии историков и ее руководства с российскими учеными, об их впечатляющей географии от Литвы, Белоруссии и Украины до российского Дальнего Востока. Как правило, российские коллеги обращались к Сливовской на русском языке, в редких случаях – на польском. Значению сохранения и изучения корреспонденции новейшего времени как ценнейшего исторического источника Сливовска посвятила специальный доклад на конференции Комиссии историков «Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше)», проходившей в рамках «Дней польской науки в России» в июне 2008 г. [6].

География деятельности В. Сливовской не ограничивалась столицами. Она поддерживала систематические связи и часто встречалась с историками, архивистами, краеведами и членами национально-культурных обществ в ряде городов России, которые в XIX в. были провинциальными центрами, а их история была связана с польской ссылкой, с поляками – участниками освободительного движения. Путешествия позволили открыть новые исторические источники, а также расширить научные связи, которые стимулировали разработку польской тематики на местах, в региональных научных и университетских центрах России. Профессор Казанского университета И.И. Шарифжанов в письмах к В. Сливовской восхищался ее заботами о расширении российско-польских научных связей – поездками на Ангару, Байкал, в Якутск, Томск, Архангельск и другие российские города. В. Сливовска дважды побывала в Казани. Это произошло в связи с тем, что в начале 1990-х годов Комиссия начала активно развивать исследования, посвященные общественно-политическому и культурному взаимодействию России и Польши, в частности польскому и русскому (выходцам из России) населению в обеих странах соответственно. В рамках изучения названной проблематики в 1992 г. в Казани Комиссией историков была проведена Международная научная конференция «Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.)». По мнению академика ПАН Ю. Бардаха, возглавлявшего тогда польскую делегацию, «Казань оказалась именно тем местом, которое наиболее соответствовало тематике конференции» [7. С. 66]. Материалы конференции были изданы в 1995 г. в Варшаве, а затем отдельным томом на русском языке. Такого уровня форум историков-полонистов состоялся в Татарстане впервые.

Он положил начало активному научному сотрудничеству Казанского университета с польскими научными организациями. Тема ссылки получила продолжение в рамках следующей казанской конференции, «Польская ссылка в России XIX–XX вв.: региональные центры» (1997). Ее сопредседатели – И.И. Шарифжанов и В. Сливовска – подчеркнули, что «конференция способствовала повышению эффективности исследований по польско-российской тематике в российских регионах и оказала существенную помощь в составлении компьютерной базы данных о ссылке на поляках» [8. С. 3]. Успешное развитие исследований в этой области способствовало улучшению координации и сотрудничества историков двух стран в вопросах изучения истории российско-польских взаимоотношений в XIX–XX вв. Следует отметить, что Комиссия историков России и Польши внесла существенный вклад в разработку указанных проблем в рамках Соглашения о сотрудничестве между Российской и Польской академиями наук (1993), тематическими протоколами к которому, начиная с 1996 г., была предусмотрена тема «Поляки в Российской империи и в Советской России XIX–XX вв.», разработка которой осуществлялась Институтом славяноведения РАН и Институтом истории ПАН под руководством С.М. Фалькович и В. Сливовской.

Среди важнейших проектов и начинаний в работе Комиссии в рассматриваемый период следует также назвать организацию ряда научных конференций на тему «Польская и российская историография», проходивших в Варшаве и Кракове в 1995, 1999, 2000, 2003 гг. Комиссия историков приняла активное участие в проведении крупнейших российско-польских форумов «Дни польской науки в России» (2001 г. и 2008 г.) и «Дни российской науки в Польше» (2004 г. и 2011 г.). Основные мероприятия прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Кракове, а также других научных центрах России и Польши. Центральное место заняли совместные заседания президиумов Российской и Польской академий наук и торжественное подписание очередных, возобновляемых каждые три года протоколов к Соглашению о научном сотрудничестве РАН и ПАН. В программу «Дней...» входил и торжественный акт награждения лауреатов премии двух академий, присуждаемых за выдающиеся достижения в совместных научных исследованиях. Представитель Комиссии историков неизменно входил в состав российского оргкомитета «Дней...». В их рамках Комиссия организовывала научные конференции, заседания и выставки. Например, в 2001 г. состоялось заседание Комиссии историков России и Польши, научная конференция на тему «Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.» и семинар «Россия и Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре». К «Дням...» в 2008 г. совместными усилиями ученых ПАН и РАН были подготовлены научная конференция «Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше)» и выставка «Польские исследователи Сибири». На «Днях российской науки в Польше», состоявшихся в 2004 г., проходили конференции «Польша и Россия: проблемы развития государственности X–XX вв.» (подготовленная Институтом российской истории РАН) и семинар «Россия и Польша в европейской истории и культуре» (подготовленная Институтом славяноведения РАН). И в том и другом случае значительный вклад в работу конференций внесли ученые – члены Комиссии. В 2011 г. Комиссия провела конференцию «Академии наук Польши и России, университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки», результаты которой были высоко оценены ее участниками [9. С. 295]. После завершения конференции на совместном заседании российской и польской частей Комиссии состоялось обсуждение различных организационных вопросов, которое показало, что комиссия обладает значительным потенциалом для дальнейшей работы, что в сотрудничестве в рамках комиссии и по ее проектам в равной мере заинтересованы как российская, так и польская стороны. В частности, обсуждался вопрос о сроках и регламенте

проведения очередной научной конференции в Москве в 2015 г. на тему: «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии», которое посвящается 50-летию Комиссии историков России и Польши.

Одним из важнейших и наиболее плодотворным научным проектом российско-польского научного сотрудничества, начиная с рубежа 1950–1960-х годов, стало изучение истории и публикация источников Январского восстания 1863 г., повстанческой борьбы поляков 1863–1864 гг. Активным участником этой работы была В. Сливовска. С ее приходом в Комиссию повстанческая проблематика, судьбы участников восстания, проблемы исторического наследия восстания в памяти народов, в общественной мысли и в историографии стали занимать одно из видных мест. На эту тему Комиссией был организован ряд конференций в Варшаве, в Кельце, в Москве, в том числе «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши» в Москве в сентябре 2013 г., посвященная 150-летию Восстания.

Говоря о расширении тематики работы Комиссии, можно указать на ряд примеров новаторского подхода к выбору исследовательских проблем, к которым ранее не обращались ни польские, ни российские исследователи. Одной из таких проблем стали взаимоотношения столичных центров, воплощавших верховную власть и политическую централизацию, с одной стороны, и земское, провинциальное начало – с другой, что в исторической памяти нередко связывалось с идущими снизу общественными устремлениями. Этой проблеме было посвящено одно из наиболее значительных мероприятий Комиссии 2000-х годов – международная научная конференция «Столица и провинция в истории России и Польши», проходившая в 2005 г. в Москве под патронажем мэра и правительства Москвы. На конференции были представлены доклады, отразившие ряд проблемных комплексов, начиная хронологически от Средних веков – и до наших дней. Среди них, к примеру, вопросы политической и идеологической роли столичных центров X–XVI вв., проблемный комплекс, связанный с эпохой разложения в России и Польше сословного строя, вопросы о начале формирования буржуазных наций в первой половине XIX в., социальные, экологические, демографические проблемы столичных и провинциальных центров XX в., а также вопросы взаимодействия современных технологий с городской средой [10. С. 104]. Примером развития Комиссией историков новых тем и направлений исследования мог бы стать крупный международный проект «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.», осуществляемый Комиссией историков совместно с рядом российских, польских и германских университетов и фондов (в частности Фонда Фридриха Эберта и Фонда Макса Вебера). В рамках этого проекта была организована серия международных научных конференций совместно с Германским историческим институтом. В Москве в 1994 г. состоялась первая конференция в рамках данной тематики, следующая была проведена в Смоленске в 2001 г. Третья конференция состоялась в Пскове в 2007 г. и носила название «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре». Ее соорганизаторами выступили Институт славяноведения РАН, Псковский государственный педагогический университет, Смоленский государственный университет [11]. Конференция была посвящена анализу обширного круга вопросов, касающихся исторического взаимодействия народов России, Германии, Польши в Новое и новейшее время в широком общеевропейском культурном и политическом контексте. Очередная конференция из этой серии была подготовлена Комиссией историков совместно с Институтом славяноведения РАН, Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Германским историческим институтом в Москве. Международная научная конференция «Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества» прошла в Казани в 2010 г. На ее заседаниях обсуждались проблемы, связанные с изучением политики и дипломатии Нового

и новейшего времени, процессы взаимодействия культур и цивилизаций, научных и культурных связей, развития исторической науки и историографии, а также вопросам развития германо-польско-российских отношений в XXI в.

Комиссия историков России и Польши не ограничивается только иницированными ею самой конференциями и проектами. Члены комиссии широко представляют ее в других научных центрах как в рамках Российской и Польской академий наук, так и за их пределами в научно-исследовательских учреждениях и университетах. Можно отметить участие членов Комиссии в ряде важных конгрессов. К примеру, в проводимом поочередно в Москве и в Кракове Международном научном конгрессе «Польша – Россия. Трудные вопросы. Три нарратива: история, литература, фильм», посвященном проблемам формирования и функционирования нарративов национальной идентичности и образов коллективной памяти в различных формах их репрезентации. Члены Комиссии (А.М. Орехов, И.С. Яжборовская) входят в состав специальной двусторонней комиссии «по трудным вопросам» при министерствах иностранных дел России и Польши.

Комиссия историков России и Польши, сознавая важность взаимодействия с информационным пространством, активно участвует в проведении специальных выставок, конференций, семинаров и циклов докладов, публичных лекций и выступлений, радиопередач, теле- и радиомостов по актуальным вопросам истории России и Польши, по проблемам польской внешней и внутренней политики, а также российско-польских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Носов Б.В.* Комиссия историков России и Польши в научной и общественной деятельности Виктории Сливовской // *Clio Moderna*. 2011. Вып. 8.
2. *Фалькович С.М.* 35 лет Комиссии историков России и Польши // *Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М., 2003.
4. Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше). М., 2011; *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* Warszawa, 2013.
5. *Komisja Historyków Polski i Rosji*. Prof. W. Śliwowska // *Archiwum Instytutu Historii Nauki PAN*. Teczka 4.
6. *Шарифжанов И.И.* Профессор Виктория Сливовская – «наша любовь» // *Clio Moderna*. 2011. Вып. 8.
7. *Макаров Н.А., Носов Б.В.* Предисловие // *Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы.* (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше). М., 2011.
8. *Синицын В.О.* Научное сотрудничество историков России и Польши: казанский опыт // *Университетские округа России: глобальные и региональные аспекты развития российского образования.* Казань, 2009.
9. *Шарифжанов И.И., Сливовская В.* Предисловие // *Политическая ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры.* Казань, 1998.
10. *Zasztowt L.* Komisja historyków Polski i Rosji 2011. Sprawozdanie z konferencji: «Akademie Nauk Polski i Rosji, uniwersytety, wyższe uczelnie, zakłady i towarzystwa naukowe: Polsko-Rosyjskie relacje w sferze nauki. Warszawa – Pułtusk, 17–21 października 2011 r.» // *Kwartalnik historii nauki i techniki.* 2012. № 3–4.
11. *Носов Б.В.* Международная научная конференция «Столица и провинция в истории России и Польши» // *Славяноведение.* 2006. № 5.
12. *Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре.* М., 2009.

«ПЕТЛЮРОВСКАЯ АРМИЯ ... ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ДОСТАТОЧНО БОЕСПОСОБНОЙ» УКРАИНА 1919 ГОДА ГЛАЗАМИ ДЕНИКИНСКИХ ГЕНШТАБИСТОВ

Публикация включает прежде неизвестные донесения офицеров, перешедших из украинских формирований в Вооруженные силы на Юге России генерала А.И. Деникина о состоянии армии Украинской народной республики. Документы выявлены в Гуверовском архиве в США и вводятся в научный оборот впервые.

The publication deals with earlier unknown reports of the officers who turned sides from the Ukrainian units to General Denikin's Armed Forces in the South of Russia. They estimate the state of the Army of the Ukrainian People's Republic. The documents are found at the Hoover Archives in the United States and are published for the first time.

Ключевые слова: Гражданская война, Украинская народная республика, С.В. Петлюра, Вооруженные силы на Юге России.

Keywords: Civil War, Ukrainian People's Republic, Simon Petlyura, Armed Forces in the South of Russia

Революция и Гражданская война 1917–1922 гг. привели к расколу офицеров русской армии, в основном, на три лагеря – красный, белый и национальный. События на Украине в 1918–1920 гг. отличались особенной сложностью и противоречивостью. После крушения режима гетмана П.П. Скоропадского и окончания сравнительно спокойного, мирного периода существования Украины начался массовый отток офицеров русского происхождения из украинских формирований, усугублявшийся антиофицерским террором и преследованиями. Офицеры бежали, прежде всего, к белым и к красным, некоторая часть эмигрировала. Наибольшую остроту приобрели противоречия между красными и белыми, тогда как национальный лагерь, как показали события 1919 г., вел переговоры и даже заключал соглашения с основными противоборствующими сторонами Гражданской войны. Тогда прошли переговоры между командованием армии Украинской народной республики (УНР) и Украинской галицийской армии (УГА) с белыми,

Ганин Андрей Владиславович – д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1912 гг.)».

завершившиеся в последнем случае заключением Зятковского договора 6 ноября 1919 г. и переходом УГА на сторону белых. Однако руководство УНР во главе с С.В. Петлюрой параллельно вело переговоры с Москвой, по всей видимости, о совместной борьбе против белых. Вел Петлюра переговоры и с поляками. Как видно, руководство двух украинских армий делало ставку на различные военно-политические силы российской Гражданской войны и даже на внешние силы. Разумеется, подобные действия не способствовали укреплению украинских национальных армий и повлияли на исход их борьбы.

Массовый переход представителей командного состава, в том числе высокопоставленных и квалифицированных офицеров-генштабистов, из украинских армий к красным или белым способствовал детальному информированию белого и красного командования о положении дел на Украине. Генштабисты по дореволюционной привычке составляли обстоятельные доклады как о политическом устройстве Украины, настроении населения, так и о состоянии украинских вооруженных сил. В некоторых случаях доклады сопровождались подробными схемами. Удалось выявить несколько таких документов, которые представляют немалый интерес для исследователей событий 1919 г.

Первый доклад касается событий в Бессарабии и Херсонской губернии. Автор документа – молодой (в 1919 г. ему было 28 лет) капитан Дмитрий Александрович Гебель. Он окончил младший класс Императорской николаевской военной академии в 1914 г., а старший класс закончил уже в рамках первой очереди ускоренных курсов в 1917 г., в июне того же года был причислен, а в сентябре переведен в Генштаб. Гебель был офицером лейб-гвардии Егерского полка, владел французским, немецким и немного английским языками. Участвовал в Первой мировой войне, причём в 1916 г. был награжден Георгиевским оружием. После академии некоторое время состоял в распоряжении военной комиссии Государственной думы. Затем проходил службу на должностях Генерального штаба, как старший адъютант штаба XXXVI армейского корпуса и начальник штаба 25-й пехотной дивизии на Румынском фронте. Гебель был женат на баронессе Софье Константиновне Врангель – сестре милосердия Александровской общины Красного Креста [1].

В Гражданскую войну судьба офицера сложилась непросто. В 1918 г. он находился на службе в гетманской армии на Украине в чине сотника, состоял при штабе германских оккупационных войск в Киеве (в городе жили его родственники) [2. С. 531]. Помощник начальника оперативного отделения (должность, которую вполне мог занимать генштабист) штаба советского Южного фронта Гебель в конце 1918 г. фигурирует среди лиц, причастных к белогвардейским организациям штаба Южного фронта, но признанных невиновными [3]. Но в 1919 г., если верить докладу Д.А. Гебеля, он прослужил у красных только три месяца, с мая по июль, после чего перешел на сторону белых. В том же 1919 г. Д.А. Гебель скончался.

Авторство второго документа принадлежит одному из штаб-офицеров – генштабистов, перешедших из украинских формирований на сторону белых. Скорее всего, в силу осведомленности об организации штаба Надднепрянской армии, этот офицер в нем и служил (вполне вероятно, по военным сообщениям, которым в документе уделено повышенное внимание). При этом его представления о Галицийской армии носят характер внешнего свидетельства.

При анализе доклада необходимо учитывать, что одной из целей автора была демонстрация антибольшевизма украинских армий, их близости и лояльности белым. Подобная подача информации должна была способствовать более сочувственному отношению к перебежчику в войсках и штабах генерала А.И. Деникина, при том, что отношение к офицерам-перебежчикам от красных или из национальных армий в Вооруженных силах на Юге России (ВСЮР) отличалось сильной нетерпимостью. Докладчик всячески пытался приуменьшить радика-

лизм антироссийских настроений и политизированность украинских формирований. Так, он отмечает, что шовинистические взгляды разделяла лишь узкая группа украинских политических деятелей, тогда как настроения армии были более умеренными. Подобные суждения нуждаются в проверке. Во всяком случае, в разведывательный отдел штаба главнокомандующего ВСЮР осенью 1919 г. поступала и иная информация. Так, например, начальник киевского пункта разведывательного отдела сообщал в секретном докладе под названием «Петлюровщина» по инстанции 10(23) сентября 1919 г.: «После неудачной попытки прийти к желательному для украинцев соглашению с командованием Юга России Петлюра вынужден был заменить галицийские части своими, так как первые проявляли определенное нежелание драться с войсками генерала Деникина. Этим и объясняется, что корпус сечевых стрельцов с польского фронта направлен к Житомиру – Радомысл, на смену II Галицийскому корпусу. То же самое III Галицийский корпус заменен частями гайдамацкими и запорожскими. О снятии I Галицийского корпуса пока сведений нет, возможно, что он является наиболее надежным в этом отношении, кроме того, он, по-видимому, служит армейским резервом этой группы [...] оттяжкой своих частей Петлюра хотел дать дорогу Уманской группе большевиков, и направить ее на Киев. В этом отношении расчеты Петлюры не оправдались [...] по-видимому, силы Петлюры тают. С одной стороны галичане не хотят драться с “Русскими войсками”, с другой стороны, русско-украинские части склонны к большевизму» [4. Вох 40. Ф. 8]. Отмечалось отсутствие дисциплины в частях Надднепрянской армии («внешне и по укладу жизни части этой армии весьма напоминают плохие части красных» [4. Вох 40. Ф. 8] при развитии самостоятельного течения и враждебности белым. Однако офицерство действительно, в основном, эти взгляды не разделяло и стремилось в галицийские части.

Автор критически оценивает деятельность правительства С.В. Петлюры. Доклад характеризует тяжелое материальное положение украинских войск, их необеспеченность самым необходимым – одеждой и снаряжением.

В том же деле имеется секретный рапорт начальника киевского пункта разведывательного отдела штаба главнокомандующего ВСЮР капитана Осипова начальнику отдела, датированный 10 (23) октября 1919 г.: «При сем представляю 2 схемы: 1) Схема центрального военного управления Украины, 2) Схема организации командования петлюровскими армиями» [4. Вох 38. Ф. 7]. К сожалению, представляется затруднительным определить, относятся ли именно эти схемы к тем, на которые даны ссылки автором доклада. Сами схемы составлены капитаном Осиповым и датированы 1 (14) октября 1919 г.

Оба публикуемых документа хранятся в Гуверовском архиве в США в коллекции генерала П.Н. Врангеля и публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1568. Л. 9–13об.; Д. 1575. Л. 61.
2. *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1.
3. Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
4. Hoover Institution Archives. Vrangell collection.

Документ 1. Доклад Генерального штаба капитана Д.А. Гебеля начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. 8 (21) августа 1919 г.

Генерального штаба
капитан Гебель
8 августа 1919 года
№ 10
Гор. Таганрог

Начальнику разведывательного отделения
штаба главнокомандующего
Вооруженными силами на юге России

Доклад

После демобилизации 25ой пех[отной] дивизии, начальником штаба которой я состоял, летом 1918 года на Румынском фронте, я остался в гор. Тирасполе на должности преподавателя местной гимназии. 20 апреля 1919 года при занятии города Тирасполя украинскими большевиками я был ими мобилизован и назначен на должность помощника начальника штаба 5ой украинской советской дивизии. Прослужив три месяца (май, июнь и июль^a 1919 года) в Украинской советской армии, которую я покинул в конце июля, воспользовавшись крестьянским восстанием, я имею возможность доложить мои наблюдения об организации и настроении Украинской Красной армии.

5^я Украинская советская стрелковая дивизия формировалась в мае 1919 года на Украине из партизанских отрядов, поднявших восстание сначала против гетманской власти, а затем и против правительства Петлюры. Партизаны эти, хотя были очень плохо одеты и снабжены, действовали с большим воодушевлением против петлюровцев и собирались наступать на Бессарабию с целью отвоевания Бессарабии от румын.

Эта цель была очень популярна среди партизанов. Однако недостатки снабжения и полное отсутствие мостовых средств не позволили им повести наступление на Бессарабию.

Партизанские отряды были переформированы в полки, получившие названия по своим городам: Ананьевский, Балтский, Знаменский.

Полки были трехбатальонные – девятиротного состава. Боевой состав их был различный, но доходил от 800 чел. до двух тысяч человек в полку.

Командный состав был из случайных партизанов, более предприимчивых и популярных. Добровольно поступивших офицеров было очень мало; некоторых бывших офицеров, особенно бессарабцев, могла привлечь идея борьбы с румынами за Бессарабию. Все находившиеся на Украине бывшие офицеры были мобилизованы и посылались в полки и в штабы, где назначались на должности, но по-видимому встречались партизанами с недоверием.

Организация Красной армии согласно штатам книги 220, на мой взгляд, отвечает всем требованиям полевой войны и опыту минувшей кампании. Однако штаты эти совершенно не соответствуют средствам, которыми располагали руководители Советской Украины. Так, например, штаты артиллерии пришлось сократить до минимума, а именно – по два орудия в гаубичной батарее и по две батареи в дивизионе, а всего три легких, один гаубичный и один тяжелый дивизионы на стрелковую дивизию, а всего 36 легких полевых 3^м орудий, 4 легких гаубицы и 4 тяжелых орудия. Однако даже и по этому штату тяжелой артиллерии в украинских дивизиях не имелось.

Штаты штабов и управлений разработаны очень полно, особенно отдел снабжения дивизии, созданный по образцу управлений начальника снабжения фронта

^a Здесь и далее подчеркнуто в тексте.

прежней армии. Однако недостаток специалистов сводит на нет преимущества этой организации.

Армия ощущала острый недостаток в обуви и обмундировании. Пока велась партизанская война, партизаны соглашались сражаться босыми и плохо одетыми, но когда их переформировали в регулярные части и дали им номера полков, они стали требовать полного снаряжения и снабжения, чего их вожди им дать не могли.

Настроение войск стало заметно понижаться. На румын, против которых они желали сражаться, их не двигали вперед; на так называемом внутреннем фронте, то есть для подавления крестьянских восстаний, они сражались неохотно. В июне, когда пришло приказание о переброске на левый берег Днестра, против Добровольческой армии, полки выражали большое неудовольствие, митинговали и даже отказывались. Причина этого – нежелание покидать свою родную губернию и страх перед Добровольческой армией. Командный состав разделял это настроение.

Настроение крестьян Херсонской губернии можно охарактеризовать как пассивное, а иногда и активное сопротивление всякой власти, покушающейся на крестьянский хлеб и на мобилизацию людей и лошадей.

Общее настроение крестьян – это ненависть к коммуне, в которой они справедливо видят новый способ эксплуатации их труда и хлеба в чужую пользу.

Таким образом, комиссары и так называемые политические работники не находят поддержки в крестьянах. Но наряду с этим крестьяне называют себя «большевиками» и говорят, что они стоят «за советскую власть, но без коммуны». Это настроение вполне разделялось всеми красноармейцами, среди которых коммунизм очень непопулярен. Вместе с тем и шовинистическая пропаганда украинского сепаратизма не находила себе сочувствия ни среди крестьян, ни среди красноармейцев. Авантюристы, подобные Григорьеву и Казакову, выступали с самостоятельными тенденциями, но выставляли, главным образом, лозунг избиения евреев, разжигая самые низменные инстинкты толпы. Еврейские погромы совершались с большими жестокостями. Так, в Елисаветграде в мае григорьевцами было избито до четырех тысяч евреев и разгромлен город, причем случайно пострадали, конечно, и русские жители.

II

В июле стали обнаруживаться признаки разложения как Красной армии, так и всей системы Советского управления.

Недостаток технических средств принудил вместо дальнейшего развертывания и формирования армии начать свертывание и переформирование фронта в армию, армии в дивизию и дивизии в бригаду. Началась переброска войск на левый берег Днестра против Добровольческой армии. При этом обнаружилось полное расстройство железнодорожного транспорта и острый недостаток подвижного состава. Составы, перевозившие войска в левобережную Украину, назад не возвращались, так что правобережная Украина осталась почти без вагонов.

Самый острый вопрос был недостаток топлива, который угрожал полной остановкой железнодорожного движения. В связи с этим прекратилось снабжение населения продуктами, которые ранее подвозились, например, соль.

В управлении Красной армии сказанся результат многовластия – большого числа неподчиненных друг другу инстанций. Так, например, в городе Александрии одновременно действовало одиннадцать инстанций: 1) начальник гарнизона, 2) комендант города, 3) командир бригады, 4) штаб командующего внутренним фронтом, 5) начальник обороны тыла армии, 6) чрезвычайный комиссар обороны Украины, 7) военный комиссар, 8) военный руководитель, 9) исполком, 10) чрезвычайка, 11) высший инспектор от киевского правительства.

В отношении к крестьянам замечалась полная растерянность власти – то старались запугать крестьян репрессиями, то задобрить их обещаниями. Широко применялась система взятия заложников из сельских «кулаков».

Все бывшие помещичьи усадьбы были объявлены «советскими хозяйствами», весь хлеб которых должен был отправляться на север в Великороссию. Красной армии было запрещено закупать хлеб в советских хозяйствах, и она должна была довольствоваться крестьянским хлебом, покупаемым по вольным рыночным ценам, так как твердые цены вызывали восстания крестьян.

Попытки реквизировать крестьянский хлеб встречались вооруженным сопротивлением крестьян, которые почти поголовно вооружены винтовками и ручными гранатами, имеют пулеметы и большие запасы патронов.

Всякая власть, которая займет Украину, должна будет очень считаться с этим явлением.

Надо иметь в виду, что крестьяне никогда не согласятся на твердые цены на хлеб. Чтобы получить от них хлеб, нужно разрешить вольную продажу по рыночным ценам, которые ввиду обильного урожая, вероятно, будут не очень высоки.

Такого урожая в Херсонской губернии не было уже 15 лет. Но, вместе с тем, деревня нуждается не в деньгах, а в мануфактуре и в соли, так что наиболее рациональным было бы организовать обмен хлеба на мануфактуру и соль.

Для налаживания^b транспорта в первую очередь необходимо разрешить вопрос с топливом, лучше всего путем подвоза угля, так как дровяной вопрос в Украине стоит очень остро, а эксплуатация имеющихся лесов требует большого количества рабочих рук, которые будут заняты сбором урожая.

В политическом отношении крестьяне вполне сочувственно относятся к идее единой неделимой России; необходимо только разумное противодействие шовинистической пропаганде сепаратизма, которая исходит от петлюровского правительства и по-видимому имеет место в так называемых штабах крестьянских восстаний, где имеются петлюровские и григорьевские офицеры.

Отношение крестьян к Добровольческой армии выжидательное. Напуганные большевистскими агитаторами крестьяне склонны опасаться Добровольческой армии как реакционной силы. В этом отношении опубликование политической программы генерала Деникина и «Особого совещания» является очень важным и производит хорошее впечатление.

В заключение позволю себе высказать мнение, что на Украине прочно утвердится та власть, которая, опираясь на реальную силу, будет в то же время входить в нужды местного населения и ясно формулирует свою политическую и экономическую программу.

Генерального штаба
капитан Гебель

8 августа 1919 года
Гор. Таганрог

Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, HIA). Vrangal collection. Box 53. Folder 18. Подлинник. Автограф.

^b В документе – налажения.

ДОКЛАД
полковника Генерального штаба, служившего в петлюровской армии
Петлюровская армия
(впечатления)

I. Часть военная.

1. Состав и организация

а) высшие органы военного командования.

Украинская или так называемая Петлюровская, армия делится на две составные части: Надднепрянскую и Галицкую армии, которые вкуче образуют единую армию «Соборной Украины» под верховным командованием Головного Отамана и под верховным руководством «Штаба Головного Отамана»².

Обе армии тесно объединены. Они преследуют общую задачу, так как правительство Восточной Галиции убеждено, что только после освобождения Надднепрянской Украины от большевиков вооруженные силы Соборной Украины получат возможность освободить Восточную Галицию от поляков.

В соответствующих случаях, в зависимости от оперативной обстановки, части Галицкой армии передаются в подчинение командованию Надднепрянской армии и наоборот. Объединение командования выражается реально в существовании верховного органа – штаба Головного Отамана, составленного из офицеров обеих армий, от каждой приблизительно поровну.

Штаб Головного Отамана (состав показан на прилагаемой схеме № 1) имеет очень небольшой штат, преследуя цель только лишь руководства боевыми операциями армий, касаясь вопросов снабжения и прочих в самых общих чертах и давая в этом отношении руководящие указания через особых представителей (так называемых референтов) от соответствующих органов.

Штабу Головного Отамана непосредственно подчинены штабы двух составных частей петлюровской армии: «Штаб дієвої армії» (Надднепрянской) и «Начальна команда Галицкої армії».

Организация штадарм³ Надднепрянской показана на схеме № 1. В составе его исключительно офицеры русские и малороссы. Офицеры Генерального штаба – преимущественно русские. Слухи о том, что в числе руководителей Надднепрянской армии находятся немцы – неверны. Ни одного немца в армейских учреждениях до сего времени не было и нет.

Работа штаба организована превосходно, как в отношении руководства боевыми действиями армии, организации разведки и связи, так и в отношении работы организационной, возложенной на 2-ю управу⁴ штаба (соответствует отделу дежурного генерала).

Штат штадарма переработан в сентябре (нов[ого] ст[иля]) применительно к русскому штату штаба отдельной армии, установленному «Положением о полевом управлении войск в военное время», изд. 1914 г.

Про организацию начальной команды Г.А.⁵ сведений нет. Вообще же, характерная особенность галицких учреждений – они не имеют строго определенных штатов. Высшая инстанция устанавливает для подчиненных ей учреждений число офицеров, которое фактически необходимо им для выполнения возложенных на них задач. Затем, если по ходу работы потребуется увеличить установленное ранее число, то испрашивается согласие высшей инстанции на это увеличение. Составления же и утверждения каких-либо особых штатов не требуется, тем более, что начальник учреждения вправе реорганизовывать свой орган соответственно назревшим требованиям и условиям работы, упраздняя или создавая

отделы по своему усмотрению, но, не выходя из общего числа служащих, которое для его органа установлено высшей инстанцией. Кроме того, оклады содержания установлены общие для всей армии – по чинам и лишь полевые порции выдаются по занимаемым должностям. Численность низшего персонала совершенно не устанавливается свыше. Каждый начальник более или менее самостоятельно органа требует этот персонал от «этапной команды» в мере действительной потребности. Однако начальники обязываются следить за тем, чтобы в подчиненных им канцеляриях на должностях, не требующих специальных знаний, не было офицеров и солдат, способных к строевой службе. А все должности, которые могут быть замещены женщинами, обязательно такими замещались.

Вообще, организация галицких руководящих органов значительно проще Надднепрянских. И в Галицкой армии нет лишних людей в канцеляриях. А те, что сидят в канцеляриях, в большинстве не способны быть в строю.

Органы снабжения установлены для каждой из двух армий отдельно.

В Надднепрянской армии существует управление снабжения («Управа поставления»), функции которого, в общем те же, что установлены русским «Положением о полевом управлении войск» для начальника снабжений армий фронта (как в отдельной армии по русскому «Положению»). Организация аппарата снабжения указана на схеме № 1. Управление военных сообщений («Управа військових комунікацій») существует также по штатам и «Положению» близким к русским, как «УПВОСО» отдельной армии.

Интендантская часть в Надднепрянской армии поставлена слабо, ввиду отсутствия соответствующих запасов. Поэтому войска принуждены приобретать большую часть необходимых запасов собственным попечением. В отношении же одежды и обуви находящиеся, можно сказать, в трагическом положении. Поэтому мобилизуемые в настоящее время контингенты обязываются приходить на сборные пункты в исправной одежде и обуви и, по возможности, с оружием.

Вопрос вооружения несколько лучше, чем с одеждой и обувью, благодаря возможности получения оружия и боевых припасов от румын и поляков. Конечно, за хорошую плату⁶.

Санитарная часть стоит наиболее слабо. Недостаток персонала, белья и лекарств ставит армию в критическое положение в отношении борьбы с громадным ростом заболеваний, тем более, что возникновению болезней способствуют чрезвычайно тяжелые условия, в которых находятся войска: плохая пища, недостаток белья, одежды и обуви. В сентябре (нов[ого] ст[иля]) в Жмеринку прибывало ежедневно по 1000–1500 больных, которые долгое время вынуждены были оставаться без призора и пищи.

На железных дорогах положение в районе петлюровской армии сносное. Имеется достаточный состав подвижного состава и не ощущается недостатка в паровозах, благодаря тому, что при занятии района Жмеринка – Бирзула было захвачено более 100 вполне исправных, горячих паровозов и столько же в малом ремонте. Единственно, препятствием для вполне успешного выполнения воинских перевозок является недостаток дров и смазки. Пассажирское движение производится по двум направлениям: Казатин – Жмеринка – Могилев-Под[ольский] две пары поездов и Казатин – Жмеринка – Проскурров – Каменец-Подольский одна пара. И, кроме того, курьерский поезд через день по линии Казатин – Каменец-Под[ольский]. Органы передвижения войск организованы по русскому образцу и руководствуются русскими правилами и положениями.

Так называемая коммендатура тыла, подчиненная начальнику снабжения, имеет задачей поддержание порядка в тылу армии. Однако, главным образом, деятельность ее выражается в выполнении функций охранного отделения и в этом отношении она, по справедливости, заслуживает приклеенного ей киевскими газетами названия «чрезвычайки». Конечно, не в коммунистическом масштабе, но все же было много случаев задержания по пустому оговору, расстрелов без суда

и истязаний шомполами. Были случаи ареста и содержания под стражей только лишь за разговор в публичном месте «на российской мове».

Вообще же, организация надднепрянских высших органов военного командования тяготеет к русским образцам. И сохраняет полностью свою силу, за малыми исключениями, русское «Положение о полевом управлении войск в военное время». А некоторые положения предписаны к обязательному руководству без всяких изъятий, как, например, положения об этапах и транспортах армии. Надднепрянская армия имеет на своих путях 12 этапов и формирует конные транспорты из вольнонаемных подвод.

В Галицкой армии службою тыла и снабжений ведает «Этапна команда». Состав ее указан на схеме № 1.

Вопросы железнодорожные, которые касаются войсковых перевозок, и службы в головных отделах ширококолейных линий, сосредоточиваются в особом органе – «Железнодорожной військовий управе», соответствующей по своим задачам Эксплуатационному отделу управы военных сообщений Надднепрянской армии, почему галицкая жел[езно]дор[ожная] управа, по взаимному соглашению штабов, соединена с указанным отделом.

«Этапна команда», как орган снабжения Галицкой армии, приобретает все в районе последней совершенно независимо от армии Надднепрянской, а также имеет свои этапы и транспорты.

б) центральные органы военного управления.

Центральным органом военного управления в тыловом районе является Военное министерство с подчиненными ему учреждениями, перечисленными на схеме № 2.

Все эти учреждения в настоящее время существуют в значительно сокращенном виде, в предположении, что до полного штата состав их будет доведен по занятии всей территории Украины.

В частности:

а) Главное управление Генерального штаба подразделяется на отделы: инспекторский, отдел связи, мобилизационный, отдел обучения войск и отдел связи с границей («закордонного звязку»).

Отделом обучения войск изданы уставы: дисциплинарный, строевой и внутренней службы. Вырабатывается устав полевой. Кроме того, издана «Программа обучения молодых козаков всех родов оружия». Все это – труды Г.У.Г.Ш. гетманского времени, несколько исправленные и дополненные во времена Директории.

Между прочим, дисциплинарный устав – более суровый, чем был до войны в русской армии (кн. ХХІІІ, св. В.П.⁷ 1869 г.). Например, начальникам предоставлено право лишать офицерского звания без следствия и суда. В уставе строевом сохранена, в общем, группировка положений прежнего русского устава, а русские команды более или менее неудачно переключены на малорусский лад. Устав внутренней службы близок к русскому.

Вообще же работа Г.У.Г.Ш. в действующей армии, можно сказать, почти не чувствуется, как в отношении пополнения ее надлежащими контингентами, так и осуществления мобилизации. Лишь в последнее время началась в этом направлении более оживленная деятельность.

б) Главное инженерное управление – определенно мертворожденный орган. Реальных результатов его работы армия не видит. Например, автомобильный отдел не имеет никаких данных даже о количестве и роде автомобильных средств, которыми располагает армия. Во время бывших отступлений петлюровской армии он не предпринимал никаких мер для вывоза, сбора и регистрации богатейшего автомобильного имущества, брошенного на путях отступления. В настоящее время части армии принуждены обеспечивать себя в автомобильном отношении всецело своим попечением, до заключения сделок с румынами и спекулянтами включительно. Кой-какую деятельность проявляет Военно-железнодорожная уп-

рава, но и то она лишь формально входит в состав Г.И.У., а фактически прикомандирована к штадарму и находится в сфере его живого дыхания.

в) Главное артиллерийское управление никакой особенно энергичной деятельности, полезной для фронта, также не проявляет. Все же им организованы кой-какие склады и мастерские, а также артиллерийская юнкерская школа в Каменце.

г) Главное военно-санитарное и таковое же военно-ветеринарное управления занимаются, главным образом, канцелярской перепиской, между тем, армия находится в трагическом положении, особенно в отношении санитарном, как об этом указано выше.

д) Главное управление ремонта армии имеет в своем подчинении ремонтные комиссии, однако последние начали кое-как работать только в последнее время, когда их передали в распоряжение штадарма.

Вообще, можно совершенно нелицеприятно отметить чрезвычайную нежизнеспособность центральных органов военного управления петлюровской армии.

в) войска.

О войсках украинских сведения неполны. Можно дать лишь общее впечатление с некоторыми деталями, которые известны.

Надднепрянская армия после перехода в июне с.г. р. Збруч приняла существующую организацию по типу регулярной армии, отбросив все прежние затей мечтателей-импровизаторов, пытавшихся воссоздать старые формы времен Запорожья.

Пехота была переформирована в полки 4-бат[альонного] состава и сведена в дивизии по 4 полка в каждой. Штатный состав полков – близкий к русским нормам военного времени. Рота имеет три взвода стрелковых и один пулеметный (из 4 пулеметов Льюиса или Кольта). Кроме того, в полку – пулеметная рота (12 пулеметов Максима). Фактическая численность пех[отных] полков в настоящее время мала. Дивизии, в большинстве, насчитывают не более 1000, максимум – 1500 штыков. За последнее время усилилось дезертирство вследствие недостатка не только теплой одежды, а просто обыкновенного обмундирования и обуви. Кроме того, значительная убыль большими. В сентябре (нов[ого] ст[иля]) свирепствовал сыпной тиф, а также в упорных боях с большевиками части понесли громадные потери. Всего в Надднепрянской армии – 13 пех[отных] дивизий (из них две дивизии корпуса сечевых стрельцов). В них можно считать не более 20–25 тысяч штыков. Производимая в течение последнего месяца мобилизация, вероятно, не даст особенного увеличения численности армии, ввиду указанной убыли от болезней и дезертирства, хотя мобилизация, проводимая принудительно, дает, по имеющимся сведениям, хорошие результаты.

О численности и организации артиллерии и конницы сведений нет. В отношении оружия и огнестрельных припасов до середины сентября (нов[ого] ст[иля]) было очень тяжело. В последнее время наладилось получение, как оружия, так и огнеприпасов из Румынии, где находится официальный военный представитель Украины – отаман⁸ барон Дельви⁹ (бывший Инспартрум¹⁰). Говорят, что он пользуется в румынских кругах большими симпатиями. Также и от поляков удается получать огнеприпасы.

Технические средства:

а) Инженерные войска – только отдельные инженерные роты при дивизиях; б) железнодорожные войска – один жел[езно]дор[ожный] батальон, имеет хорошо оборудованную подвижную мастерскую; бронепоездов к концу сентября (нов[ого] ст[иля]) насчитывалось до 12–15, но часть из них уже захвачена Доб-рармией; в) автомобильные средства – имеется 2 или 3 автоколонны (грузовых авто), кроме того, каждая дивизия и даже отдельные части располагают грузовыми и легковыми авто, учета которым никто не ведет; г) авто-панцерников¹¹ – 2 или 3 отряда, плохо снабженных в техническом отношении; д) авиационных средств

мало. При штадарме – один авиаотряд, но работает хорошо. В общем, технические средства слабы и не удовлетворяют потребностям армии.

Высшее соединение – «группа», состоящая из 2 или нескольких дивизий, подчиненных командующему группой. Руководящим органом является «Штаб группы». Иногда, в зависимости от оперативной обстановки, действуют отдельные дивизии, подчиненные непосредственно командарму. Две дивизии сечевых стрелцов образуют «Корпус сечевых стрелцов». В настоящее время в состав Надднепрянской армии входят группы: Запорожская – 1, 4, 5, 6, 7 и 8 дивизии, Киевская – 10 и 11 дивизии; Волынская – Пивничная (Северная) и Холмская дивизии, корпус С.С.¹² – две дивизии. Кроме того, 2-я дивизия (бывшая «Запорожская Сечь») находится в периоде реформирования, а 3 и 9 дивизии действуют отдельно (по данным к 1 окт[ября] нов[ого] ст[илия]).

Банды Махно, Зеленого и других бандитов в состав петлюровской армии не входят и не входили.

Галицкая армия действует в составе 12 номерных бригад и одной бригады «Украинских сечевых стрелцов» (без номера). Бригады эти образуют 3 корпуса, состав которых по числу и номерам бригад не одинаков, меняясь в зависимости от обстановки.

Об организации Г[алицийской] а[рмии] сведений нет. Но непосредственное впечатление от галицких войск прекрасное, как армии вполне регулярной и дисциплинированной. Об этом свидетельствуют выправка, однообразная, аккуратная пригнанная форма, строгая субординация, беспрекословное повиновение. Вместе с тем, более близкое знакомство с ними убеждает, что под внешним лоском немецкой муштры кроются все недочеты, присущие австрийской армии.

Г[алицийская] а[рмия] более обеспечена оружием, обмундированием и в санитарном отношении. Но огнеприпасов также не имеет и пользуется теми же источниками пополнения, что и армия Надднепрянская.

В настоящее время Г[алицийская] а[рмия] укомплектовывается путем мобилизации в занимаемом ею районе на общих с Надднепрянской армией основаниях. Таким образом, в рядах Галицийской армии будут смешаны контингенты, как Восточной Галиции, так и русского Юга России. Общая численность пехоты в 36 полках Г[алицийской] а[рмии] – до 55 – 60 000 штыков. Однако цифра эта требует проверки.

Об артиллерии и коннице сведений нет.

Технические средства – ограничены, но содержатся в хорошем состоянии. Армия обеспечена автомобилями, которые находятся в ведении этапной команды. Имеется воздухоплавательный отряд (с привязными аэростатами). Армия имеет собственный бронепоезд «Хортица», захваченный ею у большевиков. Железнодорожных войск имеет 3 роты, снабженные необходимыми техническими приспособлениями и мастерскими.

В общем, петлюровская армия по своей организации и обеспечению ее всеми вспомогательными средствами, необходимыми для ведения планомерных боевых операций, представляется достаточно боеспособной. Необходимо отметить, что ее боеспособность чрезвычайно возросла бы при условии полного обеспечения ее всем необходимыми довольствиями: обмундированием и обувью, оружием и боевыми припасами, а также упорядочением дела санитарной помощи. Но так как это невозможно осуществить без чужеземной помощи, петлюровское командование усиленно добивается получить все необходимое для армии при помощи Антанты и румын. С последними дело, по-видимому, налаживается, только не могут еще стороваться, ввиду спекулятивных тенденций румын.

В отношении моральном и политическом справедливость требует отметить:

а) духа большевизма в петлюровской армии нет, хотя об этом усиленно пишут киевские газеты. «Банды Петлюры», «большевики 2-го сорта» с таким же ожесточением дрались и дерутся с большевиками, как и добровольцы. Эта борьба ведется

уже около двух лет и в атмосфере ее культивировалось уже жестокое чувство ненависти к большевикам. Последние не щадят пленных украинцев и подвергают их жестоким пыткам прежде, чем убить¹³; б) духа сепаратизма, стремления к самостийности, собственно в войсках также нет. Особенно среди офицерского состава, который относится более сознательно к переживаемым событиям. Всех связывает одна задача – изгнать большевиков. В политической идее отделения самостийной Украины от России, культивируемой правительством и печатью, армия в массе не заинтересована. Все жаждут утверждения порядка и покоя, а в каких политических рамках это будет осуществлено – для подавляющего большинства армии совершенно безразлично.

Действительно, для многих прирожденных малороссов приятно говорить на украинском языке не только дома, но и на службе и в обществе. Однако пользование им не исключается и при осуществлении идеи единой, неделимой России; в) вражды к Добрармии в украинских войсках определенно нет и быть не может. Начавшиеся боевые действия с Добровольческой армией произвели гнетущее впечатление не только на офицерство, но и на солдат. Зарегистрировано много случаев перехода украинцев на сторону Добрармии. Были случаи массового перехода офицеров, как, например, в Волянской группе (на Бирзульском направлении). В штадарме Надднепрянской настроение подавленное.

Вообще у большинства военных действующей армии не только в душе, но и открыто на словах проявляется желание и надежда, что отношения с Добрармией будут улажены мирным путем.

И если все же некоторые из частей петлюровской армии вступают в борьбу с Добрармией, это свидетельствует только об их дисциплинированности. Их посылают в бой.

Что касается Галицкой армии, то о ее сочувствии большевикам говорить не приходится. В Восточной Галиции большевизма совершенно не было, хотя об этом распространялись чисто провокационные известия со стороны поляков.

Галичане крайне заинтересованы в скорейшем освобождении Надднепрянской Украины от большевиков, по соображениям, указанным выше. Кроме того, они без исключения принципиально против большевизма.

Таким образом, в моральном и политическом отношении петлюровская армия представляет собой силу, определенно враждебную большевизму и совершенно чуждую каких-либо шовинистических идей, присущих, в действительности, только некоторой группе гражданских и военных деятелей, сподвижников Петлюры, которые, конечно, не могут представлять в своих мнениях и требованиях волю малорусского народа.

2. Офицерский состав.

а) Надднепрянская армия

Об офицерском составе петлюровской армии не приходится говорить много. Общая физиономия офицерства «военного времени» известна всем. Таково и офицерство петлюровской армии, в которой кадровый офицер в части ценится на вес золота, хотя были случаи, когда благодаря давлению свыше кадровый, интеллигентный офицер находился в подчинении у бывшего подпрапорщика (в лучшем случае) только потому, что имел русскую фамилию и не умел «балакати по украинськи». Даже в центральных учреждениях военного министерства на некоторых ответственных должностях сидят, так сказать, «левофланговые». В Главном военно-санитарном управлении есть начальники отделов из ротных фельдшеров. На должности одного из заведующих передвижением войск (должность полковника Ген[ерального] штаба) до последнего времени был некто, служивший до войны швейцаром, а во время войны – низшим служащим Земсоюза¹⁴.

Причину такого порядка было стремление назначать на ответственные должности исключительно «ширых», т.е. искренних и неподдельных украинцев.

Однако на эту ненормальность обратил внимание даже сам Петлюра. И в последнее время преодолена¹⁵ тенденция (по крайней мере, в военных сферах действующей армии) назначать на должности соответственно образованию и действительному чину, полученному в русской армии. Этому именно чину должны отвечать и наружные знаки отличия, установленные новой формой одежды. Присвоивший себе отличие выше своего действительного чина привлекается к судебной ответственности. Установлено отдавание чести и взаимное приветствие при встрече.

Офицеров Генерального штаба в петлюровской армии насчитывается до 30. Хотя часть из них уже оставила ряды армии, как только начались бои с Добармией. Можно сказать определенно, что подавляющее большинство офицеров Ген[ерального] штаба определенно тяготеет к Добармии. Вообще же офицерство армии если в некоторой части и не стремится присоединиться к Добармии, то лишь благодаря своей инертности и непониманию создавшейся драмы взаимоотношений, но принципиально, безусловно, ничего не имеет против этого присоединения.

б) Галицкая армия.

В отношении Галицкой армии можно сказать еще короче. Галицкий офицер – характерный тип австрийского офицера. Насколько надднепрянцы – русские по духу и языку, настолько галичане – австрийцы. Первые по всем серьезным делам, когда приходится задуматься над построением фразы, предпочитают говорить по-русски, а вторые очень часто пользуются в своих разговорах немецким языком. Они даже не всегда имеют возможность выразить по-украински то, что желают сказать, особенно – по вопросам военным. Кроме того, в Г[алицийской] а[рмии] есть много настоящих немцев, совершенно не умеющих говорить по-украински или русски. Например, начальник штаба Г[алицийской] а[рмии] полковник австрийского Ген[ерального] штаба Шаманек¹⁶ или командир 3-го корпуса ген[ерал] Краус¹⁷.

В общем же, галицкие офицеры дисциплинированы, корректны, и вид внешний имеют вполне офицерский.

3. Дисциплина.

Дисциплина в петлюровской армии отнюдь не «революционная». Выше подчеркивалась суровость дисциплинарного устава. В жизни, кроме того, применяются иногда непредусмотренные уставом зуботычины и еще занесенные немцами на Украину «шомпола», правнуки дедовских шпицрутенов.

Никаких комитетов в армии нет, да и разговоров об их создании даже не ведется. Всем ясно после пережитых революционных опытов, что армия не может существовать без настоящей военной, а не революционной дисциплины.

Комментарии в этом отношении излишни. Можно сказать только, что дисциплина есть и кн. XXII русского Св.В.П. сохраняет свою силу.

II. Часть политическая.

I. Армия и политика.

Армия стоит вне политики. Военнослужащие, даже состоящие членами политических партий, в большинстве активного участия в политической жизни не принимают. В массе своей армия интересуется политическими вопросами постольку, поскольку читает газеты. Какой-нибудь политической литературы агитационного характера в виде специальных прокламаций в армии не распространяется, если не считать официальных воззваний и объявлений Петлюры или правительства. Брошюрная политическая литература рассылается в части через информационные отделы управлений «Державных инспекторов».

Державные инспектора установлены только в Надднепрянской армии. На первый взгляд это вроде большевистских «комиссаров», существующих при каждой

части или учреждении. Они действительно являются ухом и глазом украинской власти и должны следить за тем, чтобы всюду на местах и в частях неуклонно поддерживалась на должной высоте идея самостоятельной Украины, строго выполнялись законы республики и отношение к служебным обязанностям всех служащих, от старшего до младшего, отвечало бы интересам государственным и служебным. Однако державные инспектора назначаются исключительно из лиц военных. Это, по преимуществу, офицеры (есть и штаб-офицеры) или военные чиновники. В дела оперативного руководства инспектора вмешиваться не могут. Все же строевые начальники недовольны этим институтом, считая инспекторов соглядатаями, а, кроме того, не всегда державный инспектор проявляет достаточно знания всех отраслей военного дела и не имеет достаточно такта, чтобы не оказываясь с более опытным и более интеллигентным строевым начальником в натянутых, если не во враждебных отношениях.

Кроме того, важнейшей обязанностью инспекторов является организация просветительных органов в армии, а также – информационных, в отношении широкого ознакомления всех чинов армии с мероприятиями правительства по различным отраслям народной жизни.

Галицкая армия тем более вне политики. А державных инспекторов она принципиально не признает. Когда Г[алицийская] а[рмия] присоединилась к Надднепрянской, по распоряжению главного инспектора петлюровской армии был послан державный инспектор в начальную команду¹⁸ Г[алицийской] а[рмии], но его там не приняли и предложили отправиться восвояси.

Политические и общественные организации.

а) правительство.

Правительство украинское социалистично. В состав его входят исключительно эсеры и эсдеки. Социалисты-федералисты не входят, хотя они признают самостоятельность Украины как подготовительную ступень к будущей федерации.

Характерная фигура в составе украинского правительства – «Министр еврейских справ Пинхус Красный»¹⁹. Не так давно он добивался создания наряду с военными державными инспекторами еще и еврейских инспекторов. Против этого решительно восстал штадарм Надднепрянской, и Петлюра столь же решительно отказал даже в[о] внесении законопроекта в совет министров.

Правительство украинское можно охарактеризовать коротко. Оно бездарно и бездеятельно и продуктивность в его работе не видно. По министерству внутренних дел достаточно сказать, что нигде на местах нет государственной власти; в селах – выборные комиссары (те же старосты), которых никто не слушает, т.к. староста не имеет палки вроде государственной стражи. По министерству юстиции нет никаких судебных установлений. Даже мирового суда нет. Воров и грабителей некому преследовать, т.к. закон бездействует. Городские самоуправления стонут и по мере сил обходятся административными мерами. М[инистерств] во путей сообщения занимается вставлением палок в колеса военному командованию, но реально никакой деятельности для улучшения технического состояния жел[езных] дорог не проявляет. Если что-нибудь и сделано на жел[езных] дорогах, то или взято штыками в боях с большевиками, или же организовано управлением Правобережных (Юго-Зап[адных]) дорог. Про другие министерства и говорить не стоит. Получают приличные оклады и по мере сил испиывают достаточное количество бумаги.

Тем не менее, недавно украинское правительство проявило чрезвычайную воинственность. Высланный первоначально петлюровским командованием атаман Павленко²⁰ имел полномочия установить военное соглашение с Добрармией для совместной борьбы с большевиками. Но когда в ответ на это предложение было предъявлено требование высказаться по вопросу признания единой неделимой России, петлюровское военное командование отказалось от руководства ведения переговоров, считая, что, коль скоро таковое перешло из сферы чисто военной в

область политическую, оно не может им руководить и передает его правительству. Об этом были оповещены депешей все начальники действующей армии.

Правительство и до того бряцавшее оружием теперь приняло непримиримый воинственный тон. Содержание разговоров, которые велись в Каменце в это время, неизвестно. Но, во всяком случае, определенно известно, что частичное наступление частей Волынской группы, имевшее место в конце сентября (по нов[ому] ст[иллю]), началось не по приказу командарма Надднепрянской. Такого приказа из штадарма не исходило. А по всем предыдущим распоряжениям – войска, оперировавшие на всем фронте, противостоящем Добрармии, должны были прекратить наступление, никаких враждебных действий против Добрармии не предпринимать и только в случае ее наступления оказывать сопротивление. Этим имелось ввиду избежать напрасного и вредного для общего дела борьбы с большевиками кровопролития и достигнуть взаимного соглашения мирным путем.

После этого выступления Волынской группы левое крыло Добрармии перешло к активным действиям против петлюровской армии, правительство украинское, сидя в Каменце, выпустило воззвание, а Петлюра издал приказ о мобилизации и о необходимости напрячь все силы для борьбы с «деникинскими бандами». Нужно отдать справедливость, что и воззвание правительства и приказ Петлюры написаны в выражениях, присущих большевистским документам подобного типа.

Тут чувствуется рука правительства и деятелей шовинистического направления. От военного командования Надднепрянской армии (штадарма) никогда такой «литературы» не исходило.

В общем, правительство украинское, как орган политический, можно охарактеризовать неработоспособным в смысле творческой работы, но упорный и не разбирающийся в средствах в борьбе за самостоятельность Украины. В среде его несомненно есть люди, глубоко убежденные в непреложном праве Украины на самостоятельное существование, и в защиту этого убеждения они готовы отдать как свою жизнь, так и жизни граждан Украины. Относительно тенденций украинского правительства войти, в крайнем случае, в соглашение с большевиками, как об этом сообщали некоторые из киевских газет, можно сказать с полной уверенностью, что это сообщение не имеет под собой никакой почвы²¹. Каковы бы ни были обстоятельства, политические деятели, как правительства, так и общественных кругов будут искать помощи у кого угодно, но только не у большевиков. Скорее всего, справедливы слухи, что украинским правительством ведутся переговоры с румынами о взаимной помощи. Также в отношении немцев можно допустить возможность соглашения с ними о помощи Украине в борьбе за ее самостоятельность. Но и то пока помощь Германии выразилась в отпечатании и присылке на аэропланах бумажных денег, да и то деньги эти были заказаны еще во времена гетманства.

Во главе Галицкого правительства («Державного Секретариата») стоит в настоящее время диктатор – д[окто]р Петрашевич²². Он входит в состав Директории Соборной Украины как член ее.

О политической физиономии галицкой диктатуры говорить не приходится. Галичане учли, что болтовня политиканов никакой пользы, подобно теперешнему надднепрянскому правительству, стране не приносит и предпочли иметь диктатора, под руководством которого правительственный орган – Державный Секретариат – осуществляет реальные задачи, выдвигаемые жизнью и политической ситуацией.

б) политические партии.

Соответственно составу правительства и общим политическим условиям, естественно, что право на легальное существование в районе, занятом петлюровской армией, имеют только социалистические партии и только украинские. Даже укр[аинские] соц[иалисты]-федералисты чуть что не сидят в подполье, хотя и

признают официально самостоятельность. Но самое слово «федерализм» уже пугает, т.к. припахивает «единой, неделимой».

Деятельность политических партий далека от армии и сведений об их организации и работе нет.

в) общественные организации.

Необходимо отметить, что по инициативе украинской интеллигенции и земских деятелей широко развиваются по городам, местечкам и селам культурно-просветительные организации (так называемая «Просвіта»). В каждом уезде – сеть таких организаций, которые посылают своих представителей в губернский город. Они занимаются распространением литературы, организуют библиотеки, театры и т.п. Население относится сочувственно.

Также быстрым темпом идет образование кооперативов. Их уже создалась целая сеть и нет ни одного более или менее значительного села, где бы не было кооператива.

Наряду с этим организуются по селам чисто сельскохозяйственные союзы, которые преследуют цель путем объединения землевладельцев облегчить условия ведения хозяйства – обработки земли, снятия урожая и т.п. Эти союзы также объединятся по волостям и уездам, делегируя своих представителей.

Заслуживает внимания факт, имевший место в апреле или начале мая с.г. (нов[ого] ст[иля]) в Подольской губернии. На съезде представителей земства, городов и перечисленных общественных организаций обсуждалось общее положение в губернии и вообще – в республике, подверглась критике деятельность правительства, а затем были высказаны пожелания, которые окончательно вылились в форму меморандума. В этом меморандуме была совершенно определенно подчеркнута указанная выше бездеятельность правительства и отсутствие продуктивности в его работе. При этом обращено внимание на некоторые детали, а в заключение указано, что желание всех – восстановить разрушенный порядок в стране и установить твердую власть, создав на местах все органы государственного управления, в особенности же – аппараты полицейский (милицейский) и судебный. Но так как существующее правительство уже доказало свою неспособность это выполнить, то необходимо его упразднить и создать диктатуру, которая была бы полномочна провести в жизнь решительные мероприятия, соответственно пожеланиям представителей с мест. Конечно, этот меморандум остался мертвой буквой и даже не попал в печать, а правительство (хотя и было впоследствии заменено другим[]), вновь не проявило необходимой работоспособности и творческого духа.

3. Отношение к «Единой великой России».

Что касается отношения к идее «Единой великой неделимой России», то, как выяснено выше, со стороны правительственных сфер отношение это определенно враждебно. Вместе с тем, во всех правительственных учреждениях одной из важнейших аттестационных данных, характеризующих служащего, является преданность его идее самостоятельной Украины и знание украинского языка. В массах приверженность или враждебность по отношению к той или другой идее не проявляется достаточно определенно. Как уже подчеркнуто выше, в оценке морального и политического настроения армии, массы жаждут лишь установления порядка и покоя, а крестьянство, в частности, разрешения, в первую очередь, аграрного вопроса. Хотя необходимо отметить, что идея единой России ближе сердцу каждого простого людина. Она привычна ему, и он вспоминает о порядке, бывшем до войны, за исключением, однако, вопроса о земле, который не укладывается в рамки довоенного времени. Собственно же идею самостоятельной Украины вполне сознательно усвоила лишь часть украинской интеллигенции, но и то не в городах, а, главным образом, по селам, где значительная роль в украинизации народа принадлежит сельским учителям.

В общем, про отношение массы к «Единой великой России» можно сказать, что скорее всего, масса занимает выжидательное положение, как в вопросе об единой России, так и в отношении других способов государственного устройства. Для массы будет желательно и приятно все то, что скорее и лучше разрешит все ее наболевшие вопросы и обеспечит ее порядком и покоем.

4. Экономическое положение.

Экономическое положение петлюровской республики весьма тяжело. Прежде всего, нет денег. То, что печатается, особенно, немецкими станками, далеко не везде принимается, а если и принимается, то по очень низкому курсу. В первое время сношений с румынами последние потребовали уплатить за поставляемые огнеприпасы (отобранные у тех же украинцев-запорожцев, шедших через Бессарабию) в русской или иностранной валюте. Пришлось мобилизовать запасы, запрятанные со времен запрещения русских денег в пределах Украины.

Естественно, тяжелая нужда во всех продуктах и предметах производства промышленного. За последнее время начали везти из Румынии, главным образом, мануфактуру, но по ценам, конечно, спекулятивным.

Хлебный вопрос, благодаря необыкновенно обильному урожаю этого года, разрешается для армии вполне удовлетворительно. И это единственный продукт, обеспечивающий потребности армии. Во всех других отношениях она испытывает нужду, для удовлетворения коей нет возможности.

С подлинным верно:

Капитан Осипов

Н.А. Vrangeli collection. Box 38. Folder 7. Машинописная копия.

КОММЕНТАРИИ

¹ Трехдюймовых.

² Объединение Украинской народной республики (УНР) и Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) в единое государство состоялось 22 января 1919 г. торжественным провозглашением «Акта Злуки» на Софийской площади Киева (документ был денонсирован руководством ЗУНР в конце 1919 г.). Оперативное объединение двух армий было достигнуто в результате создания штаба Головного атамана 12 августа 1919 г. во главе с начальником штаба генералом Н.Л. Юнаковым и генерал-квартирмейстером В. Курмановичем от Галицийской армии (Денник Начальної Команди Української Галицької Армії. Нью-Йорк, 1974. С. 26; *Krotofil M. Ukrainiska Armia Halicka 1918–1920. Тогуї, 2002. S. 123*).

³ Штадарм – штаб действующей армии.

⁴ Управа (укр.) – управление.

⁵ Г.А. – Галицийской армии.

⁶ С румынами и поляками существует военное соглашение – с первыми, главн[ым] образом, в отношении обмена и продажи оружия и огнестрельных припасов, а со вторыми – в отношении прекращения военных действий (прим. автора документа).

⁷ СВП – Свод военных постановлений.

⁸ Отаман – генерал.

⁹ Дельви́г Сергей Николаевич (1866–1944) – генерал-полковник армии УНР (с 1921). С августа 1919 г. – полномочный представитель УНР в Румынии. Умер и похоронен в Каире.

¹⁰ Инспартрум – инспектор артиллерии Румынского фронта. Генерал Дельви́г занимал пост инспектора артиллерии Юго-Западного фронта.

¹¹ Броневтомобилей.

¹² Сечевых стрельцов.

¹³ Данное свидетельство представляется преувеличением, призванным показать близость белым петлюровцев, в том числе перешедшего на сторону белых автора доклада.

¹⁴ Всероссийский Земский союз – одна из общественно-политических организаций либерального направления, занимавшихся помощью армии в период Первой мировой войны.

¹⁵ Имеется в виду, установилась.

¹⁶ Шаманек Альфред (1883–1920) – полковник, начальник Генерального штаба Украинской галицийской армии (с 05.07.1919). Служил в австро-венгерской армии. Начальник штаба II галицийского корпуса. Погиб.

¹⁷ Кравс Антон (1871–1945) – офицер австро-венгерской армии, генерал-четарь Украинской галицийской армии. Командир III Галицийского корпуса (с 05.1919). Умер в Вене.

¹⁸ Главное командование.

- ¹⁹ Красный Пинхус (Пинхас) (1881–1939) – министр УНР по еврейским делам (с 04.1919). Организатор еврейских школ. Член комиссии по разработке Конституции УНР (1920). Член еврейской народной партии Фолькс Партай. Расстрелян в Киеве.
- ²⁰ Омелянович-Павленко Михаил Владимирович (1878–1952) – генерал-хорунжий, командующий Украинской галицийской армией (1918–1919). По поручению правительства УНР в сентябре 1919 г. вел неудачные переговоры с командованием ВСЮР. Подробнее см.: *Ковальчук М.* На службі Батьківщині: життя й доля генерал-полковника М. Омеляновича-Павленка // *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ, 2007. С. 26–27.
- ²¹ Автор документа не осведомлен в данном вопросе. В конце 1919 г. действительно проходили переговоры между большевистским руководством и правительством УНР. Мною выявлена датированная началом декабря 1919 г. телеграмма председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого № 474 члену РВС Южного фронта Л.П. Серебрякову в Серпухов: «По поводу предложения Петлюры ответ нужно дать такой: во-первых, до соответствующего соглашения между Петлюрой и центральными правительствами южный фронт лишен возможности давать артиллерийское снабжение и вообще входить в какое-либо военное соглашение. Петлюровцам и петлюровским армиям, если они в этом нуждаются, предлагается гостеприимство на советской территории. Условия гостеприимства были указаны ранее: оружие сдается нам под хранение до заключения соглашения или до ухода Петлюровской армии с советской территории. Отношение самое предупредительное. По поручению Ц.К. Троцкий» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 534). Свидетельства о ведении советским руководством переговоров с руководством УНР сохранились и в других источниках (The Trotsky papers 1917–1922 / Ed. and annot. by J.M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1. 1917–1919. P. 758). По всей видимости, речь идет о переговорах сентября 1919 г., осуществлявшихся при посредничестве друга В.И. Ленина, швейцарского коммуниста Ф. Плагтена, совершившего вынужденную посадку в районе Каменца-Подольского по пути из Москвы в Венгрию и обсуждавшего вопрос союза против Деникина (*Литвин М.Р., Науменко К.С.* Історія ЗУНР. Львів, 1995. С. 277–278). 11 октября 1919 г. вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Переговоры затянулись до декабря и закончились безрезультатно в связи с резким изменением положения на фронте и даже сложностью разыскать правительство УНР для большевистских представителей. (См.: *Ковальчук М.А.* Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 159–161, 271, 384).
- ²² Петрушевич Евгений Емельянович (1863–1940) – адвокат, президент ЗУНР (1918–1919). Член Директории.

Р.Ј. ПОПОВИЋ. Аврам Петронијевић: 1791–1852. Београд, 2012. 322 с.

Р.Й. ПОПОВИЧ. Авраам Петрониевич: 1791–1852

Первую монографию (2003) – портрет вождя сербских уставобранителей Томы Вучича Перишича, – Радомир Й. Попович начал с замечания о том, что сербская историография до сих пор не уделяла достаточного внимания биографиям видных личностей XIX в. За десять прошедших с этого времени лет ситуация менялась. Если даже ограничиться фигурами, относящимися к первой половине названного столетия, то, например, помимо книг самого Поповича, была издана давняя рукопись Д. Страняковича – биография Или Гарашианина (2005), а Р. Люшич добавил к ранее изданным книгам о Карагеоргии и княгине Любице биографию Д. Давидовича (2006).

Слабый интерес к биографическому жанру в сербской историографии, давнему и излюбленному жанру мировой исторической традиции, можно объяснить отчасти запоздавшим утверждением позитивизма и узостью массовой читательской аудитории в течение длительного периода времени. Ведь именно на нее, если обратиться к российской ситуации, была ориентирована знаменитая серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), выходявшаяся до революции и возрожденная в советское время. В коммунистической Югославии интересы историков-биографов, по идеологическим обстоятельствам, концентрировались, прежде всего, на фигурах из революционного лагеря (но также на деятелях культуры), и более других, как впрочем и в СССР, были обойдены вниманием монархи, их министры, консерваторы и либералы. Их очередь пришла в посткоммунистический период в ситуации поиска новых политических и идеологических

моделей и соответствующего им «исторического наследия». Любопытным казусом стало появление в сохранявшейся еще советскую ауру серии ЖЗЛ биографии царицы Анны Иоанновны (2002), когда ее автору Е.В. Анисимову пришлось объяснять читателю, что слово «замечательный» имеет не только превосходно-положительный, но и сниженный смысл («заслуживающий внимания», «примечательный», «интересный»).

Между тем, описательный *par excellence* жанр биографии был серьезно дискредитирован «новой исторической наукой» второй половины XX ст. с ее интересом преимущественно к массовым и анонимным процессам или явлениям. Возрождение биографии происходило в течение нескольких последних десятилетий уже в иных обстоятельствах: после дискуссий о постмодернизме и «поворота к нарративу», опыта микроистории и истории практик. В «новой биографии» виделось обнаружение одного из вариантов исторического синтеза, вмещающего большое в малом, сочетающего типическое, своеобразное и уникальное, суммирующего противоречивую динамику и самые разные аспекты человеческого бытия. Это понимание породило экспериментальный подход к композиционной и содержательной стороне биографического нарратива.

Попович замечает в предисловии к книге, что «повествование о Петрониевиче – это рассказ о вызовах, препятствиях и недостатках, с которыми столкнулось Сербское государство, прошедшее за время его политической деятельности путь от насильственно замиренной провинции Османской империи до вассального кня-

жества с определенными границами, конституцией и державными институциями» (с. 6). Иными словами, и он рассматривает биографический жанр как способ разговора о контекстной среде персонального случая, в данном варианте – в основном о политической (но также и социальной) истории Сербии середины XIX в.

Сложность, сразу отмечаемая автором книги, заключена в том, что в распоряжении историка нет материалов, которые несут на себе отчетливый отпечаток личности его героя – дневников, мемуаров или частной переписки (впрочем, в биографии использовано немало новых материалов из сербских архивов). В результате, некоторые аспекты жизни Петрониевича, особенно ранние, остаются неизвестными. И именно объем и характер материала определили, как поясняет Попович, хронологический-тематический принцип построения книги.

Следуя за своим учителем Р. Люшичем, Попович относит вождя уставохранителей к той генерации, рожденной около 1789 г., на становление которой повлияли Наполеоновские войны и сербские восстания 1804–1815 гг. Своеобразным социальным лифтом для какой-то части из них стало утверждение автократии князя Милоша Обреновича, поскольку он «с начала правления окружил себя людьми сомнительных моральных качеств, незнатного происхождения и, совершенно ясно, неумелых в государственных и административных делах» (с. 16). В результате некоторые видные деятели предшествующей эпохи, вроде протоиерея М. Ненадовича или воеводы Л. Лазаревича, затем уже, после возвращения из эмиграции, оказались в тени выдвинувших князя. Это было отчасти следствием «революционного процесса в Сербии, который не завершился со Вторым сербским восстанием» (с. 17).

Начало службы у Милоша стало для Петрониевича, как и для остальных княжеских слуг, своеобразным «чистилищем», в котором они «приверженностью, послушанием и трудами боролись за то, чтобы заслужить княжеское доверие». При этом, как известно, Милош не делал различий между государственной и частной жизнью своих подчиненных; в 1820 г. он принудил Петрониевича жениться на выбранной ему невесте и позднее крестил его детей. Однако, что любопытно (как свидетельство выделения и спецификации «политики»), в дальнейшей борьбе за власть «кумовство было разорвано, невзирая на религиозные предписания и

традиционное отношение к этому важному институту социальной стратификации» (с. 19). Вероятно, уже грубое «использование» традиции в управленческих практиках Милоша Обреновича было чревато ее дальнейшим подрывом, по крайней мере, в политической сфере.

Своеобразие положения Петрониевича заключалось в его «пречанском» происхождении (он перебрался в Белградский пашалык с территории Габсбургской монархии), что не мешало ему в дальнейшем называть следующую волну переселенцев презрительной кличкой «швабы». По мнению биографа, Петрониевич долгое время не понимал менталитет и обычаи турецких сербов, и «также “швабская одежда”, которую он носил в начале своей службы, внешне отделяла его от по-восточному одетому большинства в княжеском окружении, вызывая насмешку, равно как и над Димитрием Давидовичем, который разбавлял кофе молоком» (с. 22).

В то же время служебная карьера Петрониевича выстраивалась по восточному сценарию – из писарей в дипломаты. Более того, «из-за частых контактов с турками он подражал их обычаям: сидел с ними на диване со скрещенными ногами, сосал чубук и разговаривал на турецком языке» (с. 38). Способность к превращениям и лицедейству – существенное качество дипломата. Однако предметные трансформации бытовой сферы – это и существенный сюжет социальной истории. Тема переозначивания со сменой наряда еще несколько раз всплывала в биографии Петрониевича. Так во время его поездки в Россию (1830) склонный к мундиромании царь Николай I посоветовал сербским депутатам вернуться к «национальной одежде», что стимулировало соответствующие эксперименты по ее изобретению, в которых принимал участие и сам Петрониевич. Однако вывод автора, кажется, излишне прямолинеен: «Символика одежды и русские рекомендации в этой связи отражали русскую политику по отношению к Османской империи, а тем самым и в отношении Сербии, после 1833 г. Эта замена несколько не соответствовала сербским интересам» (с. 61).

Более важным сквозным сюжетом биографии Петрониевича является специфика дипломатии Милоша Обреновича и его наследников. Особенно в начале она имела «конспиративный характер» (с. 23), а излюбленным методом ее ведения был «подкуп чиновников Порты» (с. 43). С помощью подкупа Милош пытался манипулировать амбициями провинциальных па-

шей для давления на центральную власть, а сам Петрониевич, принимая участие в этих акциях, обретал дипломатическое искусство и завязывал связи с влиятельными турками, которые со временем оказались на важных правительственных постах и в Константинополе. Впрочем, остается вопрос, насколько эффективным являлся избранный способ отношений, учитывая нарастающее недоверие со стороны центра к политике Милоша, отчасти обусловившее его падение.

Еще более принципиальным представляется вопрос о соответствии властных притязаний Милоша объективным потребностям формирующегося Сербского государства и монархической традиции, уходящей в уже далекое Средневековье и имеющей только символическое, но не практическое значение. Опять же чрезмерно однозначным представляется заключение биографа о том, что «стремление князя Милоша приобрести наследственное княжеское достоинство имело, помимо понятных личных и династических интересов, глубокий государственный характер, который современники часто не осознавали» (с. 43). Однако ведь отмеченное автором как противоположная тенденция стремление Петербурга (а также Порты) создать олигархический орган власти в Сербии для ограничения деспотии Милоша объясняется не только желанием ослабления ее/его самостоятельности, но и, на что не раз указывали, во всяком случае, русские дипломаты, достижением внутренней стабилизации и институционализации Сербской авномии.

Пластичность политической позиции дипломата, возможно, одна из причин его успешной карьеры: «Петрониевич, который на скупщине 1833 г. говорил о готовности поднять сербский народ под турецкой властью, двумя годами позднее, направленный [князем] в соседние санджаки, вместе с турецкими уполномоченными умиротворял восставших сербов и болгар» (с. 80). Втайне недовольный своеволием и самодурством Милоша, Петрониевич только в январе 1835 г. во время Милетиной буны позволил себе с «пламенной речью» выступить против его деспотии (с. 86–87). Однако именно его князь назначил во главе сербской депутации в Константинополь для переговоров о конституции весной 1838 г., предварительно взяв с него клятву на верность. Тем временем, Петрониевич, развивая традиции конспиративной дипломатии в духе Мило-

ша, «действовал там преимущественно в интересах оппозиции» (с. 108).

Вообще, по заключению биографа, Петрониевич «как политик был искусен в тактике, готов на компромисс и уступки – эти качества и сейчас не в цене в Сербии, а тем более в то время» (с. 287). Именно тактическими соображениями, особенно в области внутренней политики, обусловленной борьбой с обреновичевцами, объясняется туркофильство Петрониевича, который по обстоятельствам мог искать поддержку и в других силах: польской эмиграции, Австрии или России.

Главная «слабость правительства Петрониевича, как и всех последующих правительств уставобранителей, происходила из противоречащих положений Конституции 1838 г. и закона о Совете 1839 г.». На практике правительство не существовало как коллективный орган исполнительной власти и представляло собой «ничто иное, как одну из комиссий Совета». Следовательно, «Петрониевич, как представитель князя [в Совете] и министр иностранных дел, был первым среди равных, то есть его относительное превосходство над остальными министрами проистекало из двойных полномочий, которые он исполнял» (с. 185–186). Проекты реформы исполнительной власти в консервативном духе, поддержанные Петрониевичем, не были реализованы из-за «бури» 1848 г., поэтому сербская политика представляла собой состояние личных амбиций и колебание внешних ориентаций, поддержанием баланса между которыми были озабочены европейские державы, прежде всего Россия, и Турция.

Таким образом, общий взгляд на политические процессы в Сербии середины XIX в. у Поповича соответствуют историографической магистрали. Усложнение этих выводов можно ожидать в обращении к специфике политической культуры уставобранителей и тех, кем они управляли. В этом отношении представляет интерес тот раздел книги, который посвящен вкладу Петрониевича в разработку основ уставобранительской идеологии. Он, в частности, осознавал, что в результате простой смены власти может возникнуть «вместо одного Милоша 21 таких же», имея в виду членов Совета (с. 232). Однако практические рекомендации Петрониевича в целях недопущения этого, как замечает его биограф, находились в сильной зависимости от текущей борьбы за власть. В другом месте, говоря об интеллектуальных интересах своего героя (склонного к теологи-

ческим беседам, отвергнувшего иллиризм и языковую реформу В.С. Караджича), Попович задается вопросом: «проистекают ли консервативные убеждения Петрониевича из политической практики, или же они плод его интеллектуального развития и миропонимания, в котором доминировали вера и мистика. Нам кажется, что это второе преобладало» (с. 259).

Любопытным эпизодом в карьере Петрониевича был реализованный им проект строительства первой стекольной фабрики, что выдвинуло его в пионеры сербской индустрии. Проект оказался не слишком удачным из-за ошибок в техническом и коммерческом планировании, и это – иллюстрация трудностей в экономической модернизации Сербии в целом. Петрони-

евич «руководствовался благородными и общественно полезными целями, но в их осуществлении не был эффективен, поскольку многие его замыслы в столкновении с действительностью терпели поражение. Его амбиции быть первым в политике и экономике превосходили его возможности», – заключает биограф (с. 247).

В любом случае обращение к биографии Петрониевича высветило многие аспекты сербского прошлого, которые нуждаются в дополнительном изучении и интерпретации.

© 2015 г. М.В. Белов

Работа поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Славяноведение, № 5

В.Б. КРЕСТИЉ. Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2013. 553 с.

В.Дж. КРЕСТИЧ. Сербы в Венгрии, 1790–1918

Монография академика Сербской академии наук и искусств профессора В. Крестича посвящена проблеме, которая мало затронута в работах российских исследователей. Вместе с тем судьба пречанцев (сербы, живущие на территории монархии Габсбургов) – одна из наиболее актуальных тем сербской историографии. Предшественники и современники Крестича создали массив публикаций, однако труды, в которых ими рассматривались значимые аспекты истории сербов в Венгрии в совокупности, можно пересчитать по пальцам. Это, в первую очередь, двухтомная коллективная монография сербских историков межвоенного периода «История Воеводины», работы С. Гавриловича, «Сербы в Воеводине» Д. Поповича, пятый и шестой тома коллективного издания «История сербского народа», логическим продолжением которых является книга Крестича.

Хронологическими рамками этого исследования являются 1790 г., когда состоялся Темешварский сабор, на котором сербы открыли эпоху борьбы за национальные права в рамках владений Австрийского дома, и 1918 г., когда история

их политических притязаний окончилась падением Австро-Венгерской монархии и интеграцией южных комитатов Венгрии в состав Королевства сербов, хорватов, словенцев (КСХС). На этом временном отрезке Крестич определяет «реперные точки» и делит монографию на шесть глав. Однако структура исследования скорее обусловлена логикой самого автора, чем хронологическими ориентирами. Опираясь на них, он представляет не хронику борьбы сербов за национальные права, а историю идей и идеалов, как они зарождались в этой среде, трансформировались под влиянием разных центров силы (Вены, Пешта/Будапешта, Загреба и Белграда) в течение «долгого» XIX в. и реализовались в 1918 г. При этом в качестве «иллюстративного материала» Крестич использует отрывки из стихотворений, песен, отражавших дух того времени, а сейчас являющихся классикой сербской литературы, искусно вплетая их в повествование. Вероятно, поэтому книга «Сербы в Венгрии, 1790–1918 гг.» анонсировалась в Сербии как явление в научной, общественной и культурной жизни страны.

Характерной особенностью данной монографии является смещение привычных акцентов. Львиную долю внимания автор уделяет проблематике второй половины XIX в. Согласно его рассуждениям, глубокой цезурой в эволюции общественно-политической жизни сербов в Венгрии стала не революция 1848–1849 гг., а австро-венгерское Соглашение 1867 г. Во-первых, потому, что после его подписания идейные течения (либеральное, консервативное, клерикальное) оформились в политические партии, которые вели не только борьбу за права, но и конкурировали друг с другом. Во-вторых, в сербской среде произошла переориентация – реализацию своих чаяний они теперь связывали с Пештом/Будапештом, разочаровавшись в Габсбургах как в гарантах национальной автономии. Только клерикалы и консерваторы оставались верны своему выбору.

Красной нитью через исследование проходит тема связей пречанцев с княжеством Сербия. Крестич считает, что нельзя изолировать историю сербов в Венгрии от истории народа в целом. Суть этих отношений в монографии раскрывается в связи с Первым сербским восстанием (1804–1813) и революцией 1848–1849 гг. Автор показывает, что эти события – яркие примеры взаимопомощи, которые подтолкнули обе части разделенного народа к более глубокому сотрудничеству в области культуры и политики. Вместе с тем, он относит Белград к центрам тяготения сербов наряду с Веной и Пештом/Будапештом. Несмотря на то, что их лидеры часто критиковали деятельность белградских коллег, считая внутренней политикой страны авторитарной, а внешнюю недостаточно активной в вопросах достижения национальной независимости и суверенитета, в критические моменты сербы в Венгрии были преданы Сербии. Так было во время Балканских и Первой мировой войн, когда казалось, что они утратили веру в государство и его освободительную миссию, но вопреки всему оказывали ему поддержку. Свою верность Сербии пречанцы доказали в 1918 г., когда связали с ней свою дальнейшую судьбу, отказавшись от объединения в одно государство с другими австрийскими славянами.

Как утверждает Крестич, их выбор между Белградом и Загребом был предопределен характером сербско-хорватских

отношений в рамках монархии Габсбургов. Камнем преткновения он считает нежелание хорватской политической элиты признавать национальные права сербов в Триедином королевстве, исходя из идеологических соображений и исторического права. Кроме того ситуацию обострял вопрос о принадлежности Срема, который в результате упразднения Военной границы отошел к Королевству Хорватии и Славонии в границах, определенных хорватско-венгерским соглашением 1868 г. Ревизия этого компромисса в 1873 г. сплотила большинство сербов в Венгрии вокруг С. Милетича и его Сербской либеральной партии, резко выступавшей против сближения с хорватами.

Рассматривая историю сербов в Венгрии через призму отношений с Веной и Пештом/Будапештом, автор приходит к выводу, что ни один из центров сил не смог бы оправдать их ожиданий, поэтому каждый конфликт с венграми приближал их объединение с Сербией.

Складывается впечатление, что главная мысль автора в данной книге – национальное движение сербов монархии Габсбургов не имело альтернативы, кроме воссоединения с Сербией. Возможно, таким образом Крестич пытается дать ответ на актуальный вопрос об автономии Воеводины. Автономия, которой добивались сербы в Венгрии в течение XIX в., была необходима для сохранения национальной идентичности в рамках монархии Габсбургов и дальнейшего складывания сербской нации. С объединением Воеводины, в первую очередь, как региона, с Сербией эта традиция теряла актуальность: в изменившихся условиях пречанцы перестали быть этническим меньшинством.

Книга «Сербы в Венгрии, 1790–1918 гг.» является блестящим примером использования широкого круга источников, в первую очередь материалов из архивов Вены, Будапешта, Загреба, Нови Сада, Белграда. Эта работа отражает последние достижения сербской исторической науки и опыт автора, и на данный момент представляется наиболее фундаментальным исследованием по данной теме. Критическое осмысление и авторская оценка событий являются характерными чертами стиля академика Крестича.

© 2015 г. Л.К. Кокунина

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗРЫВ И КУЛЬТУРА: СЛАВЯНСКИЙ МИР»

23–25 сентября 2014 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Взрыв и культура: славянский мир», организованная Отделом истории культуры. Как следует из названия, она продолжает традицию изучения взрывных процессов в культуре, заложенную Ю.М. Лотманом, в частности, в книге «Культура и взрыв» (М., 1992). Проблемы прерывности/непрерывности, революционности/эволюционности культурных процессов были рассмотрены участниками конференции на широком материале языка, литературы, искусства, науки, технологий, философских концепций и идеологических практик.

Взрыв, представляющий универсальный способ развития как в природе, так и в культуре, где происходит чередование эволюционных и взрывных процессов, является в то же время особенно значимым концептом именно для славянского мира, где континуальности и предсказуемости резко противопоставлено развитие толчками, с разворотами вспять и новыми прорывами, что характерно как для социальной жизни, так и для искусства и литературы славян. В то же время (при всей своей универсальности) понятие взрыв не всегда может быть применено ко многим сущностям, на первый взгляд кажущимся именно революционными. Это на обширном материале показал *Д. Сегал* (Иерусалим) во вводном докладе «Взрыв и прогресс». Пользуясь примерами из истории развития языка, литературы и искусства, докладчик подчеркнул, что истоки многих «революционных» процессов следует искать задолго до их проявления, а то, что обычно причисляется к взрыву, можно считать периодом ускоренного и максимально активного развития уже имеющихся – и постепенно набирающих силу тенденций. Взрыв, таким образом, становится «интерпретационным» понятием, зависящим от оптики, избранной исследователем, от его перцепции.

К похожему заключению пришла *И. Свирида* (Москва), остановившаяся в докладе «Были ли взрывом кардинальные изменения в культуре эпохи Просвещения?» на вопросе адекватности понятия «взрыв» для описания художественных процессов. На примере естественного парка – одного из наиболее удавшихся проектов эпохи Просвещения – было показано, что изменения, которые можно было бы считать взрывом, вызревали в течение десятилетий. В докладе была продемонстрирована важность понятия «метаморфоза» как необходимого для описания процесса, происходившего в этой сфере и связанного с традицией, что в сумме изменило жизненное пространство людей XVIII в.

С появлением понятия «взрыв» в трудах Ю.М. Лотмана публику познакомила его ученица *Т. Кузовкина* (Таллинн), представившая доклад «Понятие взрыва в поздних работах Ю.М. Лотмана: к эволюции метаязыка ученого». В сообщении были проанализированы как широко известные труды ученого, так и работы, не введенные в научный оборот (черновики, неопубликованные тезисы), прослежено постепенное формирование той концепции, которая в начале 1990-х годов (взрывной период в жизни страны – на что указывает и сам Лотман) получила оформление в книге «Культура и взрыв».

Ж. Хетени (Будапешт) в докладе «Stasis / ekstasis / ?» предприняла попытку осмысления аспектов словесного выражения экстаза в литературе и искусстве с привлечением теоретических наблюдений из сферы физики и физиологии. В трехэтапных пониманиях экстаза (подход – вершина – отход) самым безусловным является центральный этап, его длительность, физиологические и эмоциональные импликации. Как правило, именно не-

уловимое привлекает искусство, что и было постулировано, а затем доказано докладчиком.

Сходную проблематику рассмотрел *Й. Ужаревич* (Загреб), представивший доклад «Смеховой взрыв и структура анекдота», в котором были исследованы компоненты данной краткой формы современного городского фольклора. Всеми исследователями традиционно отмечается, что конец анекдота (пуанта) – его самый важный структурный элемент, однако возникает вопрос, следует ли понимать ее как смысловой взрыв или, скорее, как смысловую имплозию. Исходя из идеи смысловой имплозии, докладчик показал, что имплозия смысла сопровождается в анекдоте взрывной ментально-физиологической реакцией – смехом, опираясь в его трактовке на кантовское определение смеха как аффекта, прорывающегося из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто.

Взрыв в широком смысле – выраженный в категориях прерывности – непрерывности и предсказуемости-непредсказуемости – привлек внимание *Ж. Бенчиц* (Загреб), выступившей с докладом «Прерывное и непрерывное в любовно-эротических нарративах Людмилы Петрушевской (“По дороге Бога Эроса”))». При анализе прозаического сборника в этих категориях исследовательница опиралась на результаты поздних исследований Ю.М. Лотмана, прежде всего на выстроенную им дихотомическую типологию процессов развития, сводящуюся к противоположности между эволюцией и взрывом.

Осознание и осмысление поствзрывных процессов в литературных текстах предстало в качестве отдельной проблемы. *А. Морар* (Женева), выступившая с докладом «“Обрубок” в строящемся мире. К пониманию взрыва у М. Осоргина», исследовала ее применительно к пореволюционному времени: избранный ею для анализа роман М. Осоргина «Сивцев вражек» вписывается во «взрывную» парадигму текстов о революции, ставящих вопрос о возможности построения нового мира на обломках, развалинах и разбросанных осколках старого мира. *Я. Войводиц* (Загреб), в свою очередь, обратилась к послевоенной действительности. В докладе «После взрыва (Л. Улицкая. “Детство 45–53: а завтра будет счастье. Сборник писем о послевоенном детстве”))» она исследовала семантические характеристики периода после взрыва (время надежды в будущее, время очищения), проанализировала влияние большого взрыва эпохи на «маленькую» историю обыкновенного человека и его семьи (оно раскрывается и в структуре книги, составленной Л. Улицкой из частных писем).

Несколько сообщений было посвящено проблеме взрыва в поэтическом тексте. *А. Камтани* (Сассари) в докладе «Взрыв молчания vs. элоквенция и речистость» рассмотрела молчание как семиотическую зону, выделив встречающиеся варианты молчаний, умолчаний и недосказанностей в поэзии прежде всего эпохи между «Silentium!» Тютчева и «Silentium» Мандельштама. *Н. Рудник-Сегал* (Иерусалим) представила доклад «Циклическое и эксплозивное в римских стихах Вяч. Иванова», в котором выделила основные мотивы, позволяющие говорить о «взрывном» характере римского текста Иванова. Образ и метафору взрыва исследовала в докладе «Взрыв в поэзии Серебряного века (по материалам Словаря русской поэзии XX в.)» *Н. Фатеева* (Москва). Были проанализированы как референциальные, так и метафорические употребления («взрыв страсти», «взрыв откровений») данной лексемы, отмеченные в Словаре русской поэзии XX в. (т. 1. М., 2001), а также выделены поэты, у которых это слово наиболее репрезентативно – в первую очередь, у М. Цветаевой.

Не как историко-культурную метафору, но как феномен художественного мира рассмотрел взрыв в докладе «Взрыв как тема и символ в европейских литературах рубежа XIX–XX веков» *Е. Яблоков* (Москва). В центре его внимания находился мотив взрыва в сюжете литературного произведения. Существенное значение имеет «масштаб» события: внимание в докладе было уделено взрывам «всеобъемлющим», призванным кардинально обновить бытие. Материалом послужили произведения польской, русской, сербской, чешской, французской и других литератур, созданные примерно за полвека (1880–1940-е годы).

Взрыв как часть поэтики кинематографа привлек внимание *Д. Крашовца* (Любляна). Его доклад «Взрыв в кинематографе» стал попыткой ответа на вопрос, что именно говорит взрыв о мировосприятии общества. В докладе были выделены семантические функции взрыва (устранение проблемы, новый импульс, придаваемый повествованию, символ перехода из одного мира в другой и т.д.), отдельному рассмотрению подверглись взрывы в югославском кино о Второй мировой войне (1970-е) и в постюгославском, о войнах периода распада федерации (2000-е), стремившемся создать новую мифологию исторических процессов. Таким образом, взрыв принадлежит к знакам исторического языка,

что позволяет рассматривать его с точки зрения и семиотической, и пропагандистской функций кинематографа.

На кинематографическом материале был построен и доклад *И. Перушко* (Загреб) «Ружье, которое не выстрелит (Взрыв и современное киноискусство о войне)», темой которого стали войны 1990-х годов в странах бывшей Югославии и России и их отражение в военных драмах последних лет («Александра» А. Сокурова, «Ничья земля» Д. Тановича). Сравнение этих фильмов продемонстрировало разницу в реализации типологически одного события, т.е. разные модели разрешения неразрешимой ситуации (эксплозия/имплозия).

П. Королькова (Москва) проследила влияние тех же событий – войн начала 1990-х годов и распада общего государства – на современные литературы стран бывшей Югославии (доклад «Отражение военных событий в Югославии начала 1990-х гг. и формирование стереотипа “Босния – потерянный рай” в творчестве современных сербских, хорватских и боснийских писателей»). Речь в докладе шла о специфике изображения и осмысления войны 1992–1995 гг. в творчестве современных сербских, хорватских и боснийских писателей, о способах формирования стереотипа Боснии как потерянного рая, а также о его особенностях в литературах народов, 20 лет назад находившихся по разные стороны баррикад.

Несколько докладов было посвящено отражению в текстах культуры более далеких взрывных событий (войн, революций, восстаний), происходивших в социуме, попыткам их адекватного описания, рефлексии, а иногда даже предвосхищениям. *Н. Филатова* (Москва) в докладе «Польское восстание 1830–1831 гг. под пером современников (о языке описания социальных потрясений)» преимущественно на материале эго-текстов вычленила характерные элементы описания восстания 1830 г., ассоциирующие его со взрывом, ускорившим течение исторического времени (в сравнении с метафорами «сна», «перерыва в истории», «тюрьмы», с помощью которых те же современники описывали эпоху 1815–1830 гг. в истории Царства Польского), и показала их роль в формировании исторической памяти об этом ключевом событии в истории Польши.

Осмыслению другого масштабного взрыва – Первой мировой войны – были посвящены доклады *А. Красовец* (Люблина – Лион) «“Военные стихи экспрессиониста” (1920) Бориса Земенкова и “Экстаз смерти” (1925) Сречко Косовела» и *Т. Чепелевской* (Москва) «Первая мировая война и ее отражение в словенской литературе (на примере творчества Станко Майцена)». Военный опыт, поставив под угрозу целостность сложившегося миропорядка, вызвал к жизни глубинные сдвиги, трансформировавшие человеческое мировосприятие. Описание таких сдвигов осуществлялось с помощью новых выразительных средств, наряду с поисками которых художники и поэты искали новые образы, призванные воплотить реальность во всей жестокости. Так, например, поэты Б. Земенков и С. Косовел исповедовали экспрессионизм, выражавший чувственное восприятие битвы и войны, ощущение подавленности и страха перед лицом небытия. Изменение поэтики, влияние военных событий на язык и стиль произведений и стали предметом внимания докладчиков.

Напротив, предметом доклада *Е. Надеждиной* (Москва) «Предчувствие взрыва. Образ “жертвы” в творчестве чешско-немецких художников накануне Первой мировой войны» стал предвоенный этап творчества чешских художников Б. Кубишты, Я. Зравого, Й. Вахала, М. Оппенгеймера, многие работы которых объединяет исходящая от них атмосфера напряженного ожидания, вакуума, разреженного пространства. Центральной точкой измерения этого пространства становится образ жертвы (св. Себастьян, Прометей, Христос, Антихрист), выступающий зачастую в роли криптопортрета художника. Явленная провокативность этого образа, по мнению докладчика, уже сама собой есть визуализация вспышки, разрыва привычных и устоявшихся связей, семантического взрыва.

Н. Злыднева (Москва) в докладе «Момент непредсказуемости: русский экспрессионизм, которого не было», рассмотрев творчество русских художников-экспрессионистов 1920-х годов (Тышлера, Семашкевича, Древина и др.), пришла к выводу о невозможности реализации экспрессионизма в полной мере по причинам как социально-политическим, так и логики художественного развития – это, по мнению автора доклада, привело к тому, что экспрессионизм в русском искусстве стал взрывом «в квадрате»: метафорическое описание поэтики соединилось с проекцией физических свойств среды на описание социальной системы.

Н. Габриэлян (Москва) в докладе «Взрывные процессы в живописи Бориса Отарова» продемонстрировала, что понятие «взрыв» хорошо отвечает как биографии известного

художника-нонконформиста, изобиловавшей драматическими событиями и резкими изменениями жизненного сценария, так и особенностям поэтики его произведений, которым присущи вихреобразные композиционные решения, броуновское движение мазков, выходы за пределы плоскости при помощи различных материалов (стекла, металла, дерева) и другие «взрывные» изобразительные средства.

Возможность приложения понятия «взрыв» к изменениям в культурной парадигме была рассмотрена в нескольких докладах, объектами которых стали прежде всего литература, искусство и язык. Так, *Н. Куренная* (Москва) в докладе «Рождение современного белорусского литературного языка: Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович» обратилась к произведениям поэтов, заложивших фундамент белорусской художественной литературы и ставших ее классическими образцами. Как показала докладчица, в их произведениях был синтезирован широкий спектр направлений и стилей, от романтизма до реализма и импрессионизма, на их же основе сложились нормы белорусского языка. Именно эту реализацию ускоренного развития, «скачка» литературы и языка возможно рассматривать как взрыв.

Ту же метафору использовала *А. Семенова* (Москва) в докладе «Скачок в развитии кашубской литературы как катализатор политического напряжения/конфликта», продемонстрировавшая связи между «взрывным» развитием культурного самосознания у кашубов после Второй мировой войны, выразившимся в частности в «ускоренном развитии» литературы и появлении переводов польской классики на кашубский язык, и «взрывоопасной» политической ситуацией, к которой привело это слишком бурное и слишком свободное, с точки зрения тогдашних партийных идеологов, развитие.

Название доклада *Д. Полякова* (Москва) «Язык революционной эпохи: 1920-е vs. 1990-е» было сформулировано как отсылка к одному из важных социолингвистических произведений русистики – книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928), в которой были описаны бурные языковые изменения в русском языке пореволюционного периода. Докладчик сопоставил типы новых явлений в языке 1920-х и 1990-х годов, также явившихся революционным периодом как для постсоветского общества, так и для русского языка, и попытался осмыслить культурную функцию новых явлений в языке указанных эпох.

Как видно даже из беглого обзора прозвучавших на конференции докладов, проблема взрыва в славянских культурах была рассмотрена в очень разных хронологических рамках (предчувствие взрыва, момент взрыва, его последствия) и семантических аспектах: социальный взрыв (война, революция) как источник новых процессов в культуре, образ взрыва и его семиотические функции в произведениях литературы и искусства, концепт взрыва как основа идеологии и поэтики художественных направлений, диалектика революционного и эволюционного в культуре, интерпретация ускоренного развития культуры как взрыва и т.д.

Добавим, что состоявшаяся конференция явилась частью проекта Отдела истории культуры «Категории и механизмы славянской культуры», в рамках которого уже была проведена конференция «Проблема гибрида в славянских культурах» (25–27 сентября 2012 г.), материалы которой вошли в соответствующий сборник («Гибридные формы в славянских культурах». М., 2014).

© 2015 г. Д.К. Поляков

К ЮБИЛЕЮ ГРИГОРИЯ ЛЬВОВИЧА АРША

21 ноября 2015 г. исполняется 90 лет одному из ведущих российских историков-балканистов, специалисту в области изучения истории Албании, Греции, международных отношений на Балканах и российско-балканских связей, ведущему научному сотруднику Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, доктору исторических наук Григорию Львовичу Аршу. У него за плечами – боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны, десятилетия научно-исследовательской работы в системе Советской, а затем Российской академии наук, более двухсот монографий, статей и других научных работ.

Г.Л. Арш родился в 1925 г. в Архангельске. Как и многие представители его поколения, он ушел на фронт сразу после окончания средней школы в 1943 г. Был ранен, за боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и медалями. После окончания войны Г.Л. Арш поступил в Ленинградский университет, который окончил в 1951 г. специалистом в области всеобщей истории. В соответствии с существовавшими в те годы правилами распределения, он несколько лет проработал учителем в ленинградской школе, а затем поступил в аспирантуру Института истории Академии наук СССР – в то время головного исторического учреждения в академической системе.

В 1959 г. Г.Л. Арш защитил в Институте истории АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII – начала XIX в.». К этому времени он стал ведущим в СССР специалистом по истории Албании. Глубокое знание албанского языка и литературы, архивных документов и других источников, современной историографии придавали трудам Г.Л. Арша фундаментальность и всесторонность. При этом принципиальная и объективная позиция позволяли ему аргументировано высказываться по проблемам, носившим как тогда, так и сейчас острый характер – учитывая исторически противоречивое развитие российско-албанских отношений и непростую ситуацию в балканском регионе.

Первый посвященный албанской истории труд в отечественной историографии – «Краткая история Албании» (М., 1965) – увидел свет спустя всего лишь несколько лет после драматического разрыва советско-албанских отношений, разрыва, вина за который лежала на обеих сторонах. Несмотря на это, авторскому коллективу, ключевая роль в котором принадлежала Г.Л. Аршу, удалось сохранить научную объективность и принципиальность. Данная работа сразу же стала библиографической редкостью.

К этому времени у Г.Л. Арша вышла также индивидуальная монография «Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)» (М., 1963), подготовленная на основе кандидатской диссертации, но с привлечением большого количества новых материалов (в 1994 г. была опубликована в Греции). С этого момента и до сегодняшнего дня Г.Л. Арш является признанным авторитетом по истории Албании и российско-албанским связям, труды которого охватывают многовековые пласты – от раннего Средневековья до Нового и новейшего времени. В 1992 г. увидела свет «Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней» (М., 1992). Ее ответственным редактором и одним из авторов стал Г.Л. Арш, а само издание до настоящего времени остается главным обобщающим трудом по албанской истории.

История Албании подробно проанализирована Г.Л. Аршем и в принадлежавших ему перу разделах семитомной серии коллективных монографий «Международные отноше-

ния на Балканах». Это подготовленное Институтом славяноведения РАН фундаментальное издание стало первым обобщающим анализом развития ситуации в регионе, который с легкой руки политиков и дипломатов принято именовать «пороховым погребом Европы». В авторских разделах Г.Л. Арша анализ динамики международной обстановки на Балканах базируется на доскональном знании архивных материалов из различных стран, современных тенденций мировой историографии, а в качестве методологической базы выступают те самые принципы регионального подхода и междисциплинарных исследований, которые сегодня являются общепризнанными во всем мире.

Неудивительно, что блестящее знание не только истории собственно Албании, но и балканского региона в целом побудило ученого еще в 1960-е годы вплотную заняться и южной албанской соседкой – Грецией. Исторически сложные и противоречивые греко-албанские отношения во многом определяли и продолжают определять динамику всей ситуации на Балканах – и они нашли всестороннее отражение в работах Г.Л. Арша. Одновременно обращение к истории Греции позволило ученому выявить и по-новому проанализировать ключевые аспекты балканской политики России.

В многогранной истории Греции внимание исследователя с самого начала привлекли важнейшие страницы героической борьбы греческого народа за национальное освобождение, пользовавшейся поддержкой России. Греческая революция 1821–1829 гг. открыла новую страницу в истории эллинской государственности – и на этой странице засверкали имена любимых героев Г.Л. Арша – А. Ипсиланти и И. Каподистрии, оставивших ярчайший след и в российской истории. Еще одним героем исследований ученого является Л. Кацонис – грек на российской военной службе.

Благодаря введенным в научный оборот неизвестным ранее дипломатическим документам и другим источникам, Г.Л. Аршу удалось нарисовать комплексную картину развития обстановки на Балканском полуострове в конце XVIII – первой половине XIX вв., показать место данного региона в системе внешнеполитических приоритетов России, проанализировать многочисленные проекты «обустройства» Балкан, принадлежавшие греческим и российским государственным, политическим и общественным деятелям, рассмотреть двусторонние российско-греческие политические, экономические, культурные связи, изучить деятельность греческих общин на территории Российской империи. В 1969 г. Г.Л. Арш защитил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи» – уже в следующем году увидевшую свет в виде индивидуальной монографии (М., 1970).

Теме русско-греческих связей посвящена опубликованная в 2014 г. в сборнике «Императорский дом Романовых и Балканы» статья Г.Л. Арша «Петр I и Екатерина II – царственные филэллины» (М., 2014). А такие глубокие статьи Г.Л. Арша, как «Греческая революция 1821–1829 годов» («Новая и новейшая история». 1971. № 3), «К вопросу о национальном самосознании греков в канун революции 1821–1829 гг.» (в сборнике «Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях». М., 2006), «Российский государственный филэллинизм XVIII столетия» (в сборнике «От Средневековья к Новому времени». М., 2006), «Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события» (в книге «История и современность». М., 2008), и многие другие позволяют по-новому взглянуть на важнейшие аспекты, проявления и движущие силы процессов, протекавших на Балканах в Новое время.

Следует также особо выделить опубликованную совсем недавно и основанную на впервые вводимых в научных оборот архивных документах работу Г.Л. Арша «Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов» («Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина». М., 2013).

В последние годы из-под пера Г.Л. Арша вышли фундаментальные работы, посвященные актуальным проблемам историографии истории Греции и Албании. Среди них следует особо отметить исследование «Некоторые вопросы истории Албании в трудах дореволюционных русских славистов» для сборника «Независимость Албании в общепалканском контексте» (М., 2014), а также статью «К вопросу об оценке Ламброста Кацониса в историографии» («Вопросы истории». 2015. № 4). В последней автор подвергает критическому анализу некоторые современные тенденции в освещении истории Греции, не отвечающие, по его мнению, принципам исторической истины и интересам развития греко-российских связей.

Десятки трудов Г.Л. Арша переведены на албанский, греческий, английский, французский и другие европейские языки. Помимо авторской, он активно занимается редакторской работой: особое место в ней принадлежит выпускам «Балканских исследований». Ученый принимает активное участие в научной и общественной жизни Института славяноведения РАН. Он, невзирая на лица, отстаивает свое видение путей развития отечественной науки, выступает за сохранение богатейших традиций отечественной славистики и балканистики, жестко критикует негативные и опасные тенденции в российском обществе и государстве. Научные доклады и выступления Г.Л. Арша по острым балканским проблемам – в том числе косовской – всегда отличаются глубиной анализа, объективностью, принципиальностью, неприятием политических спекуляций и дешевых публицистических сенсаций.

Одним из важнейших направлений научной деятельности Г.Л. Арша является публикация документов из российских и зарубежных архивов, посвященных истории Албании, Греции и российско-балканских связей. Особое место среди них принадлежит переписке А. Ипсиланти, а также дипломатическим документам, касающимся взаимоотношений России и полунезависимых пашалыков Албании и Эпира в XVIII–XIX вв. В 1999 г. в Салониках увидел свет сборник документов, посвященных деятельности А. Ипсиланти, составителем и ответственным редактором которого был Г.Л. Арш (Alexander Ypsilanti. Correspondance inedite. Thessaloniki, 1999).

Перу маститого ученого принадлежат многочисленные разделы в публицистических и научно-популярных трудах – в том числе статья «Албания: Исторический очерк» в первом томе «Большой российской энциклопедии» (М., 2005). Он ведет активную педагогическую работу, руководит молодыми аспирантами и соискателями. Григорий Львович с неизменной симпатией и вниманием относится к молодым исследователям, охотно делится с ними своим богатым научным и жизненным опытом, всячески поддерживает проекты с их участием.

Г.Л. Арш на протяжении многих десятилетий с неизменным успехом представляет нашу страну на международных исторических конгрессах, симпозиумах и конференциях. Он входит в состав редакционной коллегии выходящего в США научного издания «Modern Greek Studies Yearbook». Когда в конце 1980-х – начале 1990-х годов для российских исследователей вновь стала открываться Албания – Григорий Львович охотно взял на себя роль не только докладчика, но и настоящего гида по истории и современности этой уникальной европейской страны для российских участников научных форумов в Тиране и других албанских городах.

Коллеги

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Григорию Львовичу Аршу доброго здоровья, новых творческих свершений, личного счастья и долгих лет жизни.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Subaev R.R.</i> (Moscow). The Balkan modernisation in 1878–1914: aims and outcomes	3
<i>Korolev G.A.</i> (Kiev). The Ukrainian revolution of 1917–1921: European dimension and realisation of a national project	17
<i>Filatova N.M.</i> (Moscow). Creation of the Kingdom of Poland in 1815 in the mirror of the official Polish culture	28

REPORTS

<i>Gusev N.S.</i> (Moscow). The First Balkan War and the Russian society	43
<i>Zabara V.V.</i> (Zaporozhye). Dynamics of inner political development of Bosnia and Herzegovina (1995–2012)	51
<i>Vinogradova L.N.</i> (Moscow). Eyes and eyesighi in the popular magis and mythological beliefs	59

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Viktor Ivanovics Grigorovich (1815–1879). To the bicentennial anniversary of his birthday	65
<i>Churkina I.V., Nenashcheva Z.S.</i> (Moscow). To the history of the publication of the legacy of Mikhail Raevsky	75
<i>Baturin A.P.</i> (St.-Petersburg). Vladimir Aleksandrovich Yakubsky – scholar, teacher, and man (1924–2013)	87
<i>Kenzera S.E.</i> (Kazan). Commission of historians of Russia and Poland in the late twentieth – early twenty-first centuries: conservation of traditions and new horizons	92

PUBLICATION

<i>Ganin A.V.</i> (Moscow). «Petlura’s army... looks battle-worthy enough». Ukraine of 1919 as seen by Denikin’s General Staff officers	98
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Belov V.V.</i> P. J. Поповић. Аврам Петронијевић: 1791–1852	116
<i>Kokunina L.K.</i> B. Ђ. Крестућ. Срби у Угарској 1790–1918	119

SCHOLARLY LIFE

<i>Polyakov D.K.</i> International scholarly conference «Explosion and culture: the Slavic world»	121
---	-----

JUBILEES

To the jubilee of Grigory Lvovich Arsh	125
--	-----

Сдано в набор 03.06.2015 Подписано в печать 06.08.2015 Дата выхода в свет 20.09.2015
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 1,8 тыс. Уч.-изд.л. 12,1
Бум.л. 4,0 Тираж 168 экз. Зак. 473 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru
Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука»
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6